

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

1839—40 гг.

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА.

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ ОТЪѢЗЖАЮЩИМЪ ВЪ СТЕПИ

Н. П. Иванова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. Сентября 1 дня 1873 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

И такъ, послѣ 30-го мая, по достиженіи нашими неутомимо-храбрыми товарищами перваго варварскаго гнѣзда на дальнемъ Востокѣ, когда, со взятіемъ Хивы, въ исторію нынѣ Царствующаго Императора еще прибавляется золотая страница Его великихъ дѣлъ, мы, старые туда ходаки, можемъ смѣло сказать: «свершилось», и весело повторить давно сложенный намъ В. И. Далемъ припѣвъ:

Слава Богу, слава намъ,
Слава всѣмъ нашимъ вождямъ!..

Вы прочтете реляціи предпринятой нынѣ, 3-й по счету, экспедиціи и убѣдитесь, что легче идти на непріятельскую батарею, чѣмъ ползать по кара-кумскимъ пескамъ и бороться съ трудностями степнаго похода. Какъ очевидецъ, я признаю не безполезнымъ познакомить желающихъ съ тѣми особенностями и лишеніями, какія привелось испытать участникамъ экспедиціи г.-а. Перовскаго. Вводимая въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ разумная гражданская администрація неминуемо потребуетъ туда значительное число русскихъ дѣятелей, которымъ, полагаю, не безполезно запастись практическими свѣдѣніями о предстоящихъ имъ трудностяхъ степнаго путешествія, не имѣющаго ничего общаго съ передвиженіями по Европейской Россіи.

Подобнаго рода практическія свѣдѣнія, по моему, тѣмъ болѣе необходимы, что, помимо запроса на чиновниковъ, правительству, въ виду введенія новой воинской повинности и уменьшенія сроковъ службы, чаще, чѣмъ прежде, придется освѣжать посылаемыя туда охранительныя силы.

При этомъ считаю долгомъ предупредить читателя, что изложенные здѣсь факты, касающіеся хивинской экспедиціи, не есть плодъ собственнаго моего измышленія, а основаны на документахъ, разнохарактерныя группы выбраны тѣ, въ которыхъ я былъ какъ дѣйствующее лице, или какъ наблюдатель и рисовальщикъ. Пусть читатель самъ составитъ себѣ понятіе о тогдашнихъ служакахъ, о нѣкоторыхъ личностяхъ, рельефно выходящихъ изъ рамокъ жизни обыденной, о стоимости запасовъ нашаго семимѣсячнаго похода, о цѣли, и нуждахъ какъ солдата, исполняющаго свой долгъ, такъ и вождя, морально съ нами страдавшаго.

Я буду очень счастливъ, если изъ моихъ замѣтокъ стараго дневника и современнаго альбома любознательный читатель извлечетъ какія либо интересныя свѣдѣнія объ экспедиціи гр. Перовскаго, или получитъ указанія, для предотвращенія тѣхъ лишеній, какія предстоятъ при степномъ путешествіи.

Безъ ознакомленія съ мѣстными особенностями нашей Сахары, съ одними только теоретическими взглядами многаго и полезнаго не сдѣлаешь.

ГЛАВА I.

Особенность моихъ учителей.—Последній изъ нихъ находитъ манускрипты бывшихъ царей казанскихъ; объясненіе пользы этихъ документовъ. — Сведенія о бегстве крестьянъ за р. Уралъ. — Мои первыя понятія о распространеніи фанатизма въ степяхъ.—Портретъ слепаго англичанина и разсказы объ его ослепленіи, о хивинскихъ женщинахъ и о р. Аму-Дарье.

Въ последній годъ моего корпуснаго образованія выпадало на мою долю пріятное удовольствіе бывать иногда, по праздникамъ, на приватныхъ урокахъ, и при этомъ случайно прислушиваться къ интимнымъ беседамъ моихъ учителей;—эти господа, до утвержденія штатовъ нашего корпуса и за отсутствіемъ добровольно желающихъ занять место въ нашемъ, отдаленномъ отъ центра Россіи крае, очень кстати и съ пользою назначены были педагогами; и корпусъ и они были не въ накладе: первый остался не безъ учителей, а вторые не безъ дела, а следовательно и не безъ денегъ.

Двое изъ этихъ преподавателей квартировали тогда въ большомъ загородномъ доме.—Посещая приватные уроки, я занимался въ большой комнате съ смолистымъ запахомъ отъ сосновыхъ стенъ и половъ. Въ ней, кроме двухъ столовъ, турецкихъ дивановъ и въ такомъ же количестве стульевъ, да книгъ, более ничего не было видно.

Здесь нередко мои уроки обращались въ дружескую беседу. Я первоначально какъ-то недоверчиво и дико смотрелъ на ласковое обращеніе моихъ учителей. Но когда они наперерывъ на-

*

чинали меня разспрашивать о значенiи, неправильно ими записанныхъ въ свои тетрадки, русскихъ словъ, застѣнчивость моя уступала мѣсто смѣлости, свойственной школьнику. Какъ бы не замѣчая моего неудачно сдерживаемаго смѣха, они серьезно и по нѣскольку разъ повторяли слова, заставляя меня тѣмъ смѣяться до слезъ, и подъ конецъ сами отъ души хохотали надъ своимъ произношенiемъ.

Такъ они изучали цѣлыя фразы, для поддержанiя, какъ я узналъ, разговора съ ихъ товарищемъ, всегдашнимъ гостемъ, который былъ чистый полиглотъ. У него было много старыхъ рукописей на татарскомъ языкѣ, собранныхъ имъ при помощи Бражки,—такъ называли тогда татарина Ибрагима, приходившаго съ продажными халатами.

Разъ, по утру, вскорѣ по окончанiи моего математическаго урока, нашъ язычникъ и вмѣстѣ промышленникъ, какъ его иногда звали, ибо онъ былъ когда-то профессоромъ политической экономiи, вбѣжалъ къ намъ съ необычайно сiяющимъ лицомъ. Не снимая ни калошъ, ни шляпы, ни шинели, онъ держалъ обѣими руками какую-то бумагу. Изъ его отрывочныхъ словъ, я могъ только понять, что съ нимъ случилось что-то необыкновенно хорошее.

Онъ осторожно положилъ на столъ свой исписанный лоскутокъ бумаги, схватилъ судорожно за руку одного изъ хозяевъ, просыпалъ его табакерку, не замѣчая, что тотъ хотѣлъ понюхать табаку, и, закинувъ свои длинные волосы назадъ, началъ предъ всѣми извиняться за свой костюмъ. Потомъ онъ объяснилъ намъ шепотомъ, что, получивъ манускрипты казанскихъ царя Мулей-Юсупа и славнѣйшей царицы Iесюнбеки, онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствiи подѣлиться съ нами своимъ счастьемъ.

Дѣйствителено такой ненормальной восторгъ вызвалъ у насъ веселую улыбку.

Когда ушелъ татаринъ, онъ досталъ изъ кармана молитвенникъ, вырѣзалъ въ картонкѣ его мѣстечко, уложилъ туда перга-

ментъ, исписанный камышевою палочкою, и заклеилъ, чтобы не было его замѣтно.

Любопытство заставило меня обратиться къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ собираетъ такое старье?

— Какъ зачѣмъ? Изъ этого старья пишутся книги.

— И вы напишете изъ этого что нибудь?

— Да, и я напишу. Такія вещи вѣдь могутъ интересовать и не наши головы. Если это занимало нѣкогда непобѣдимыхъ и страшныхъ монгольскихъ царей, такъ намъ и подавно необходимо познакомиться короче съ этими господами. Матеріалы, скрытые отъ историка, похожи на вырванный у человѣка здоровый зубъ, непозволяющій пережевывать пищу.... Жаль, что у васъ, кажется руководство для исторіи очень коротко?

— Да, отвѣчалъ я: у насъ о древнихъ народахъ, напримѣръ о кареагенахъ, только и сказано, что сестра тирскаго царя Пигмаліона уѣхала въ Африку и на берегахъ моря Средиземнаго, въ нынѣшнемъ Тунисѣ, основала Кареагенъ.

Оба мои слушатели, переглянувшись, улыбнулись, и антикварій продолжалъ:

— Здѣсь для любителя исторіи, этнографіи и другихъ старыхъ знакомыхъ—непочатой уголъ добра. Добро это тлѣетъ въ темныхъ архивахъ; вызвавъ скрытое въ нихъ на свѣтъ божій, можно бы принести громадную пользу, и привлечь въ пустыни за-Уральскаго края охотниковъ до сѣдой старины, которые изъ-за одной любви къ наукѣ даже и поселились бы здѣсь.

— А еще кто же ее населять-то будетъ? спросилъ съ удивленіемъ одинъ изъ собесѣдниковъ, поднявши плечи.

— Быть то было бы, но досконально о сокровищахъ никто ничего не знаетъ, кромѣ мокрыхъ стѣнъ архива. Какъ то на урокѣ у Леши Перовскаго, адъютантъ отца его, Габбе, передавалъ мнѣ, что господскіе крестьяне давно уже задумали уйдти въ степь, какъ уходили въ Бессарабію, но до 200 семействъ было переловлено близъ Эмбы, кажется, въ 1825 г.

— Да, отвѣчалъ я. Отецъ Габбе тогда былъ уфимскимъ гражданскимъ губернаторомъ; а разбиралъ это дѣло здѣсь начальникъ края, князь Волконскій.

— Должно быть была для крестьянъ весьма побудительная причина къ такому переселенію, не меньшая чѣмъ рыцарямъ въ Палестину и намъ, агрономамъ, сюда, заключилъ хвастливо политико-экономъ, повысивъ голосъ.

Въ одинъ изъ годовыхъ праздниковъ, раннею весною, эти господа меня пригласили сопутствовать имъ въ экскурсіи. Послѣ долгихъ переговоровъ за скромнымъ завтракомъ, трое друзей порѣшили сдѣлать походъ до ст. Берды и назадъ, по лѣвому, нагорному берегу р. Сакмары.

То попарно, то гуськомъ, шли мы тихо узкой колеей. Приглашенный старикъ съ казенной мельницы несъ взятыя на случай удочки. Одинъ изъ педагоговъ несъ большой поплавокъ, а остальные были вооружены дубинками, какъ предосторожностью отъ собакъ. Осмотрѣвъ старыя батареи Пугачева на Маячной горѣ и всѣ разрушенные верки его укрѣпленій, находившись до устали и налюбовавшись разливомъ рѣки, захватившимъ берегъ и растущія на немъ деревья, моя компанія усѣлась и стала прислушиваться къ шуму, рвавшихся съ шипѣньемъ, волнъ, смѣшанному съ дикими криками воронъ, съ ревностью и рѣзвостью торопившихся вить себѣ гнѣзда. Потомъ мнѣ вручены были часы для наблюденія и началось забрасыванье въ воду привязаннаго на лесѣ поплавка изъ древесной коры (оськоры); этимъ аппаратомъ, какъ объяснили мнѣ, пробовали исчислить степень паденія воды и быстроту р. Сакмары. Незнаю, на сколько успѣшны были опыты подобнаго вычисленія; знаю только, что поплавокъ оторвался и торопливо поплылъ по рѣкѣ, впадающей въ р. Уралъ.

Затѣмъ мы двое, производившіе опыты, полакомились вмѣстѣ съ другими балыкомъ, съѣли по яйцу, и вмѣшались въ разговоръ по поводу виднѣвшагося мѣстами изъ-за деревьевъ кочевья въ

Губернаторскихъ лугахъ, куда мои спутники попеременно смотрѣли въ подзорную трубку.

— Я слѣжу этихъ двуногихъ дикобразовъ непонимающихъ ни того, что почва для посѣва хлѣба имъ готова; ни важности перехода отъ пастушескаго состоянія къ промыслу земледѣлія, говорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ съ запальчивостью;—они еще глупы и долго останутся такими.

— Прежде, чѣмъ произнести столь строгій приговоръ, протяжно и значительно сказалъ другой, слѣдовало бы задаться вопросомъ: въ какой вообще степени развито благосостояніе киргизовъ? кажется оно незавидно!

— Этого сказать нельзя, подхватилъ третій. Многіе султаны и болѣе вліятельные киргизы кормятся около линіи казаковъ, вымѣниваютъ свои товары безпошлинно, получаютъ, на каждую семью, по пуду соли безденежно. И если бы кто нибудь потрудился имъ растолковать, что безданно-безпошлинно никто землей не владѣетъ; что кибиточный сборъ ихъ благодѣтель, ограждающій ихъ отъ произвола султановъ: — они бы сами сознали скоро, что о нихъ заботятся. Но жаль, что между ними много такихъ личностей, которыя находятся подъ вліяніемъ муллъ, людей далеко не безупречныхъ по нравственности и своему прошлому, и только прикрывающихъ былые грѣхи произвольно присвоеннымъ названіемъ ходжа [1]) (богомолецъ). За неимѣніемъ своего духовенства, киргизы на расхватъ призываютъ этихъ грамотѣевъ нетолько священнодѣйствовать, насколько у нихъ достанетъ умѣнья, но и нерѣдко вѣрятъ имъ какъ пророкамъ. Титулъ пророка пріобрѣтается такъ: будущій ходжа первоначально запасается у перваго аульнаго старшины видомъ, называемымъ у киргизовъ «балетъ», для закупки товаровъ и свободнаго проѣзда въ Орскъ, Уральскъ и въ Оренбургъ. Добравшись до мѣста, онъ останавливается на ночлегъ не въ

[1]) Русскіе, усвоивъ это слово, передѣлали въ *ханжа*.

городѣ, а подлѣ мѣноваго двора, куда для сбыта барановъ и лошадей прибываютъ киргизы съ разныхъ сторонъ степи.

Предложивъ свои услуги хорошо промѣнять товаръ хозяину, незнающему ни установившейся цѣны, ни русскаго языка, онъ дѣлается въ ихъ кругу своимъ. Его угощаютъ чаемъ, бишбармакомъ, а завтра онъ пріобрѣтаетъ не только процентъ, но и халатъ съ плеча своего довѣрителя.

Заручившись такимъ образомъ, онъ мѣняетъ и продаетъ безъ перерыва, обманывая сколь возможно болѣе продавца и покупателя, пока не попадетъ на самое лучшее по своей професcіи дѣло, извѣстное подъ именемъ *товара*.

Бывая по вечерамъ у своихъ новыхъ знакомыхъ, какъ-то: у Бражки, Малышки и другихъ татаръ, здѣшнихъ факторовъ, будущій ходжа получаетъ на коммисію для распродажи по линіи краденый табунокъ, ночующій въ дер. Каргалѣ. Отъ этой же артели мошенниковъ онъ узнаетъ и о распоряженіяхъ начальства, ибо русскіе чиновники, не зная мѣстнаго нарѣчія, должны имѣть переводчиковъ, которые, выкравши канцелярскія тайны, хотя продаютъ ихъ повидимому за безцѣнокъ, но наживаютъ дорогіе дома. А муллы, прогостивши здѣсь мѣсяцъ, или около того, мчатся въ невѣдомыя намъ степи, продавать товаръ; за сообщеніе же разныхъ чудесныхъ небылицъ, до которыхъ падокъ невѣжественный, хотя и свободолюбивый народъ, муллы эти пользуются довѣріемъ и величаются пророками.—Однако, пойдемъ, господа, до дому.

И кстати: мнѣ надо было идти домой и покончить письма. На прощанье одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ мнѣ:

— Быть можетъ на вашу долю выпадетъ жребій служить въ здѣшнемъ краѣ. Во имя собственнаго вашего достоинства, прошу смотрите на киргизъ какъ на людей. Дайте имъ при случаѣ разумный совѣтъ. Пользуясь ихъ простотой, природной смѣткой и безпредѣльной добротой, и платя за эти качества вниманіемъ къ нимъ, вы исподволь подготовите людей, полезныхъ для этой окраины.

Мы простились.

Въ слѣдующую субботу, встрѣтившись съ педагогами у директора корпуса, почтеннаго полк. Артюхова, я былъ приглашенъ идти съ ними посмотрѣть присланнаго изъ Хивы, въ числѣ другихъ плѣнныхъ, слѣпаго англичанина.

Въ оврагахъ старой слабодки намъ указали убогій домикъ.

Войдя въ избу, мы спросили:

— Здѣсь ли квартируетъ слѣпой англичанинъ?

—Онъ спитъ, отвѣчала хозяйка, и, съ этимъ словомъ, сдернувъ со спавшаго на нарѣ старика кафтанъ, заставила его подняться.

— Господа пришли посмотрѣть на тебя!—закричала она.

—А! такъ надобно одѣться, показывай имъ свой товаръ лицомъ, и старикъ, накинувши свой чекмень, шарилъ руками, ища свой кушакъ; подвязавшись имъ, онъ поправилъ свою тюбетейку, взялъ поданную ему палку и сѣлъ лицомъ къ дверямъ.

Мы замѣтили, что слѣпецъ-плѣнникъ былъ словоохотливъ.

Вся фигура его, съ головы до ногъ представляла намъ истаго татарина, и еслибы онъ не отвѣчалъ на привѣтъ на англійскомъ языкѣ, нельзя было-бы повѣрить, чтобъ хивинскіе парикмахеры, обривши, съумѣли такъ искусно его гримировать.

Онъ намъ разсказывалъ, что послѣ нѣкоторыхъ неважныхъ работъ въ хивинскихъ садахъ и расчистки каналовъ, выяснилосъ, что онъ знакомъ хорошо съ нивелированіемъ, такъ какъ, бывъ юнгой при англійскомъ капитанѣ, изъ Индіи, онъ во время съемки былъ захваченъ трухменами, и послѣ смерти капитана, умершаго отъ раны, былъ проданъ въ Хиву назадъ тому сорокъ два года. Послѣ небольшаго экзамена, по приведеніи въ порядокъ ихъ арыковъ, съ него взяли присягу, что онъ не будетъ ничего записывать на бумагѣ, кромѣ даннаго ему по этой части порученія, потомъ дали ему работниковъ, и все шло прекрасно. Усердно работая, онъ дѣлалъ и для себя проэкціи; наконецъ онъ рискнулъ бѣжать.

Пойманный, онъ былъ обысканъ, у него отобрали все, что при немъ было; допросили и очень скоро осудили, съ объявленіемъ: «за побѣгъ—щетину въ пятки, а за рисунки—выколоть глаза».

— Что же, больно было, долго ты лежалъ въ постели? спросили мы, боясь безпокоить его этимъ воспоминаніемъ.

—А не помню, отвѣчалъ онъ, давно, знаешь, это было; больше помнится, что грудь болѣла. Они что-то тутъ знать сломали, указалъ онъ на грудную кость.

—Чѣмъ же они выкололи глаза, что грудь твою задѣли?

—Нѣтъ, они совсѣмъ не выкалывали. Палачъ только подавилъ меня до безпамятства. Глаза выскочили, онъ и отстригъ ихъ прочь, какъ и всегда. Я это видалъ прежде, а тутъ и не показалъ мнѣ ничего, докончилъ разсказщикъ, скрививъ свое лицо, какъ бы желая улыбнуться надъ собою.

— А помнишь ты рѣку Аму? спрашивали его мы съ помощію хивинскаго переводчика, такъ какъ нашему филологу нѣсколько трудно понимать было по-англійски.

— Какъ не помнить, рѣка глубокая, да и шире вашего Урала.

— Но вѣдь ты Урала не видалъ.

— Ничего, что не видалъ. Когда съ партіей товарищей велимен я по мосту, за кушакъ привязаннаго къ сѣдлу проводника, я считалъ шаги лошади, и знаю ширину его.

— А есть въ Аму рыба?—спросилъ хозяинъ квартиры.

— Въ какой же рѣкѣ нѣтъ рыбы? А въ Аму-Дарьѣ есть и такая, какой вы меня не кормили,—осетры, бѣлуга и другая близкая ей родня.

— Не для того ли-то они сдѣлали и плотину-то, чтобы этой запрудою повернуть истокъ Аму въ Аральское море и помѣшать рыбѣ плавать въ Каспіи?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ слѣпой, качая головою. Эти кафыры прежде всего боялись, чтобы къ нимъ тогда не пріѣхали русскіе изъ Астрахани. Для этого, какъ я слышалъ, землю раздѣлили на участки, а пригнанныхъ для работы плѣнниковъ—на партіи, смотря по языку, которымъ говорили, отвели Аму въ Аралъ, да и сидятъ теперь за чертовой песочницей, да хлопокъ сѣятъ.

— Такъ у нихъ много было тогда плѣнныхъ?

АНГЛИЧАНИНЪ БЫВШІЙ У ХИВИНЦЕВЪ ВЪ ПЛѢНУ 42 ГОДА.

Дозв. ценз. СПб. 25 Іюля 1873. Тип. и Л т. А. Траншеля, Стремянная 2.

— Да много. Когда у нихъ ханская работа есть, они руки невольниковъ берегутъ, и головы имъ не рѣжутъ, а когда кончатъ—тогда ихъ укладываютъ.

— Поэтому рѣку Аму опять можно повернуть назадъ?

— Тамошнія рѣки послушны, куда хочешь, туда и повернешь ее. Да вотъ хотя такою палкою проведи борозду съ лѣваго берега, тамъ пойдетъ за тобой вода. Я уже знаю характеръ-то Аму-Дарьи.

— Я тоже слышалъ, что существенное значеніе этого направленія рѣки было ими избрано, главнымъ образомъ, чтобы сдѣлаться непреступными, замѣтилъ кто-то изъ посѣтителей; а что касается до легкости ея поворота, надо дожидаться случая посмотрѣть на мѣстѣ.

На вопросъ, какова въ Хивѣ семейная жизнь,—онъ отвѣчалъ:

— Тамъ есть у богатыхъ людей маленькіе гаремы. Дѣвушки живутъ при матеряхъ, у которыхъ часто есть соперницы, другія жены хозяина. Эти часто сплетничаютъ. Дочь тутъ служитъ въ большей части шпіономъ. Хитростямъ и обманамъ ребенокъ учится съ малолѣтства, а кому не поможетъ въ этомъ Аллахъ,—загоняютъ, поди туда, дѣлай то и это, ее дотого возстановятъ противъ родителей, что она не выходитъ, а бѣжитъ замужъ.

— А что ты дѣлалъ тамъ въ послѣднее время?

— Я топталъ сукно и этимъ ремесломъ доставалъ себѣ хлѣбъ. Вѣдь лѣтъ 30 будетъ какъ щетину у меня изъ ногъ вынули, но только не всю. Злодѣи оставили что-то тамъ на память, докончилъ онъ.

Набросавшій его портретъ, надивившись развитію его крѣпкаго сложенія и сунувши въ огромную руку бѣднаго мученика нѣсколько монетъ, мы ушли къ Артюхову. Тамъ собравшіеся гости прочитывали прилагаемый присемъ проектъ Академіи наукъ, и долго, за полночь, обсуждали по своему расходъ на ученую экспедицію изъ ассигнованой на нее правительствомъ суммы тогда—18,500 рублей.

ГЛАВА II.

Планъ академіи наукъ о составленіи ученой экспедиціи въ степь.—Главныя черты инструкціи, собственноручно изложенныя Петромъ I Бековичу-Черкасскому въ Либавѣ въ 1716 году.—Указанія о землѣ лежащей на западъ отъ Аму-Дарьи въ VI вѣкѣ; во времена Чингизъ-Хана; въ XIV вѣкѣ при посѣщеніи этого края арабскимъ писателемъ Ибкъ-Батумомъ.—Пріѣздъ А. С. Пушкина въ Оренбургъ и отзывъ его о нашихъ дорогахъ, выраженный въ стихахъ и записанныхъ на стѣнѣ въ банѣ инженеръ-полк. Артюхова.—Его замѣтка о разводѣ лѣса въ степяхъ.—Арестъ хивинцевъ.

Первоначальное сообщеніе объ академическомъ планѣ ученой экспедиціи къ Аральскому морю было изложено просто въ частномъ письмѣ, въ послѣдствіи же проектъ этотъ сдѣлался извѣстенъ и офиціально въ краѣ, а потому я и позволяю его себѣ привести здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ рапортѣ непремѣннаго секретаря Академіи П. Фуса военному министру, 14 іюля 1839 г., № 844, а именно:

«Предложеніемъ, отъ 24 мая № 650-мъ в. в — ство дали знать Академіи, что Государь Императоръ, предположивъ отправить ученую экспедицію для изслѣдованія восточныхъ береговъ Аральскаго моря подъ прикрытіемъ отряда, изволилъ одобрить представленіе г.-а. Перовскаго, который для значительнаго сокращенія издержекъ и для того, чтобы не потерпѣть въ степяхъ недостатка въ водѣ, считаетъ необходимымъ выступить въ ноябрѣ сего года. Далѣе предложеніемъ отъ 1 іюня за № 700, в. в — ство изволили увѣдомить

непремѣннаго секретаря, что маршрутъ ученой экспедиціи не опредѣленъ, но предоставленъ ближайшему соображенію Оренбургскаго военнаго губернатора, но что, по примѣрно полагаемому сроку возвращенія экспедиціи, возможно будетъ воспользоваться на берегахъ Арала весеннимъ временемъ. Наконецъ, предложеніемъ отъ 9 іюля за № 893, вы увѣдомляете непремѣннаго секретаря, что по полученному нынѣ вами отзыву г.-а. Перовскаго экспедиція имѣетъ выступить изъ Оренбурга или Орска въ апрѣлѣ 1840 г., почему гг. ученые должны прибыть туда непремѣнно еще зимнимъ путемъ, т. е. въ концѣ февраля. Какъ по смыслу перваго изъ сихъ предложеній, нынѣ рѣчь идетъ объ осуществленіи *ученой экспедиціи*, подъ прикрытіемъ военнаго отряда, отправляемой по Высочайшему повелѣнію, коей срокъ продолженія не опредѣленъ, а долженъ зависѣть отъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть и благопріятны, то Академія не могла не сообразить, что должайшій срокъ экспедиціи весьма желателенъ не только для географической съемки восточнаго берега Аральскаго моря и для успѣха естественныхъ наблюденій и коллекцій, но въ особенности и для того, чтобы приблизиться сколько возможно къ разрѣшенію важныхъ историко-географическихъ вопросовъ, которые занимаютъ ученый свѣтъ, съ того времени, какъ вообще пробудилось любознаніе историка, которые однако по сію пору оставались неразрѣшенными потому, что никогда не было предпринимаемо въ сихъ столь мало доступныхъ мѣстахъ строго-ученаго разысканія.

Если Академія не представила еще прежде обширнаго плана предполагаемому изслѣдованію, то это произошло только отъ того, что сначала была предписано весьма стѣсненное время и опредѣленный маршрутъ, начертанный безъ ея вѣдома.

Послѣ же, узнавъ, что маршрутъ будетъ сообразоваться съ обстоятельствами и что продолженіе экспедиціи повидимому не опредѣлено въ точности, Академія сочла бы нарушеніемъ долга своего противъ Его Величества и ученой чести имперіи, если бы преминула предложить такой планъ, какого конечно будетъ ожи-

дать ученый свѣтъ, узнавъ, что экспедиція снаряжается по волѣ самаго Государя Императора, и если бы даже отношенія большой Западно-Азійской степи, безъ сомнѣнія весьма неблагопріятныя для изысканія мирнаго ученаго, не позволили преслѣдовать планъ сей такъ далеко, какъ то желаетъ Академія, то она по крайней мѣрѣ можетъ дать себѣ свидѣтельство, что она съ своей стороны сдѣлала все, что предписывало ей положеніе ея. А если Августѣйшій Монархъ благоволитъ одобрить планъ Академіи, то она можетъ быть совершенно увѣрена въ томъ, что генералъ-адъютантъ Перовскій употребитъ все, что только состоитъ въ его власти, для обезпеченія желаемаго успѣха предпріятіямъ Академіи.

Итакъ, Академія проситъ ваше превосходительство обратить вниманіе Его Императорскаго Величества, что на всей обитаемой поверхности земнаго шара нѣтъ ни одной страны, въ которой, судя по всей вѣроятности, произошли такія обширныя перемѣны въ историческое время, какъ въ окрестностяхъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Не только большая часть поверхности степи изобилуетъ поваренною и горькою солью, указывая тѣмъ, что здѣсь было въ прежнее время дно моря, но и согласныя показанія греческихъ и латинскихъ писателей свидѣтельствуютъ въ томъ, что обѣ большія рѣки этой степи, Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, нѣкогда изливались въ Каспійское море; сверхъ того, нѣкоторые даже присовокупляютъ, что по сей послѣдней рѣкѣ привозили много индѣйскихъ товаровъ въ Каспійское море, а другіе даже показываютъ мѣру разстоянія устьевъ обѣихъ рѣкъ, одно отъ другаго, являя тѣмъ какъ бы положительное знаніе сихъ странъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ догадываться, что Аралъ составлялъ въ то время одно неразрывное цѣлое съ Каспійскимъ моремъ.

Другіе географы и историки, считая, напротивъ того, вѣроятнѣе, что обѣ рѣки, или по крайней мѣрѣ Аму-Дарья, со времени древнихъ грековъ, перемѣнила свое теченіе, потому что обѣ

нынѣ изливаются въ Аральское море, любопытствуютъ узнать причины, произведшія такую перемѣну. Они ссылаются на нѣкоторыхъ восточныхъ писателей, которые хотя и говорятъ, что обѣ рѣки текутъ въ Аральское море, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что до ихъ времени или еще даже и при нихъ Аралъ имѣлъ непосредственный стокъ въ Каспійское море, если Аму-Дарья, кромѣ устья своего въ Аралѣ, еще изливалась однимъ рукавомъ въ Каспійское. Сей-то рукавъ нѣкоторые путешественники, изъ коихъ мы назовемъ здѣсь только соотечественника нашего, Муравьева, узнаютъ по нѣкоторымъ мѣстамъ изсохшаго русла между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Однакожъ они не имѣли достаточныхъ геологическихъ познаній, чтобы подкрѣпить свое мнѣніе полновѣсными доводами, которые они могли бы почерпнуть какъ изъ свойства почвы, такъ и изъ сходства составныхъ частей земли, еще и понынѣ уносимой въ большомъ количествѣ теченіемъ Аму-Дарьи, и той, которая находится въ прежнемъ корытѣ рѣки. Многіе изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ восточный берегъ Каспійскаго моря, полагаютъ, что узнали устье или даже нѣсколько устьевъ сего стариннаго рукава Аму-Дарьи; никогда однакоже предполагамое русло не было далеко преслѣдуемо, и самъ Муравьевъ видѣлъ его только въ двухъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Между самыми уроженцами края преобладаетъ мнѣніе, будто бы искусственная плотина удерживаетъ воду прежняго рукава Аму-Дарьи.

Извѣстно, что поводомъ по снаряженію Петромъ Великимъ экспедиціи князя Бековича-Черкасскаго, рушившейся отъ вѣроломства хана Хивскаго, было показаніе одного трухменца, будто прежній истокъ Аму-Дарьи въ Каспійское море запруженъ и эта запруда можетъ быть уничтожена для пріобрѣтенія воднаго пути торговлѣ съ Хивою и Бухарою. Что Великій Государь болѣе придавалъ вѣсу открытію этого воднаго пути, нежели обѣщаннымъ вмѣстѣ пріискамъ золотаго песку въ восточныхъ частяхъ степи, это оказывается изъ собственно-ручной инструкціи, начер-

танной имъ въ г. Либавѣ 14 февраля 1716 года. Согласно сему наказу, предписано было Бековичу тщательно изслѣдовать запруду; заложить въ томъ мѣстѣ крѣпость и, если возможно, постараться прикрыть плотину; въ слѣдъ за симъ отправить купца на лодкахъ въ верхъ по рѣкѣ до самой Индіи, поручивъ ему составить точное описаніе мѣстностей рѣки.

Со времени неудачной экспедиціи князя Бековича прежнее теченіе рѣки Аму-Дарьи сдѣлалось предметомъ общихъ догадокъ и толковъ. Но съ тѣхъ поръ не сдѣлано ничего для собранія объ этомъ вопросѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Къ какимъ же страннымъ догадкамъ и предположеніямъ ведетъ такой недостатокъ точныхъ данностей, основанныхъ на научныхъ наблюденіяхъ, — объ этомъ можно судить даже изъ того, что съ одной стороны иные географы, не находя у древнихъ писателей ясныхъ указаній объ Аральскомъ морѣ, полагали, что оно произошло позже въ слѣдствіе отдѣленія воды двухъ вышесказанныхъ большихъ рѣкъ отъ Каспійскаго моря; а другіе, пользующіеся величайшею славою въ ученомъ свѣтѣ, какъ напримѣръ Гумбольтъ, выразили мнѣніе, будто Аральское море простиралось нѣкогда за Иртышъ и даже вдоль русла Оби, длиннымъ каналомъ до самаго Ледовитаго моря.

Стало, шаткимъ догадкамъ не прежде можетъ быть положенъ конецъ, какъ когда будутъ произведены и объявлены во всеобщее свѣдѣніе точныя разысканія мѣстностей. Разысканія же сіи ученый свѣтъ въ правѣ ожидать отъ Россіи, и можно присовокупить, что, судя по неоднократно выраженнымъ въ разныхъ сочиненіяхъ желаніямъ касательно конечнаго разрѣшенія вопроса о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи и возможно точнѣйшего опредѣленія первобытнаго пространства Каспійскаго и Аральского морей, онъ ожидаетъ ихъ съ нетерпѣніемъ.

Отнюдь не осмѣливаясь утверждать навѣрное, чтобы возможно было возобновить водяной путь между Аму-Дарьею и Каспійскимъ моремъ, если оно въ самомъ дѣлѣ заграждено искусственно, а впрочемъ и не покидая совсѣмъ этой надежды, если

Аральское море дѣйствительно 117-ть футовъ ($16\frac{5}{7}$ саж.) выше поверхности Каспія, какъ то оказалось изъ нивелированія, произведеннаго полковникомъ Бергомъ. Академія довольствуется только замѣчаніемъ, что на первый разъ слѣдуетъ прежде всего удостовѣриться дѣйствительно ли, можно еще распознать прежнее русло Аму-Дарьи къ сторонѣ Каспійскаго моря, изсохло ли оно въ слѣдствіе искусственной запруды, или отъ дѣйствія природы, и до какой степени оно замелено далѣе, что можно узнать на счетъ прежняго стоянія воды Аральскаго моря и проч. Если заподлинно отыщется бывшее русло рѣки, то необходимо предпринять новое нивелированіе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, потому что произведенное полковникомъ Бергомъ совершено было въ весьма невыгодное время года и по методѣ, которая съ тѣхъ поръ признана ненадежною. Само собою ясно, что если найдено будетъ возможнымъ привести въ исполненіе планъ Великаго Государя, то слѣдствія были бы не исчислимы. Хотя Академія, предварительно изслѣдованію, какъ уже прежде сказано было, не смѣетъ предаваться этой надеждѣ, но она считаетъ долгомъ своимъ поставить на видъ, сколько желательно было бы учинить такое изслѣдованіе не только по причинѣ возможности политическихъ и торговыхъ выгодъ для отечества, но и ради несомнѣнной пользы для науки. Изъ исторіи вѣдомо, что страна на западъ отъ нынѣшняго устья Аму-Дарьи въ давно-минувшіе вѣка слыла очень населенною и богатою. По завоеваніи Арабами въ VI вѣкѣ здѣсь процвѣтали художества и науки. Повѣтствуютъ, что во времена Чингизъ-Хана, при покореніи нынѣ необитаемаго города древняго Ургенча, 100,000 человѣкъ лишились жизни и, сверхъ того, каждому монгольскому воину досталось въ добычу 24 невольника. Но за всѣмъ тѣмъ городъ сей вскорѣ такъ оправился, что посѣтившій его въ XIV-мъ вѣкѣ арабскій писатель Ибкъ-Батума увѣряетъ, будто улицы были такъ многолюдны, что съ трудомъ можно было по нимъ пробраться. Вслѣдъ за симъ онъ былъ снова покоренъ Тимуромъ и при этомъ случаѣ завоевателю досталась

богатая добыча искусственныхъ издѣлій и драгоцѣнностей. Явно, что такое большое народонаселеніе вовсе не могло бы жить въ томъ краю, если бы по крайней мѣрѣ искусственная система орошенія, еще понынѣ существующая въ Хивѣ и ближайшихъ ея окрестностяхъ, не простиралась въ то время гораздо далѣе на западъ. Сверхъ того, многочисленныя и неопровержимыя историческія данныя доказываютъ, что здѣсь была нѣкогда огромная складка товаровъ. Если со времени открытія морского пути въ Остъ-Индію и нельзя надѣяться возстановить прежнее величіе, то проложеніе воднаго пути между Каспіемъ и Араломъ водворило бы въ сихъ странахъ образованность и отверзло бы торговлѣ Западной Азіи безопасный путь по Каспійскому морю. И хотя бы даже оказалось невозможнымъ открыть водяной путь, то ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ зодчества, уцѣлѣвшихъ отъ времени прежняго блеска, по дорогѣ между нижнимъ концомъ Аральскаго моря и Каспійскимъ, уже было бы ученымъ доспѣхомъ, достойнымъ Имени Его Императорскаго Величества. А еще въ большей мѣрѣ послужило бы ко ознаменованію экспедиціи — точное познаніе о перемѣнахъ, воспослѣдовавшихъ въ поверхностяхъ земли и водъ этого края.

«Исполненіе при нынѣ благополучно Царствующемъ Государѣ Императорѣ точнаго опредѣленія высоты Каспійскаго моря будетъ первою точкою опоры для предстоящихъ геологическихъ разысканій, которыя можно почесть какъ бы только дальнѣйшимъ распространеніемъ предпріятія, встрѣченнаго со всеобщимъ признаніемъ.

«Переходя теперь къ ближайшему означенію задачъ, рѣшеніемъ которыхъ слѣдуетъ прежде всего заняться предполагаемой экспедиціи, Академія не напоминаетъ, гдѣ нивелированіемъ полковника Берга въ 1825 и 1826 годахъ открыто довольно обширная нагорная равнина Усть-Уртъ между Араломъ и частію Каспійскаго моря, а потому она желаетъ, чтобы, кромѣ изслѣдованія восточнаго берега Арала и рукавовъ Сыръ-Дарьи, также и Усть-Уртъ

подвергнутъ былъ по возможности геологическому разысканію, и чтобы произведены были наблюденія, не находятся ли на сѣверъ и на югъ отъ этой горной равнины слѣды прежняго покрытія морей или рѣчныхъ руселъ, потому что обслѣдованіе Усть-Урта доказало, что Каспійское море не по всему восточному берегу своему состояло въ непосредственномъ соединеніи съ Araломъ.

Сѣвернымъ изъ сихъ двухъ путей можно безъ всякого опасенія слѣдовать съ обыкновеннымъ военнымъ прикрытіемъ; что же касается до южнаго, ведущаго по предполагаемому прежнему руслу Аму-Дарьи, то и онъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, можетъ быть преслѣдуемъ, не касаясь собственно Хивинскихъ владѣній, ибо отъ устья Аму-Дарьи можно изъ области подданныхъ Аральцевъ перейти въ землю Трухменцевъ, которые только по имени подвластны Хивинскому хану, оставляя въ сторонѣ владѣнія сего послѣдняго.

Но для преслѣдованія сихъ задачъ потребно умноженіе прежде предположеннаго числа лицъ, для того чтобы экспедиція могла раздѣлиться въ разныя стороны, а вслѣдствіе сего и принимая въ соображеніе также должайшее пребываніе экспедиціи, увеличивается также и прежняя его смѣта издержкамъ. Сверхъ того, для полнѣйшаго успѣха предпріятія, было бы весьма желательно, если бы Его Величество повелѣлъ снарядить въ Астрахани бригъ, который, будучи снабженъ нѣсколькими морскими топографами и потребнымъ воинскимъ прикрытіемъ, могъ отплыть немедленно по открытіи судоходства, весною 40-го года, для обслѣдованія еще недовольно извѣстныхъ пунктовъ по восточному берегу Каспійскаго моря, къ каковымъ принадлежатъ, между прочимъ, устье называвшейся въ древности Охусъ (Ochus), а въ послѣдствіи уже неотысканной рѣки, и Карабагскій заливъ; тотъ же самый бригъ могъ бы перевезти часть экспедиціи къ тому берегу, или оттуда, по предварительному соглашенію съ г.-а. Перовскимъ.

«Если же Его Императорское Величество на этотъ разъ

не соизволитъ разрѣшить планъ въ расширенныхъ его предѣлахъ, то Академія будетъ питать надежду, что впредь, при удобнѣйшихъ обстоятельствахъ, планъ ея удостоится одобренія въ этомъ обширномъ объемѣ, какъ того желаетъ вся Европа, и, довольствуясь покамѣсть болѣе ограниченною задачею, постарается обойтись безъ прибавочной суммы, сколько то дозволитъ предположенный срокъ экспедиціи. При семъ прилагаются смѣты издержкамъ экспедиціи:

1) На снаряженіе ея единовременно 22,900 р.

2) Ежемѣсячно на содержаніе лицъ 1,966 р. 66 к., предполагая, что г.-а. Перовскій озаботится средствами для перевозки и продовольствія въ степи, которыя здѣсь не могли быть вычислены».

Этотъ проектъ Академіи, изложенный, какъ упомянуто, первоначально въ частномъ письмѣ въ нашъ край, ходилъ изъ рукъ въ руки; читавшіе его видѣли, что подобное ученое предпріятіе невозможно безъ поддержки военной силы, а потому онъ интересовалъ какъ военныхъ, такъ и людей науки.

Послѣ изложеннаго школьнаго моего знакомства съ лицами, давшими мнѣ краткое понятіе объ антропологіи и этнографіи народа того края, я не смѣю умолчать о случайной моей встрѣчѣ тогда съ человѣкомъ, интересующемъ и теперь всякаго образованнаго читателя.

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ (конечно еще до 1839 г.), когда небольшая семья моего почтеннаго директора Ар-ва усаживалась за чайный столъ, на дворѣ послышался скрипъ подрѣзовъ дорожнаго экипажа.

Хозяинъ, увидавъ его изъ окна своего кабинета, замѣтилъ:

— Ай да, Васька котъ!—сегодня умывался кстати; баня готова. Чай на столѣ. Отворяй, Костя, ворота, ѣдемъ въ гости къ тебѣ, весело проговорилъ хозяинъ.—Однако кто бы это къ намъ пожаловалъ?

— Генералъ Пушкинъ изволилъ пріѣхать, прокричалъ вошедшій со двора мальчикъ, одѣтый въ черкеску изъ верблюжьяго сукна.

Дверь отворилась и на порогѣ показался довольно полный господинъ въ дорожной шубѣ и укутанный шарфомъ.

Тотчасъ подбѣжали его раздѣвать. Всѣ видимо обрадовались, всякій видѣлъ въ немъ какъ бы своего душевнаго, родного друга.

— Какой-то вихрь, а не мальчишка прокричалъ мнѣ: «дома баринъ».

— Дома, дома, подхватилъ хозяинъ, и проситъ дорогого гостя въ кабинетъ, здраствуй, здраствуй!

— Здраствуй, трегубый (у хозяина съ дѣтства верхняя губа дѣлилась надвое).

— Только дайте ему, проговорилъ «генералъ», указывая на своего человѣка, прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся на шарфѣ.

При входѣ въ зало опять посыпались привѣты. Гость спросилъ умыться, но хозяинъ тотчасъ же предложилъ Александру Сергѣевичу въ баню, а потомъ чай.

— Согласенъ, если только недалеко баня; мнѣ надоѣла ѣзда, отвѣчалъ, потирая руки, гость.

— Такъ, значитъ, идемъ; двадцать шаговъ по коридору — и мы будемъ въ теплушкѣ. Распорядись-ка, сказалъ мнѣ К. Д., чтобы тамъ найти намъ людей и свѣчи.

Захвативъ кучера и мальчика, которые внесли изъ саней вещи, я велѣлъ зажечь лампу, а самъ поторопился сбросить съ себя курточку и сапоги, чтобы не быть отосланнымъ въ комнату, такъ какъ я былъ уже въ казенной банѣ.

За хозяиномъ вошелъ гость.

Кучеръ и мальчикъ проворно принялись за раздѣванье ихъ.

— Да какъ, братъ К. Д., у тебя славно здѣсь; даже андреемъ пахнетъ (ambrée), замѣтилъ А. С. съ улыбкою, почесываясь и поглядывая разсѣянно по сторонамъ: очень порядочно, здѣсь скорѣе гостиная, нежели баня.

Хозяинъ, какъ человѣкъ очень полный, кряхтѣлъ и видимо радовался первому впечатлѣнію гостя.

— Очень радъ, старый товарищъ, что могу служить, да спасибо, что ты не сбился съ дороги и не мимо меня проѣхалъ. А не разъ, я думаю, плуталъ по этимъ дорогамъ. Въ нашихъ мѣстахъ теперь дорога вѣдь страшная. А?

— Да, я бросилъ возокъ и купилъ сани.

«А дорога ваша—садъ для глазъ:
Повсюду лѣсъ, канавы,
Работы было много, много славы,
Да жаль порѣзду нѣтъ, подчасъ.
Отъ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша;
Дорога, скажутъ, хороша,
Но я скажу—для проходящихъ».

Отъ этой правды, такъ вѣрно и скоро выраженной имъ въ стихахъ, всѣ какъ бы остолбенѣли. Хозяинъ разсмѣялся, подалъ мнѣ карандашъ и велѣлъ записать на стѣнѣ. А. С. поправилъ мои знаки, и на другой день стихи были вдѣланы въ раму подъ стекло.

Пока А. С. декламировалъ, онъ стоялъ передъ трюмо, правою рукою расправляя кудрявые волосы, а лѣвою прикрываясь, такъ какъ былъ уже совершенно раздѣтъ. На это А. замѣтилъ смѣясь:

— А видѣлъ ли ты, А. С., свое сейчасъ сходство съ Венерою Медицейской? Послѣдній взглянулъ въ зеркало, какъ бы для повѣрки сходства, и отвѣчалъ:

— Да, правда твоя. Только ты долженъ вообразить ея степенство, когда она была во второй половинѣ своего интереснаго положенія.

Мы разсмѣялись и вошли въ мыльную.

За чаемъ, между разговоромъ по предмету сбора фактовъ для исторіи Пугачева бунта, за чѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Ор—гъ, А. С. сообщилъ, что въ Петербургѣ всѣ увѣрены въ снаряженіи ученой экспедиціи на Аральское море, причемъ прибавилъ, что, для увеличенія кибиточнаго сбора, можно было бы обязать киргизовъ, чтобы каждый, женившись, садилъ въ степи по одному дереву. Многоженство они любятъ, и чрезъ это, степи обросли бы лѣсомъ.—

Однако вуаль, такъ тщательно скрывавшая всѣ черты физіономіи экспедиціи, искусно созданной въ правительственной сферѣ, разорвалась, и въ скважины ея мало по малу начали выясняться батальные контуры, которые не скрылись и отъ нашего маленькаго люда, запертаго въ стѣнахъ казеннаго заведенія.

Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ дней, воспитанники, лишенные радости навѣстить родныхъ и знакомыхъ, сдѣлались свидѣтелями неожиданной суматохи на базарной площади, предъ классными окнами. Послѣ обѣда неушедшіе домой мальчики услыхали неистовые на улицѣ крики и, присматриваясь къ общему движенію въ городѣ, прильнули къ замазаннымъ краскою стекламъ, тѣмъ болѣе, что въ это время гг. гувернеры куда-то отлучились. Не зная чѣмъ объяснить себѣ причины скачекъ казаковъ и башкиръ, мы были расположены вѣрить всякому нелѣпому слуху, и дѣйствительно, помню, кто-то изъ отчаянныхъ шалуновъ, подкравшись съ линейкою, наклеилъ ею нѣсколько шлепковъ, и потомъ, притворясь стоящимъ у оконъ, закричалъ:

— Гг., въ городѣ началось избіеніе младенцевъ.

Такого извѣстія отъ забіяки было довольно, чтобы произвести у насъ общій гвалтъ и слезы.

Вскорѣ мы узнали, что начальникъ края, г.-а. Перовскій, приказалъ вторично захватить всѣхъ хивинцевъ подъ арестъ. Болѣе сотни ихъ переловили. Одни попали въ тюрьму, другіе на гаубтвахты; а кто замѣшкался на Макарьевской ярмаркѣ, для тѣхъ на-

няли дома и окружили часовыми. Товары этихъ купцовъ свалили въ пакгаузъ.

Татаринъ Бражка разсказывалъ, что многіе изъ хивинцевъ, снявъ свои бараньи шапки и надѣвъ чалмы, какія носятъ только бухарцы да муллы, этимъ маневромъ избавились отъ ареста и уѣхали въ Хиву.

ГЛАВА III.

Опредѣленіе въ полкъ.—Бараки 1-го Оренбургскаго регулярнаго казачьяго полка; общій взглядъ на характеръ общества его.—Пирушки офицеровъ.—Казакъ Спицинъ.—Мой эскадронный командиръ.

По поводу возникновенія хивинской экспедиціи, и въ виду скорѣйшаго укомплектованія войскъ офицерами, воспитанники Неплюевскаго военнаго училища, кончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ, въ числѣ пяти человѣкъ, были выпущены въ полки и баталіоны, предназначавшіеся въ походъ, не офицерами, какъ насъ проздравилъ ген.-ад. Перовскій, по окончаніи экзаменовъ, а унтеръ-офицерами, хотя мы и должны были всюду и вездѣ служить за офицеровъ. Подобнаго рода мѣра была принята въ виду вѣроятно экстренности дѣла. Я попалъ въ 1-й Оренбургскій регулярный казачій полкъ, расположенный тогда въ нынѣшней Уфимской губерніи и ежегодно ходившій въ г. Оренбургъ на маневры.

Въ 1839 г. нашъ полкъ былъ собранъ въ г. Уфѣ. Въ двухъ верстахъ отъ нея, на отлогой горѣ равнялись между собою восемь длинныхъ бараковъ [1]). Часовые мѣрными шагами весело ходили по линейкамъ, каждый противъ своего эскадрона, до грибка [2]), и тихо поворачивались назадъ по той же утрамбованной дорожкѣ

---

[1]) Бараки—лѣтніе домики въ лагеряхъ.

[2]) Мѣсто, подъ которымъ становится часовой во время дождя.

(солдатской колеѣ), какъ шнуръ, протянутый по желто-зеленому косогору. Вниманіе ихъ обращалось то на дорогу, вьющуюся въ городъ, раскинутый амфитеатромъ на противоположной горѣ, надъ которой ярко сіялъ новый куполъ и колокольня церкви Александра Невскаго, то на дымокъ, вертикально поднимавшійся въ воздухѣ изъ кухонныхъ трубъ. При видѣ офицеровъ, чинно проѣзжавшихъ въ каретахъ и колясках и вихремъ мчавшихся на арбатскихъ дрожкахъ, часовые, громко выкрикивая «дежурнаго на линейку!» живою походкою проворно становились у грибка для отданія чести.

Въ интервалахъ бараковъ, которые были сплетены изъ тальника и обмазаны глиной, торопливо сновали солдаты въ запыленныхъ кителяхъ, со шпорами, нафабренными усами и усталыми лицами. Они осторожно несли въ форменныхъ, чисто вычищенныхъ котелкахъ кашицу, каждый къ своей артели. Артели эти образовали кружки, гдѣ также замѣтно было движеніе: одинъ крошилъ рѣпчатый лукъ; другой доставалъ перецъ изъ берестовой тавлинки; третій вырѣзывалъ ломти изъ двѣнадцати-фунтоваго каравая, мыча себѣ подъ носъ на хлѣбопека, зачѣмъ отстала верхняя корка. Заправивъ окончательно лукомъ и перцемъ казенное блюдо и размѣшавъ все это такъ, что на поверхности показались, какъ жемчугъ, пузыри, солдаты брали по куску хлѣба и, молча, опершись на локоть, начинали ужинать.

Въ моемъ разсказѣ такъ много дѣйствующихъ лицъ, содержаніе его такъ разнохарактерно, что невозможно всего передать, что случилось, за всѣмъ услѣдить. Потому повторяю, Мм. Гг., что я буду брать только болѣе знакомыя мнѣ группы.

Во второй линіи лагеря, на затоптанномъ грязномъ узорѣ травянаго ковра, вытянутаго во всю длину параллели, пестрѣли красиво отдѣланныя палатки — деревянныя, войлочныя и парусинныя, щегольски обшитыя ситцемъ, иныя на шелковой подкладкѣ. Около этихъ палатокъ кой-гдѣ толпами двигались въ легонькихъ платьяхъ дамы со стаканами мороженаго въ рукахъ, bras dessus съ

офицерами въ кителяхъ или сюртукахъ на распашку, съ трубками или сигарами въ зубахъ. Эти хорошенькія или, правильнѣе, молоденькія дамы трефовой и бубновой масти слушали и иногда съ умиленнымъ взглядомъ оборачивали свои личики, окоймленныя свѣженькими мармотками соломенныхъ и волосяныхъ шляпъ, перебивая звонкимъ голосомъ: mais oui, absolument и прочими утвердительными и отрицательными восклицаніями, вездѣ и всѣмъ знакомую болтовню кавалеровъ съ прекраснымъ поломъ.

Офицеры вертѣлись, острили, смѣялись, рисовались, шутили безъ мѣры и, казалось, безъ конца, не обращая никакого вниманія на правый флангъ. Тамъ въ большой холщевой палаткѣ съ поднятыми вверхъ боками, обшитой кумачемъ и имѣвшей видъ легкой ротонды изъ бѣлаго и краснаго цвѣтовъ,—сидѣли, стояли и полулежали человѣкъ съ 20 военныхъ и гражданскихъ пожилыхъ и молодыхъ господъ на кушеткахъ, складныхъ стульяхъ или просто на коврахъ, разостланныхъ на землѣ. Тутъ же располались и ихъ Стрѣлки, Налеты, Удавы и т. п.—эти живыя декораціи, нѣмые свидѣтели кочевой жизни.

Замѣтно, что здѣсь чужихъ не было много, и хотя это были гости, но гости не съ тою холодною, тупою величавостью, какіе встрѣчаются въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Въ трехъ шагахъ отъ палатки гремѣлъ хоръ трубачей: мазурки, вальсы, увертюры, *рыси* и кадрили составляли какъ бы прелюдію величественной и *мелодической* вечерней зари.

— Музыканты, тушъ! . . . крикнулъ одинъ юноша, завидѣвши дюжаго въ нанковомъ казакинѣ усача, который несъ тяжелый подносъ, уставленный стаканами изъ сосѣдней палатки, служившей буфетомъ искрометнаго вина.

— Господа, сказалъ тотъ же хорошенькій юноша, взявши стаканъ въ руку,—поздравляю васъ съ назначеніемъ въ походъ на Хиву. Дай Богъ, вамъ со славой возвратиться, тогда мы будемъ съ этимъ-же теплымъ чувствомъ дѣлить нашу радость.

— За здоровье Государя Императора! Ура . . . Музыка заиграла «Боже, царя храни», и всѣ встали.

Каждый молча бралъ себѣ стаканъ и, не кончивъ или недослушавъ разговоръ съ своимъ сосѣдомъ, хотѣлъ слушать еще оратора; но юноша, не совладѣвъ съ собою, умолкъ. Влага, колыхавшаяся въ его стаканѣ, немного закипѣла отъ сотрясенія руки, украдкой пролетѣлъ вздохъ сдержаннаго чувства, и изъ подъ бѣлыхъ рѣсницъ скатилась слеза. Какъ бы глотая избытокъ чувства, онъ скомандовалъ: «налей за здоровье моего эскадроннаго командира В. Н. Л.», и наклоненіемъ головы выразилъ свое глубокое уваженіе одному изъ окружавшихъ его офицеровъ; потомъ онъ хлебнулъ изъ стакана и, схвативъ протянутую ему эскадроннымъ командиромъ руку, заклеилъ его «спасибо» поцѣлуемъ, залившись какъ дитя слезами.

Затѣмъ между присутствующими завязался еще болѣе оживленный разговоръ; судили, чѣмъ и какъ должно запастись. Жажда славы и надежды на будущее отравлялись перспективою предстоящихъ заботъ, опасностей и нуждъ, могущихъ горько отозваться въ чужой сторонѣ, среди дикихъ степей.

Товарищи пирующихъ, усадивъ дамъ своихъ въ экипажи, присоединились къ общему кружку, и разсказамъ не было конца. Приводились удачные и неудачные эпизоды изъ Турецкой и Польской войнъ; спорили и шумѣли; болѣе энергичные стрѣляли въ тиръ; болѣе равнодушные къ общему дѣлу давно гнули пятую колоду въ транспортъ и на пе.

— Да... господа... заговорилъ Л. ...

Такъ какъ эта замѣчательная личность еще нѣсколько разъ встрѣтится въ моемъ разсказѣ, то я и нахожу нужнымъ покороче познакомить читателей съ В. Н. Л. Это былъ сутуловатый брюнетъ небольшаго роста, съ манерами стараго кавалериста и усами à la Marlinsky. Онъ былъ смѣсь добра и зла, какъ и всѣ, такъ называемые добрые малые. Одинъ изъ сыновей богатой старой дворянской фамиліи, фаворитъ своей бабушки, очень богатой помѣщицы,

онъ воспитывался въ лучшемъ того времени учебномъ заведеніи— Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Въ какой степени онъ манкировалъ своимъ ученьемъ, имѣя отъ природы хорошіе задатки, не знаю. Но занятія полезнымъ въ глазахъ его имѣли большой вѣсъ, хотя самъ онъ любилъ только играть въ карты и не по маленькой, причемъ обыкновенно выражался, приступая къ картамъ: «зачѣмъ напрасно тратить время»! Если не было игры, онъ раскладывалъ пасьянсъ. Превосходный ѣздокъ, онъ умѣлъ передать свое искусство эскадрону; любилъ товарищей, охоту, собакъ, вино и, разумѣется, женщинъ—сорта Грунюшекъ и Груней; но съ дамами другаго круга онъ былъ рыцарскихъ правилъ цѣломудрія. Къ странностямъ его, которыя впрочемъ имѣли нѣкоторое основаніе и причины, надобно отнести его нерасположеніе къ маленькимъ дѣтямъ, къ приказнымъ, чиновникамъ вообще, и исправникамъ въ особенности. Въ описываемый моментъ на немъ былъ любимый его синій чекмень, черкесскаго покроя, и русская рубашка.

— Да, сказалъ Л., лишь-бы добраться, а остальное придетъ само, *если полагается* [1]). Право, съ такими молодцами, какіе выбраны, можно драться хоть со львами. Жаль, что вотъ барина-то— продолжалъ онъ — указывая на меня, забраковали: жидокъ, не по силамъ будетъ . . . а крѣпко хочется мнѣ утащить его и Силочку съ собой. Сколько, бишь, вамъ лѣтъ»?

— Семнадцать, отвѣчалъ я.

— А тебѣ, Силочка? И глаза всѣхъ повернулись къ 12 вершковому широкоплечему дѣтинѣ, скорѣй обритому, чѣмъ остриженному, съ длиннымъ, краснымъ лицомъ и горбатымъ носомъ, съ быстрыми оловяннаго цвѣта глазами и угловатыми манерами. Онъ проходилъ съ подносомъ, на которомъ стояло еще нѣсколько стакановъ; а между огромными пальцами, изъ которыхъ двумя за чарку водки разбивалъ гальку, торчали чубуки съ наложенными трубками для гостей.

---

[1]) Въ полку существовали тогда слова, изстари и часто не кстати употребляемыя: «полагается, баринъ», и т. п.

— Мнѣ-то?

— Ну, да!... опять за мужицкую ухватку, опять полсотни за тобой, замѣтилъ весело хозяинъ.

— Мнѣ всего-то на всего, отвѣчалъ едва слышно, присѣвши почти на колѣнки и устремивъ неподвижный взглядъ на потолокъ, всего пятднацать лѣтъ.

Все общество какъ раскололось отъ смѣха. Между тѣмъ Силочка, освободившись отъ ноши и уложивъ подносъ подъ лѣвую руку, вытянулся подъ потолокъ и проревѣлъ: «Драться—ради стараться, в. б-іе, хоть съ чертями; не дадутъ пороху, такъ на кулакахъ». И пальцы правой руки его начали собираться съ казенной квартиры въ кулакъ.

Солдатъ Силочка былъ изъ крестьянъ Пермской губерніи. Съ 14 до 30 лѣтъ онъ служилъ по письменной части: былъ волостнымъ писаремъ, ѣзжалъ съ исправниками по заводамъ, водилъ дружбу съ ссыльними, надѣлялъ ихъ фальшивыми паспортами, и часто самъ квартировалъ въ лѣсныхъ притонахъ. При наборѣ 1837 года, за свое изобличенное поведеніе, онъ былъ забритъ и поступилъ къ намъ въ полкъ. Здѣсь онъ соединялъ въ себѣ хорошаго камердинера, исправнаго коннаго вѣстового, перваго по эскадрону борца, сказочника и запѣвалу. На этомъ основаніи онъ не упускалъ при случаѣ и выпить лишнюю, часто тройную порцію противъ другихъ, но пьянъ никогда не бывалъ. Словомъ, онъ былъ левъ, какъ и всѣ львы.

Получивъ какое-то приказаніе отъ хозяина, онъ исполинскими шагами перебѣжалъ въ другую палатку, треснулъ ладонью по спинѣ своего земляка и, едва тотъ успѣлъ вскочить, какъ онъ ужъ накрылъ его корзиной, проговоривъ скороговорской: «На, братишъ, валяй на воронкѣ въ погребокъ къ Макѣ, скажи ему, что у него волосы въ мукѣ, носъ въ табакѣ, а сидитъ онъ въ кабакѣ. Да ну, чешись скорѣе. Вотъ тебѣ письмецо—по немъ получишь 12 бутылокъ; потомъ гони назадъ, да поскорѣе—въ слово не введи, слышишь»?

— Вѣстимо, отвѣчалъ посолъ.

Распорядившись по части выпивки, Силочка бросился къ артели, неподалеку сидѣвшей за кашицей, вытащилъ ложку изъ кармана, и прежде, нежели товарищи успѣли опростать рты для спросу, онъ разсказалъ имъ, что походъ будетъ на славу: персидскія шали тамъ дешевле кулей, негодныхъ къ починкѣ, масла дорогой будетъ вдоволь; и, пропустивши ложекъ съ десять въ галопъ съ права по одной, словивши у нихъ все масло, побѣжалъ, припѣвая:

До рекрутства не пивалъ,—
Ты спроси хоть весь кварталъ;—
И теперь коли нацьюсь,
Такъ немного веселюсь.

Въ дверяхъ онъ толкнулъ дюжаго, пожилаго солдата, который ему отвѣчалъ тѣмъ же и прибавилъ: «Куда, лодырь?»— А ты что?— отвѣчалъ Силочка.—Былъ приставъ частный, а теперь человѣкъ несчастный. Эка фря. Я бы всѣхъ васъ, первостатейныхъ-то мошенниковъ, засадилъ сюда да и гладилъ бы васъ иголками.

Послѣ этого онъ опять очутился у нашей палатки. Сидѣвшій съ краю офицеръ обратился къ нему съ приказомъ подать трубку и велѣть трубачамъ играть Лючію. Исполнивъ одно, Силочка бросился къ музыкантамъ и закричалъ: «Приказано играть лучше». Музыканты остановились было, не понимая, гдѣ ошиблись, и говоръ въ палаткѣ сдѣлался слышнѣе; выругавши Силочку, что сбилъ ихъ по-пусту съ такту, трубачи продолжали играть.

Многіе уже прощались. Оставшіеся товарищи, наговорившись вдоволь о малоизвѣстномъ, и то по разсказамъ только, походѣ, уносились мечтою въ дѣло. Одинъ разсказывалъ какъ хороши его пистолеты; другой выставлялъ достоинства отцовскаго ружья. Веселы, живы и игривы были эти разсказы и мечты молодежи, нетерпѣливо готовящейся показать себя съ оружіемъ въ рукахъ,

преодолѣть всѣ труды и препятствія и побѣдить или пасть со славой.

Вечерняя заря давнымъ давно уже потухла, и все спало. На небѣ собирались тучки, и по всѣмъ примѣтамъ природа хотѣла, умывшись, еще милѣе показаться по утру.

Упомянувъ о мелочахъ жизни въ армейскомъ лагерѣ, я совсѣмъ не включаю какія нибудь заслуги нашего дивизіона 1-го Оренбургскаго казачьяго регулярнаго полка въ Хивинскомъ походѣ, а единственно хочу немного пополнить пробѣлъ въ исчисленіи силъ нашей тогда арміи, и накинуть кстати краткій историческій очеркъ этого полка.

По признаніи русскаго подданства Тептярскимъ народомъ, жившимъ къ сѣверу отъ центра Уральской администраціи, г. Оренбурга, императрица Екатерина II приказала: «Не облагать это вновь добровольно покорившееся татарское племя податью; а содержать на ихъ же кошту два «конные полка».

Въ видахъ крайней надобности быстраго передвиженія войскъ, требуемыхъ для сохраненія порядка въ мало обрусѣвшей еще тогда окраинѣ, по мудрой предусмотрительности ея величества, эти два полка были вскорѣ не только полезны, но и необходимы для прекращенія внутреннихъ и пограничныхъ волненій къ сѣверу и востоку.

И дѣйствительно, если гдѣ либо возникало умышленное волненіе, тогда эскадронъ или болѣе, экстра-форсированнымъ маршемъ дѣлая переходы, смотря по приказанію начальства, иногда 100 верстъ и болѣе въ день, прекращалъ недоразумѣнія и безпорядки. Конечно, такой летучій отрядъ могъ существовать и тогда при нѣкоторыхъ особенностяхъ, а именно—при своей стройности коннаго фронта, исключительно зависящаго отъ знанія своего дѣла офицерами; въ полки эти набирались рекруты, подъ строжайшею отвѣтственностію юртовыхъ старшинъ; чрезъ это люди поступали истинно для исполненія обязанностей 15-ти лѣтней (по положенію) службы и служили они изъ чести; люди честные, мо-

лодые, расторопные и вполнѣ способные для кавалерійской службы (какъ бывшіе съ дѣтства на конѣ.) Служба ихъ лошадей вообще не ограничивалась срокомъ. Лошади для фронта, хотя и строго выбирались въ ихъ многочисленныхъ табунахъ, но при малѣйшей своей неспособности замѣнялись новыми.

Полковой командиръ назначался по представленію корпуснаго командира, хорошо испытанный, изъ его свиты. Въ офицерахъ не только не было недостатка, но служило болѣе комплекта, положеннаго по штату, безъ жалованья,—богатые люди изъ помѣщиковъ Казанской, Симбирской и Оренбургской губерній.

Проѣзжая по службѣ чрезъ Тептярскія деревни во время моихъ командировокъ, я еще засталъ въ живыхъ стариковъ, которые разсказывали съ охотою свои бывальщины, съ примѣсью фразъ на иностранныхъ языкахъ, про Крымскую, Шведскую, Турецкую войны и о взятіи Парижа. О времени и мѣстахъ участія ихъ въ этихъ войнахъ, равно и о степени отличій этихъ полковъ, безъ архивныхъ документовъ, я свѣдѣній ни какихъ не имѣю. Слышалъ, что они, нося названіе казаковъ, не дѣйствовали самостоятельно массою, какъ всѣ другіе полки регулярной кавалеріи, а, разбирались въ штабахъ на посылки для личныхъ порученій, также какъ казаки иррегулярныхъ войскъ, составляя тѣмъ одну числительность арміи.

Изъ жизни патріархальной Тептярскаго народа я видалъ, что новобранца провожала только семья его, а по возвращеніи его со службы домой, весь юртъ, собравшись за околицею, встрѣчалъ его съ поклономъ. Если этотъ солдатъ былъ тогда верхомъ, т. е. на бракованной изъ полка лошади, данной ему въ награду за службу, тогда за то, что она привезла ихъ однодервенца на родину, народъ, выражая свою признательность, позволялъ женамъ своимъ цаловать ея копыта. Служакѣ жители строили избу, надѣляли землею, давали лошадь и корову, а нерѣдко и молодую жену.

Такъ жилъ этотъ народъ до 30-хъ годовъ. По миновеніи надобности имѣть въ томъ краѣ два полка и для обложенія ихъ по-

душными сборами, по инициативѣ корп. ком-ра г.-а. Перовскаго, изъ двухъ Тептярскихъ полковъ, былъ сформированъ 1-й Оренбургскій казачій полкъ, съ уравненіемъ содержанія штабъ и оберъ-офицеровъ по общей табели армейскихъ полковъ. Для укомплектованія полка этого пріемщики посылались въ г. Пермь. Люди поступали болѣе православнаго исповѣданія и все-таки лучшіе по набору,— но только лучшіе по своей красотѣ лица и тѣлосложенію. Остальныя качества хорошаго и честнаго солдата надобно было воспитывать въ новобранцѣ, потому что служба полка имѣла прежнюю значительность въ краѣ. Такъ уже при мнѣ, лѣтомъ 1837 года, по сигналу «тревога», полку, стоявшему въ г. Оренбургѣ и выскочившему на сборное мѣсто на-легкѣ, привелось безъ провіанта, безъ фуража, при одной рубахѣ на человѣка, а многіе и безъ завтрака, съ мѣста этого совершить въ трое сутокъ 350 верстъ въ Уральское войско. Въ отличіе отъ №№ полковъ Оренбургскаго казачьяго войска, корп. ком-ръ Обручевъ нашелъ за лучшее назвать его Уфимскимъ казачьимъ полкомъ, радитого, что онъ имѣлъ штабъ квартиру въ г. Уфѣ, а потомъ, въ видахъ сокращенія расходовъ на его содержаніе онъ же представилъ регулярный полкъ въ краю уничтожить.

Въ слѣдствіе представленія, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай I вытребовалъ полкъ въ г. Чугуевъ. Послѣ Высочайшаго смотра, получивши благодарность, лично Государемъ Императоромъ сдѣлано было назначеніе людей въ гвардейскіе полки, а офицерамъ было предоставлено избрать полки согласно ихъ желанію.

ГЛАВА IV.

Новая слобода. — Г. Уфа. — Аксинья Адамовна. — Выборъ изъ полка охотниковъ.

Годы сокрушили уже старую Уфу, а потому вся пустошь, подъ названіемъ Арскаго поля, начиная отъ Александровской церкви къ кладбищу и влѣво отъ нея къ орѣховымъ кустарникамъ, была отведена для вновь желающихъ селиться вдовъ и сиротъ всѣхъ классовъ. И бѣдные хозяева, привыкшіе къ своему углу, скоро ее застроили небольшими домиками въ родѣ дачныхъ. Домики эти по большей части состояли изъ передней, освѣщаемой 3-мя окнами на улицу и двумя на дворъ, разгороженной на три комнаты; чрезъ сѣни кухня, тоже съ перегородкой, и еще бокоушка или, какъ больше звали, середка, съ небольшимъ окномъ на сосѣдній дворъ. Квартиры на улицу по большей части снимали офицеры 1-го Оренб. казачьяго полка, стоявшаго въ лагерѣ подъ Уфой. Въ одномъ изъ этихъ домиковъ отъ колыханія вѣтерка часто взлетали на улицу коленкоровыя занавѣски, и тогда можно было видѣть въ туманѣ отъ табачнаго дыма пеструю толпу молодежи. Что тутъ за сборъ? подумалъ я, проходя мимо. Въ растворенную дверь показалась изъ группы поднятая голова съ привѣтомъ густаго контръ-альта, смѣшаннаго какъ бы со смѣхамъ: «А, а.... Здорово, И . . . . въ, садись». На зеленомъ столѣ рвался банкъ крупными семпелями; много было записи, но денегъ ле-

жало еще больше. Я догадался, что игра началась еще недавно, и, повернувъ въ сосѣднюю комнату, усѣлся на уцѣлѣвшій трехъ-ногій стулъ. Занявъ этотъ обсерваціонный пунктъ, я могъ видѣть и слышать все, происходившее въ сосѣдней комнатѣ. «Двойка убита, а дама дана», повторялось сквозь зубы; потомъ «atandé», и опять все молча, внимательно смотрѣло на веселаго и шутливаго хозяина-банкомета, сидѣвшаго въ шлафрокѣ на горностаевомъ мѣху. Это былъ высокій блондинъ. Уткнувшись въ длинный чубукъ, онъ разсѣянно слѣдилъ за понтирующими товарищами и по временамъ повторя: «а восьмерку отправлю домой . . . а восьмерку отправлю домой»! Подъ столомъ и стульями уже нарвано и набросано было колоды три картъ; на комодѣ стоялъ графинъ, заткнутый кускомъ сыру, а подлѣ него блестѣлъ, какъ бы присѣдая, вызолоченный подъ чернетью, стаканъ. Тутъ подходили, какъ нѣкокорые выражались, за счастьемъ (съ поговорками: «чтобъ чисто было въ глоткѣ, надо выпить водки» и т. п.) За стуломъ плотничной работы, на которомъ сидѣлъ хозяинъ, стояла дѣвушка, опершись грудью на спинку стула. Ей было не болѣе семнадцати лѣтъ. Позой своей она, сама того не замѣчая, частію открывала свою грудь. Вниманіе ея было сосредоточено на понтеркахъ; она жадно смотрѣла на ходъ таліи, опустивши на голубые глаза длинныя рѣсницы и бросивъ лѣвую кисть на плечо банкомета. Только что талія сошла, какъ она уже правой рукой грозила дать щелчокъ докучливому корнету, щекотавшему перышкомъ ея бѣлое прозрачное плечо, на которое падали полуразвившіеся локоны изъ подъ пунцовой шапочки, вышитой золотомъ; бѣленькій капотикъ плотно обвивалъ длинную талію высокой ея фигуры. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣла другая женщина. Это была замѣчательная «мадамуля», какъ ее звали въ полку. Около двадцати двухъ лѣтъ, средній ростъ, полная грудь, круглыя плечи, свѣжее лицо маленькій носъ, широкій лобъ, пріятная мина, дышавшая предупредительностію: — таковы ея примѣты. Манеры ея были непри-

нуждены. Скорѣе скупая, чѣмъ щедрая, она всегда говорила, что если-бы и желала быть богатой, такъ только для того, чтобы завести пріютъ для несчастныхъ беременныхъ женщинъ, а отнюдь не для щегольства. На этотъ послѣдній предметъ у нея былъ совершенно свой взглядъ. Она носила широкія шолковыя шаровары, въ которыя, въ случаѣ надобности, прятала и платье, отъ чего открывались маленькія ножки, и она приговаривала: «Не смѣйтесь надъ Божьимъ даромъ». Квартиру она нанимала довольно обширную, первыя двѣ комнаты были пріемныя, а въ третьей составлялись картежные вечера для молодежи. Чрезъ эту женщину можно было устроить свадьбу, въ которой она не отказывалась играть роль какой хотите родственицы. Она недурно пѣла, презанимательно разсказывала разныя исторіи, часто примѣшивая себя, и иногда въ комическомъ видѣ, но никогда не трогая чести другой женщины. Тактомъ она владѣла, какъ хорошій дипломатъ: имѣла много знакомыхъ, друзей и враговъ; на послѣднихъ впрочемъ она не обращала никакого вниманія. Теперь она горячо спорила съ однимъ изъ опушающихся усачей, по временамъ взглядывая въ складное зеркало или обращаясь ко мнѣ за утвердительнымъ «да».

— Да растолкуйте мнѣ, говорила Аксинья Адамовна (ее чаще просто звали — Окся), откуда вы взяли право владычества надъ женщинами? Это кулачное право, сударь. Правда, мы сами по природной скромности и робости часто признаемъ эту власть, вынужденныя обстоятельствами, или внушеніемъ матерей, по большей части не умѣющихъ ничему научить. Посмотрите внимательно, какъ матери обходятся съ дочерьми, онѣ ихъ держатъ въ страхѣ, и внушаютъ покорность.

— Да вѣдь и намъ также! перебилъ кандидатъ, въ усачи.

— Но не всѣмъ. Къ вамъ и матери-то снисходительнѣе. Къ тому же вы съизмала пріучаетесь бороться съ силой и отъ природы здоровѣе насъ; а мы, бѣдныя, съ малолѣтства взаперти; выростишь,—такъ услужливыя тетушки сыщутъ тебѣ жениха по своему

вкусу, не обращая вниманія на наклонность дѣвушки. А вы-то и важничаете, что загрубѣлая и часто изношенная ваша душа захватила молоденькое сердчишко. Положимъ, всего этого не передѣлаешь разомъ, такъ хоть не смѣйтесь надъ нами, беззащитными. Матери, матери! проговорила она, какъ бы про себя, опустивъ голову; потомъ, помолчавъ немного, продолжала: Я не знаю своей матери, ея у меня не было. Послушайте, обратилась она къ своему собесѣднику, у васъ есть сестры?

— Двѣ; одна старше, другая моложе меня. Далѣе что? спросилъ онъ, поправляя выскакивающій изъ чубука муштучекъ.

— Далѣе?... Случалось ли вамъ въ вашей семьѣ видѣть, что сестры ваши, сидя вмѣстѣ и разговаривая весело со смѣхомъ, продолжали эту бесѣду точь въ точь и при входѣ къ нимъ матери?

— Случалось.

— Ну, нѣтъ!

Юноша отвѣчалъ хохотомъ.

— Матерямъ нашего сословія негдѣ и некогда было учиться добру. Барынь мы не любимъ, намъ не у кого научиться; а онѣ насъ презираютъ за бѣдность, глупость и грубость. А отъ чего эти глупости и грубости? Барыни развѣ говорятъ о чемъ нибудь съ своими людьми? — Никогда! Держись онѣ иначе,—повѣрьте, мы бы поравнялись съ ними въ образованіи.

— Послушай, Окся, ты вѣдь матерью не была, отчего же ты представляешь нашихъ барынь такими злыми, и отчего у насъ не можетъ быть матерей?

— Вонъ баринъ, она указала на меня, просилъ меня разсказать все обстоятельно о моемъ житьѣ-бытьѣ. Я не забыла, что должна исповѣдаться у васъ, И-въ, да еще мало приготовилась; впрочемъ, я скажу.

Я кивнулъ ей головой. Она продолжала: «На первый вопросъ я отвѣчу вамъ только повтореніемъ вашихъ словъ: матерью я не была, а быть могу; какъ смыслю, передамъ вамъ въ отвѣтъ,

отчего у насъ нѣтъ матерей. Барыни злы и особенно съ нами потому, думаю, что имъ не на кого сподручнѣе излить свою злость. Если эта штопка хороша, продолжала она, поправляя свое марслиновое платье, такъ хороша потому, что я смотрѣла за работой; а онѣ не смотрятъ за собой и даютъ волю дурнымъ порывамъ сердца, а потомъ рукамъ. Сердце проситъ пищи: хочетъ любить, веселиться, дѣлать добро; а ему это запрещено маменьками изъ благопристойности. И вотъ, не находя удовлетворенія, оно ворчитъ, бранится, ну, словомъ, просится драться. Удалось это на прошлой недѣлѣ, удалось вчера, удается и сегодня,... наша сестра молчитъ. Отчего у насъ нѣтъ матерей?... Отъ того, что и у матерей-то не было ихъ. Матери или вовсе не заботятся о своихъ дочеряхъ, или заботятся только о томъ, чтобы скрыть отъ нихъ грязную сторону жизни. И потомъ, когда случается неопытному существу встрѣтиться съ грязью, оно не умѣетъ обойти или перейти ее, и тонетъ и вязнетъ въ ней. А отъ чего бы не познакомить дочь свою и съ другими сферами, кромѣ ея собственной, приличной ея роду и племени! Отъ чего не свозить или не сводить ее хоть разъ въ мѣсяцъ въ больницы бѣдныхъ, въ остроги несчастныхъ, даже въ дома дѣвицъ вольнаго обращенія: вѣдь тамъ вездѣ люди же! Она бы не испортилась, а напротивъ, вникнувъ въ положеніе этихъ людей, узнала бы и жизнь покороче. И какъ отрадно найти случай помочь кому нибудь изъ этихъ несчастныхъ словомъ или дѣломъ. Скажутъ, она и безъ того знаетъ и слышала обо всемъ этомъ. Да! но она узнала отъ Машки и Агашки, а не отъ друга своего матери, а не сама видѣла; ей передано на кривъ-бокъ, какъ вообще понимаетъ наша сестра. Нѣтъ, узнай досконально, а не какъ нибудь: тогда «истина будетъ у тебя за пазухой», говаривалъ мнѣ покойникъ мой, іезуитъ».

— Да, «познанія — магнитъ души», помнится, я писалъ въ прописи, сказалъ юноша.

— Не знаю; я училась на мѣдныя деньги, но читала кое-что

и слышала объ этомъ много отъ умныхъ людей, да и сама повѣряла, служивши въ барскихъ домахъ. Бывало, пріѣдетъ барышня съ бала, истомленная, часто грустная, посмотрится въ зеркало, повернется раза два на пяткахъ и зѣвнетъ сердечная; а ты подумаешь да иногда и спросишь: «не весело знать, было барышня»?....

— Ничего.... отвѣчаетъ она; только голова у меня болитъ, едва высидѣла; надо лечь поскорѣе. Вчера то же было, подумаешь про себя, и завтра то же будетъ: жизнь пуста и голова пуста! Одна дума въ ней— наряды. А всего отъ того, что нѣтъ матери....

— Ахъ вы, ... сказалъ покачиваясь, вышедшій изъ другой комнаты офицеръ съ предлинными саврасыми усами, въ рукахъ съ кускомъ хлѣба, на которомъ были масло и сыръ. Что вы все толкуете о нарядахъ, да о подрядахъ? Вотъ мы—другое дѣло: намъ давай новенькое, свѣженькое, непремѣнно веселенькое.

—Правда, правда, Платонъ Петровичъ, сюртучекъ-то вы прежде надѣли новенькій, а теперь посмотрите-ка; а какъ еще постарѣетъ, то вы его бросите, какъ.... женщину, когда-то любимую, которой вы напѣвали разныя любезности и, можетъ быть, клялись.... а за что?

— Не спотыкайся объ мою любовь и свою свободу; у меня, впрочемъ, теща во всемъ виновата.

— Видите ли, у насъ нѣтъ матерей, заключила Окся, показывая на усатаго гостя.

Въ это время у воротъ остановились щегольскія дрожки, запряженныя парой лихихъ коней; кони, отфыркиваясь, потряхивали легкою цыганскою упряжью. Вошелъ, звуча берейторскими шпорами, широкоплечій господинъ лѣтъ сорока. Это былъ штабъ-офицеръ, проворный, ловкій, съ смѣхомъ удовольствія на лицѣ. Всѣ кинулись къ нему съ привѣтомъ.

— Ахъ вы, беспутный народъ, ахъ вы безалаберный народъ! говорилъ онъ окружавшей его толпѣ: безпардонное веселье! Добре!—заговляйтесь, господа. Вотъ и наша жизнь перевернулась на другой бокъ; всему-то на свѣтѣ свой чередъ. Помол-

чавъ нѣсколько, онъ продолжалъ: Думалъ ли, гадалъ ли мой джигитъ, что и онъ будетъ въ чести, что изъ пристяжныхъ произведутъ его въ верховые. Однако какъ ни пріятно съ вами побесѣдовать, а пора ѣхать въ Нижегородку: надо поручить кумушкамъ сухарей насушить. Въ степи, что въ морѣ, ничего не найдешь. Вы разузнайте, что можно и необходимо туда взять, да вечеромъ собирайтесь всѣ ко мнѣ на чай.

— Да Окся, пріѣзжай и ты. Я хочу передать тебѣ кучу шитва и вязанья.— Наскоро простившись со всѣми и накинувъ на себя плащъ, нашъ любезный маіоръ уѣхалъ. Прочихъ гостей хозяинъ оставилъ у себя обѣдать, и, пока подавали на столъ, онъ обратился къ одному изъ присутствующихъ: «Разскажи-ка, Вася, какъ все это у васъ было? я, знаешь, не выѣзжаю, не очень здоровъ».

— А такъ, побачили и тильке.... комически отвѣчалъ тотъ, служившій двадцать лѣтъ въ Малороссіи, въ Б. уланскомъ полку. Ну, слухай, продолжалъ онъ, усаживаясь и положивши руки въ карманы шароваръ: полкъ стоялъ пѣшій въ колоннѣ по полуэскадронно. Пріѣхалъ баронъ.

— Разумѣется, на Мамаѣ, прервалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, въ фаэтонѣ. Обойдя фланги, онъ вызвалъ эскадронныхъ командировъ и прочиталъ имъ предписаніе.—Потомъ говоритъ: «Я вызову желающихъ, и посмотримъ, если охотниковъ будетъ больше дивизіона, такъ выберемъ»; раскланявшись офицерамъ, онъ обратился къ солдатамъ: «Ребята! корпусный командиръ приказалъ мнѣ назначить людей въ походъ зимній, трудный. Считая охоту лучше неволи, я предоставляю это на ваше желаніе». Потомъ онъ скомандовалъ: «Изъ перваго эскадрона охотники пять шаговъ впередъ»! Первый эскадронъ стройно весь, отсчитавъ пять шаговъ, остановился. Обратился къ моему и повторилъ ту же команду: «Изъ втораго эскадрона охотники впередъ». Опять всѣ до одного отмаршировали. Онъ, какъ видно было, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на насъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по фронту, перемѣнилъ команду: «По-

первому эскадрому охотники впередъ на линію маршъ»!—и весь полкъ вышелъ.

— Нѣтъ, Василій Николаевичъ, кто-то прервалъ разсказщика, тамъ ост....

— Ну, да... въ четвертомъ и пятомъ эскадронахъ осталось нѣсколько человѣкъ, да что объ нихъ .... семейные. Однимъ словомъ, баронъ остался очень доволенъ. «Спасибо, ребята, за готовность служить, говорилъ онъ, но всѣхъ много». Потомъ, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Господа Левашевъ и Павловъ, вы мною назначены, и если желаете идти въ походъ, такъ сами займитесь выборомъ людей, а списки отдайте И. Я. Д...скому». Потомъ онъ закурилъ сигару, и уѣхалъ.

ГЛАВА V.

Деревня Нижегородка.—Вечеръ у Д.—скаго.—Пiита—Бiографiя Аксиньи Адамовны.

Проѣзжающiй изъ Уфы къ Вавиловскому перевозу непремѣнно обратитъ свое вниманiе на деревню, лежащую у каблука или у подошвы, какъ тамъ хотите, только подлѣ самой горы, на которой раскинулся городъ. Наблюдателю представляется довольно высокiй бугоръ глинистаго грунта, полого срытый и съ одной стороны очень прочно огороженный. Съ этого бугра можно замѣтить какъ ключевая вода, пропущенная по желобамъ, безо всякой паровой силы, собирается въ одинъ резервуаръ; потомъ она бѣжитъ дальше, не надолго останавливаясь у крановъ каждаго заботливаго домохозяина. Обитатели этой деревни, скромные промышленные и весьма зажиточные крестьяне графа Шереметьева, были большею частiю староверы. Имѣя случай внимательно всмотрѣться въ ихъ бытъ, я называлъ Нежегородку *пчельникомъ*: такъ поразительна суетливая дѣятельность жителей этого селенья всѣхъ возрастовъ.

По причинѣ разъѣздовъ по службѣ, только на третiй день могъ угостить насъ званнымъ чаемъ маiоръ Д....скiй. Но суть моего визита, да пожалуй и другихъ была совсѣмъ не въ самоварѣ. Вода, молоко, чай или кофе,—намъ было все равно: это приличныя осѣдлой жизни и старомодныя забавы брюха; потому ли, что мы

ихъ мало понимали, или не до нихъ было, не знаю хорошенько, а знаю вѣрно, что иное утро начиналось не кофеемъ, а квасомъ. Знакомые съ комфортомъ съ дѣтства, выросшіе на паркетѣ, мы не гнушались ни мазанкой бѣдняка, ни баракомъ лагеря, ни поднавѣсомъ на дворѣ. Усталость и сонъ скоро смирятъ съ этими принадлежностями походной жизни.

Я часто ѣзжалъ въ Нижегородку, гдѣ стоялъ эскадронъ Д.... скаго, давнишняго сослуживца и друга моего начальника Л. Здѣсь мнѣ было все знакомо. Тутъ жило болѣе десяти юнкеровъ. Каждое утро, разбудивши солнышко, они, какъ и у насъ въ эскадронѣ, отправлялись въ манежъ, ѣздили до часу, потомъ обѣдали и опять терли лямки до сумерекъ. Однообразно и скучно проходило время. Иногда мы читали поочередно, разумѣется, по большей части безъ пользы, потому что строгаго выбора книгъ и критики не было. Съ своей стороны Д.... скій и Л. разнообразили наши занятія. Передъ ужиномъ дрались на рапирахъ и эскадронахъ въ маскахъ; раза два въ недѣлю потѣшались карусельною ѣздой; объ историческомъ значеніи ея мы узнали уже впослѣдствіи, когда познакомились съ разсказами о временахъ рыцарства. Наконецъ, иногда играли въ карты. Но только девять часовъ,—входилъ дежурный, и всѣ, какъ бы проникнутые электрическимъ токомъ, вдругъ вставали и молча выслушивали извѣстную фразу о благополучіи постовъ.—

Въ большой свѣтлой комнатѣ, окруженной широкими лавками, покрытыми трухменскими коврами, составлявшими роскошь квартиры кавалериста, стояло нѣсколько ломберныхъ столовъ. На скороспѣлыхъ диванахъ сидѣли однополчане.

Число гостей увеличивалось. Разрывались колоды картъ. Желающіе играть придвигали свои стулья къ ломбернымъ столамъ; непринимавшіе участія въ игрѣ сидѣли по сторонамъ; на улицѣ, передъ окнами гремѣла музыка; солдаты пѣли:

Якъ по улицѣ молодецъ идетъ....

Около нихъ, подбоченясь и заткнувши въ ротъ передники, стояли дѣвки и бабы съ ребятами. Изрѣдка проносился тинъ, тинъ... колокольчика, потомъ показывался дорожный экипажъ, и изъ него высовывалась голова, какъ бы удивляясь и готовясь что-то спросить; но ретивый на эту минуту извощикъ, привыкшій уже ко всякому гаму, съ свою очередь, для довершенія дисгармоніи, присвистнулъ, прикрикнулъ и, припрыгнувъ на козлахъ, передернувъ коренную, какъ бы жилясь поднять тройку на дыбы, готовился вскочить на Уфу.

Я и еще двое изъ неиграющихъ пошли гулять. Луна весело совершала свой путь по небосклону; поднимался маленькій вѣтерокъ. Походивши нѣсколько, мы возвращались уже домой; тогда къ намъ присоединился еще одинъ товарищъ, Т-скій, воспитывавшійся въ Петербургѣ франтъ, всегда въ очкахъ и на распашку, кое-какъ болтающій по французски, занятый собою; онъ былъ поэтъ, хотя никогда ничего не писалъ и не читалъ. Онъ выскочилъ къ намъ, изъ кучи бабъ.

— Bonsoire, M-eurs, вы гуляли? Вотъ и гостья, говорилъ онъ, смотря на луну и качая головóй.

— Съ кѣмъ это ты тамъ кланяешься, chez nous à Paris, изъ окна спросилъ поэта его товарищъ по корпусу, желая посмѣяться надъ его поговоркой: «у насъ въ Парижѣ».

— Нѣтъ, совсѣмъ не то, школяръ, не мѣшай, мнѣ идетъ въ голову экспромтъ, постой....

— Тпру..... экспромтъ.

— Говорятъ постой! Нѣтъ, господа, вчера я ѣду къ.... вице-губернатору.

— Ну, ну, господа, экспромтъ пошелъ—продолжай—къ македонскому оратору.

— Ахъ, не мѣшай..... Да вотъ вамъ, все равно:

Выхожу я изъ палатки,
И мѣсяцъ свѣтитъ во всѣ лопатки!

— Мы не смѣялись, а только потянули воздухъ и прикусили губы.

— Тредьяковщину понесъ.

— Славно, славно!.... подстрекали другіе.

— Да чего тутъ, хоть все рисуй.... Нѣсколько дрожекъ у воротъ.... Нѣсколько верховыхъ коней подъ чапраками ржатъ и рвутся изъ удиловъ.... и просятъ воли.... воли просятъ.... А глаза-то, глаза какъ налились кровью.... Смотрите... какъ конь... вдругъ встанетъ.... крупъ откинетъ... и... канаши подберетъ... визгливой нотою заржетъ... Какъ жеребенокъ.... головою затрясетъ.... ногой ударитъ... обойметъ... и какъ бы... нехотя идетъ.

Наслушавшись піита, мы вошли опять къ пирующимъ и усѣлись въ такъ называемой дѣтской, гдѣ болѣе всего творилось и говорилось всякихъ шалостей. Сюда пришелъ и хозяинъ. Онъ объявилъ мнѣ, что и я назначенъ въ походъ, и просилъ меня сдѣлать жженку.

Услыхавъ о назначеніи меня въ походъ, я покраснѣлъ, какъ ракъ; сердце забилось; въ головѣ роились мысли: не побывать за тысячу верстъ за границей, на лѣвой сторонѣ Урала—значитъ лишить себя возможности полюбоваться натуральными картинами Великаго Художника; къ тому же здѣсь терять было нечего; а остаться отъ своего эскадрона, къ которому привыкъ, и попасть въ общество чужое—не хотѣлось. Не смотря на предстоящія опасности, меня равно манили и шумъ тривоги, и труды похода, и шумъ распоряженій заглушался радостнымъ крикомъ плѣнныхъ семей, по волѣ судьбы закабаленныхъ въ неволю и нами освобожденныхъ....

Между тѣмъ на столъ поставили полведерную кастрюлю, въ которую влили нѣсколько бутылокъ шампанскаго, нѣсколько банокъ варенья, положили нѣсколько свѣжихъ ананасовъ, и все это заправили пятью бутылками рому, потомъ покрыли серебряной

рѣшетчатой крышкой; на нее положили голову сахару, расколотую на три части, и зажгли ромъ.

Когда ромъ разгорѣлся,—пламя разлилось на поверхности влаги, и сахарная капля канула въ нее, произведя *пшъ*. Всѣ свѣчи въ комнатѣ были потушены, и лица присутствующихъ покрылись матовою блѣдностью, какъ отъ бенгальскаго огня. Маленькое наше общество изъ игриваго и веселаго сдѣлалось мечтательнымъ. Многіе входили въ эту комнату, бормоча что-то себѣ подъ носъ и останавливаясь съ обычной фразой «славно»! потомъ, указывая на разливательную ложку, спрашивали: «А скоро-ли того»? и уходили обратно, обчищая мѣловую пыль съ рукавовъ сюртука; иные, навѣдавшись о здоровьи своего бумажника, опять садились за карточный столъ, гдѣ глубокое молчаніе иногда нарушалось анекдотами или остротами. Но ни шуму, ни ссоры никогда не было слышно.

Кто-то поднялъ драпри въ сосѣднюю комнату, и тамъ представилась картина другаго рода: предъ каминомъ играла женщина съ собакой, и дѣтски хохотала надъ тѣмъ, что послѣдняя лаяла на огонь, тянувшій къ себѣ полу хозяйкина капота.

— Дѣти не должны шутить ни съ огнемъ, ни съ собакой, сказалъ я. И Окся, потащивъ за собой собачку, уцѣпившуюся зубами за носовой платокъ, небрежно бросилась ко мнѣ на диванъ.

—Послушай, Окся, почти мѣсяцъ, какъ ты должна мнѣ, сказалъ я.

— Я ни кому не должна, перебила она жалобнымъ голосомъ, кокетливо тряхнувъ головой.

—Не о томъ рѣчь. Ты проиграла мнѣ пари и по условію... должна разсказать—откуда ты явилась въ Уфу!

— Тутъ нѣтъ ничего любопытнаго, отвѣчала она, сдѣлавшись вдругъ серьезною и перебирая концы пояса. Ну, право же, нѣтъ нисколько занимательнаго въ моей исторіи и географіи. И глаза ея остановились на мнѣ.

— Вотъ вамъ письмо моего благодѣтеля.—Она вынула изъ кармана распечатанный конвертъ и подала мнѣ его съ словами: «только возвратите».

— И сегодня, отвѣчалъ я.

На конвертѣ была надпись: «Аксиньѣ, на случай моей смерти». Я вынулъ изъ пакета листъ почтовой бумаги и, видя, что на немъ немного строкъ прочелъ медленно: «Родителей своихъ ты не найдешь, мое дитя, я . . . съискалъ тебя случайно, купаясь у плота; ты брошена была на берегу Бѣлой (рѣки).... Молись и трудись .... я для тебя умеръ .... Прощай и помни 703-й нумеръ».

Она смотрѣла мнѣ въ глаза. Я еще разъ прочелъ завѣщаніе.

—Ну что? не много вѣдь? Да говорите же, какой вы скучный, господинъ молчекъ! отдайте!

— На, возьми; что же потомъ?

—Потомъ...проговорила она съ разстановкой, вздохнувъ украдкой и закинувъ головун азадъ, потомъ?—я осталась тринадцати лѣтъ. Спрашивала объ немъ всѣхъ и каждаго, «не вѣмъ»—говорятъ и только. Годъ я жила хорошо. Вдова хозяйка была мнѣ крестная мать; потомъ она умерла, и домъ отдали въ опеку. Одну половину его снялъ какой-то барабанщикъ, другую занялъ другъ моего покровителя. Онъ взялъ меня къ себѣ. Читать умѣла я и прежде, но мало—съ нимъ научилась.

— Кохать?—перебилъ я.

Она погрозила мнѣ и продолжала:—Когда мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ, я нанялась въ услуженье. Много я вынесла и перетерпѣла отъ капризной барышни и ея родителей. Была съ ними въ Москвѣ, и съ ними же возвратилась опять въ Уфу. Теперь живу сама по себѣ: часомъ съ квасомъ, а порою съ водою. Квитъ, вскричала она, вскочивши съ мѣста. Мнѣ грустно, пойду играть! и бросилась изъ комнаты.

— Руку на счастье ... закричалъ я въ слѣдъ.

— А? хорошо!...

Давно уже пробило одиннадцать часовъ. Тѣни домовъ широко стлались по землѣ. Тусклый фонарь на синемъ поднавѣсѣ усердно разливалъ свой свѣтъ, не встрѣчая на пути никакой преграды. Въ столовой два ловкіе казака, одѣтые въ обшитые плисомъ чекмени изъ верблюжьяго сукна, въ бѣлыхъ перчаткахъ, раздвинувъ круглый столъ, подавали ужинъ à la fourchette; графины и бутылки съ водкой не были забыты.

Наконецъ кто-то изъ распорядителей крикнулъ:—Все готово!

— Ну что какъ держится ваша женка? спросилъ Д.... скаго кто-то изъ играющихъ.

— Ничего, отвѣчалъ онъ тоненькимъ голосомъ со смѣхомъ: только капризна очень; иногда расходится, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ женщина.

— И какъ вотъ восьмерка, сказалъ одинъ изъ игроковъ, вѣроятно, своенравна. Скажите пожалуйста, въ четвертый разъ .... И съ этимъ словомъ онъ отодвинулъ кучку серебра, покрытую бѣлыми бумажками въ двадцать пять рублей.—Господа, порозагнемъ с немножко, сказалъ хозяинъ, и, покончивъ расчеты, всѣ встали и пошли къ столу, на которомъ уже рисовалась кастрюля съ горячимъ сыропомъ и плавающимъ въ ней ковшомъ.

—Нѣтъ, вы не счастливы, потряхивая кошелькомъ, замѣтила мнѣ Окся.

— Кто? И-въ? вмѣшался хозяинъ, счастливый варваръ! а какія у васъ тамъ грамотки читались?

Не бывъ обязанъ хранить тайну, я въ короткихъ словахъ разсказалъ объ всемъ Д.... скому. Онъ взялъ письмо у Окси и, пробѣжавъ его, сказалъ: «Утро вечера мудренѣе. Я напишу письмо въ Москву Лукерьѣ Карловнѣ, оставь нумеръ у меня и завтра пріѣзжай—я тебѣ объясню все».

Между тѣмъ гости ужинали и потомъ сѣли пить жженку. Одинъ спѣлъ романсъ по итальянски. Завязалась бесѣда, болтали всякій вздоръ, разсказывали анекдоты.

Разговоры по предмету предстоящаго похода какъ-то не были

откровенны и занимательны. Въ эти сужденія, особенно по предмету экипировки людей, исключительно были посвящены эскадронные командиры.

ГЛАВА VI.

Проводы въ походъ казачьяго дивизіона.—Дорога отъ г. Уфы.—Продовольствіе людей и сбереженіе лошадей.—Дисциплина.—Стоянка въ слободѣ.—Знакомство съ султанами Бай-Мухаметомъ Айчуваковымъ и Джаномъ Уразаковымъ.

Быстро прошло время, назначенное для сбора въ походъ. Утромъ 25 августа два эскадрона стройно стояли подъ палящими лучами солнца, противъ дома барона; никто не смѣлъ поморщиться и казалось дохнуть, чтобъ не нарушить тишины. Въ десять часовъ заржалъ Мамай, и изъ воротъ выѣхалъ нашъ баронъ. Поздоровавшись съ нами и объѣхавши дивизіонъ отъ праваго фланга до лѣваго, онъ скомандовалъ: «справа по шести», и мы отправились въ путь. Какъ видите, не сложна была напутственная рѣчь.

Любопытный народъ, зѣвавшій на насъ, засуетился; вызваны были пѣсенники, и полковая музыка играла маршъ, провожая насъ. Изъ оконъ съ улыбкой кивали намъ головами дамы; иныя крестили знакомыхъ и незнакомыхъ, будто предчувствуя, что многіе изъ отправляющихся въ походъ не вернутся назадъ.

Прекрасна лѣтняя дорога изъ Уфы до Оренбурга по большому тракту, на разстояніи около 350 верстъ, особенно по качеству грунта. Половина этого пути представляетъ какъ бы хорошій англійскій садъ въ огромномъ размѣрѣ, наполненный свѣжимъ благоуханіемъ растеній всякаго рода; на каждомъ шагу великолѣпные пейзажи; пѣсни разныхъ птичекъ покрываются свистомъ

соловья. Но все это весною, а въ концѣ лѣта, когда мы выступили въ походъ, очарованіе исчезало; вмѣсто пѣсенъ соловья намъ приходилось довольствоваться своими доморощенными пѣсенниками и слушать отвратительный скрипъ татарскихъ телѣгъ.

Нашъ маршрутъ былъ сокращенъ: за Стерлитамакомъ своротивши влѣво, мы пошли прямѣе на села Ташлу и Никольское. И тутъ уже мы начали испытывать лишенія: время было страдное; бѣдность деревушекъ, чрезъ которыя мы проходили, поразительна. Хлѣбъ намъ заготовлялся со стороны земскою полиціею, вчастую недопеченый или покрытый плѣсенью; другихъ припасовъ достать было невозможно, кромѣ козьяго молока, приправленнаго справедливо-грустной фразой: «Батюшка, ты мой, ничего здѣсь не достанешь, мы сами мремъ съ голоду». Эти слова часто заставляли послѣдній кусокъ казеннаго хлѣба раздѣлять съ простодушной хозяйкой и ея малолѣтками, остававшимися дома, и то развѣ въ десятой избѣ; впрочемъ, ребятишки-то встрѣчались въ каждомъ домѣ; остальной народъ весь былъ на барщинѣ. Но о старикахъ и старухахъ, этихъ несчастныхъ жертвахъ нищеты и изнеможенія, тяжело вспомнить. Они даже не просили ни ѣсть, ни пить, а сами казалось оставлены были на съѣденье мухамъ, отъ которыхъ почти и не защищались.

Насъ вели пѣшкомъ; а идти раннею осенью въ неуклюжей одеждѣ, изготовленной для зимняго похода, и въ оружіи—было изнурительно до изнеможенія. Наконецъ мы достигли Оренбурга. Наканунѣ былъ дождь. На улицахъ города мы видѣли сѣрый песокъ грязноватаго цвѣта; вверху синій сводъ, усѣянный изорванными клочками облаковъ; подъ ними тянулись вереницы казарокъ и гусей. И часто мы видѣли подобныя стаи. Всякій разъ мы съ привѣтомъ встрѣчали и слушали ихъ отклйкъ, и грустнымъ взоромъ провожали въ даль своихъ пернатыхъ попутчиковъ, и порой кричали имъ въ слѣдъ: «Подождите насъ».

Къ стыду того времени, должно сказать, что солдатская шинель, хотя бы подъ нею билось самое благороднѣйшее сердце, у

жителей того края не пользовалась особеннымъ уваженіемъ, а потому, намъ, юношамъ, по необходимости приходилось ограничиваться своимъ обществомъ, безъ всякаго знакомства на сторонѣ. Но все-таки скучно было безъ книгъ и знакомыхъ, да и отлучаться въ первые дни не позволяли. Оставалось одно утѣшеніе: уборка лошадей или посидѣть на завалинкѣ. Разъ, помню, у сосѣдняго дома, бабы изъ переселенцевъ, съ голыми локтями и ногами, обмазывали глиной стѣны своей лачуги и, глядя на насъ, разговаривали между собой:

— Поморозятъ вѣдь ихъ, сердечныхъ, кума?

— Чего не поморозить въ такой одеженкѣ!

— Смотри, какіе есть ледащіе съ ними, и — она показала на меня.

Не имѣя понятія о предстоящей нуждѣ, я смѣялся со всею безпечностію молодости, слушая этотъ разговоръ.

Нашъ исправлявшій должность старшаго вахмистра, въ свободное отъ службы время, съ вольноопредѣляющимся, прусскимъ подданнымъ Кн—хомъ, гдѣ-то бывшимъ прежде провизоромъ, занялись изготовленіемъ вареной капусты, колбасъ и пшеничныхъ сухарей, словомъ—всѣхъ тѣхъ лакомствъ, которыхъ отъ казны не полагается, но къ которымъ желудки уже пріучены въ мирное время.

Скучая отъ бездѣйствія, я побывалъ у нѣкоторыхъ учителей Неплюевскаго корпуса, въ которомъ я воспитывался; раза два былъ у прежняго директора этого заведенія. По моей просьбѣ онъ познакомилъ меня съ двумя умными киргизами, Бай-Мухамедомъ Айчуваковымъ и Джаномъ Улыча Уразаковымъ.

У послѣдняго я не разъ бывалъ въ кибиткѣ за р. Ураломъ. Я подарилъ женѣ его наскоро наброшенный эскизъ ихъ ребенка, и за это взялъ слово съ Джана разсказать о его путешествіи въ Хиву такъ много меня тогда интересовавшую.

Онъ не замедлилъ отыскать меня. И первымъ угощеніемъ для него, разумѣется, былъ чай на коврѣ. Я подарилъ ему пистолетъ

и мой киргизъ, вертя его въ рукахъ, былъ счастливъ, какъ ребенокъ.

Вотъ что разсказалъ мнѣ Джанъ-Улыча Уразаковъ:

«Въ началѣ 1837 года я кочевалъ съ султаномъ Бай-Мухаметъ Айчуваковымъ около верховьевъ рѣчки Іенглички, впадающей въ Илекъ съ лѣвой стороны, противъ озерскаго отряда Ново-Илецкой линіи. Лѣтомъ къ Бай-Мухамету пріѣхалъ изъ Оренбурга хивинскій посланникъ Кабулъ-Бай. Мнѣ и еще четверымъ киргизамъ султанъ велѣлъ ѣхать съ нимъ въ Хиву. Мы отправились изъ ставки султана 29 іюня. Намъ приказано было проводить посланца до Хивы, и если онъ возвратится скоро, то съ нимъ же пріѣхать обратно; въ противномъ же случаѣ воротиться прежде его, для доставленія въ Оренбургъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Хивѣ.

«Кормы были хорошіе; проѣхавъ цѣлый день, мы останавливались въ аулахъ. Кабулъ-Бай былъ веселъ и часто говорилъ, что надѣятся непремѣнно выручить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ. Вообще дорогой, въ теченіе двадцати двухъ дней всего пути, ничего особеннаго съ нами не встрѣтилось, а 20 іюля мы прибыли въ городъ Хиву.

«Кабулъ-Бай остановился здѣсь у одного богатаго хивинца Бикъ-Ніясъ-Диванъ-Бегія; мнѣ же съ товарищами отвели особый домъ, принадлежащій мехтеру и назначенный для пріѣзжающихъ. Тутъ обыкновенно жило нѣсколько хивинцевъ для присмотра, но женъ и дѣтей не было видно. Строгаго надзора за нами не было; мы выходили куда хотѣли, впрочемъ только въ городѣ. Однажды я просилъ позволенія съѣздить въ Ургенчъ, городокъ лежащій въ семидесяти верстахъ недоѣзжая Хивы,—мнѣ отказали.

«Я хотѣлъ-было ѣхать въ Оренбургъ съ однимъ изъ отправлявшихся туда киргизовъ, но не могъ добиться на то позволенія. Послѣ Кабулъ-Бей мнѣ сказывалъ, что онъ самъ препятствовалъ моему отъѣзду, опасаясь, чтобы дорогой со мной не случилось какого несчастія.

«Такимъ образомъ мы жили въ Хивѣ до самаго отправленія въ Россію Кабуль-Бая съ караванами и плѣнниками. Никто къ намъ не ходилъ; а на базарѣ я не могъ узнать ничего важнаго. Напослѣдокъ мы рѣдко и выходили, потому что одинъ изъ сторожей, въ нашей квартирѣ, замѣтилъ намъ, что мы слишкомъ часто ходимъ на базаръ.

«Такимъ образомъ здѣсь прожили мы два мѣсяца и двѣнадцать дней; въ дорогѣ же до Оренбурга находились сорокъ восемь дней. Русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ я хотя и видалъ на базарѣ и на улицахъ, но ни я съ ними, ни они со мной не смѣли вступить въ разговоры. Одинъ только казакъ, взятый въ плѣнъ, приходилъ ко мнѣ въ сумерки тайно и сказалъ, что ханъ не отпуститъ всѣхъ плѣнниковъ, развѣ только самое малое число.

«Во время пребыванія нашего въ Хивѣ пріѣзжалъ туда извѣстный возмутитель орды, султанъ Каипъ-Галій Ишимовъ, и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ въ одномъ съ нами домѣ, но въ особыхъ покояхъ. Онъ былъ нѣсколько разъ у хана, который подарилъ ему и Юсуфу Сарыпову по парчевому халату. Каипъ-Галій подаренный ему халатъ продалъ за полтора червонца (22 р. 50 к.). За какимъ именно дѣломъ онъ пріѣзжалъ, мнѣ не извѣстно. Ко мнѣ и товарищамъ моимъ онъ былъ очень ласковъ; много съ нами говорилъ и изъявлялъ сильное желаніе получить отъ правительства прощеніе и позволеніе возвратиться къ предѣламъ Россіи. Юсуфъ Сарыповъ, напротивъ, злобствуетъ противъ Россіи и ни въ какомъ случаѣ приближаться къ линіи не хочетъ, хотя Каипъ-Галій ему и доказывалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ достаточныхъ поводовъ къ неудовольствію. Юсуфъ стоялъ на своемъ, что нельзя вѣрить русскимъ: «они мягко стелютъ, говоритъ онъ, да жестко спать, а киргизцы привыкли къ волѣ, любятъ волю, любятъ степь».

«Хива имѣетъ двѣ съ половиной улицы съ лавочками и переулками.

Впрочемъ изъ безсвязнаго разсказа моего киргиза о Хивѣ и

ея ханѣ-деспотѣ, соединяющемъ свѣтскую и духовную власти, я не нахожу нужнымъ ничего болѣе здѣсь приводить,—тѣмъ болѣе, что это все можно видѣть изъ позднѣйшихъ, болѣе основательныхъ источниковъ [1]).

«По общимъ толкамъ о Хивѣ, я слышалъ, что хивинцы согласны отдать русскихъ плѣнныхъ за отпускъ своихъ соотчичей, задержанныхъ въ Россіи, для возстановленія прежнихъ торговыхъ сношеній; да опасаются, что требованія нашихъ этимъ не ограничатся. Вообще всѣ желаютъ, чтобы несогласіе кончилось миролюбиво, безъ употребленія военной силы».

Этимъ окончилъ разсказъ мой гость.

---

[1]) (См. письма г. Залѣсова и др.). Разскащикъ мой,—сопоставляя женщинъ и лошадей, между прочимъ, сказалъ, мѣшая руско-киргизскія выраженія: «Бабы тамъ очинно прикрасны и не такъ, какъ у васъ—безъ вьюковъ; а лошади безъ нарядъ бульнő ни карошъ».

ГЛАВА VII.

Истинный нашъ отдыхъ.—Скромныя замѣтки доктора Р—ва.

Подъ конецъ осени ближайшее наше начальство обратило вниманіе на сбереженіе оружія. Былъ отданъ приказъ ходить даже безъ сабель. Вообще мы почувствовали нашъ отдыхъ. Неопредѣленное понятіе наше о цѣли военной экспедиціи невольно тянуло насъ въ общество хорошо знакомаго городка. Новопріѣзжіе ратные товарищи, познакомясь съ нами коротко, были къ намъ очень внимательны; мы нерѣдко говорили объ интересующей насъ экспедиціи. Отъ нихъ же мы узнали, что г.-а. Перовскій, получившій права главнокомандующаго дѣйствующею арміею, увезъ въ Петербургъ наградные списки лицамъ, остающимся на своихъ мѣстахъ. Жены разноначальствующихъ, завидуя другъ другу въ будущихъ отличіяхъ своихъ мужей, судили и рядили не только о рангахъ, но и о предположеніяхъ военной экспедиціи, состоящихъ въ слѣдующихъ началахъ.

«Успѣхъ военнаго противу Хивы предпріятія основывается почти исключительно на вѣрномъ расчетѣ и соображеніи средствъ и способовъ для продовольствія людей и лошадей. Если отрядъ въ 4 т. человѣкъ при 12-ти орудіяхъ дойдетъ въ хорошемъ состояніи до Хивы, то этого уже достаточно, и даже этотъ умѣренный расчетъ основанъ не столько на дѣйствительной потребности соединенной силы, сколько на необходимости разсылать безпрестанно довольно

значительные разъѣзды и конвои. Остается только обезпечить еще продовольствіе отряда, какъ на мѣстѣ въ Хивѣ, такъ и въ обратномъ пути.

Отрядъ можетъ выступить со средней части Оренбургской линіи, около Орска, Илецкой Защиты, Оренбурга, или съ нижней линіи — около Сарайчика и Калмыковской. Въ первомъ случаѣ предстоятъ два пути: по восточную и по западную сторону Аральскаго моря; во второмъ же—только послѣдній.

Разстояніе отъ Орска до Хивы, сколько извѣстно, одинаково по обоимъ путямъ и составляетъ до 1250-ти верстъ. Отъ Сарайчика до Хивы не болѣе, или не менѣе 1000 верстъ; но низменная при-Каспійская степь несравненно голѣе и безплоднѣе степей сѣверовосточныхъ и, сверхъ того, около устьевъ Эмбы стоятъ едва проходимыя лѣтомъ обширныя болота.

Путь на восточную сторону Арала, до р. Сыра, очень хорошъ, но далѣе онъ представляетъ то важное неудобство, что необходимо переправляться черезъ четыре рѣки: Сыръ, Яны, Кувань и Аму, изъ коихъ одна до ста сажень ширины, а другая еще гораздо шире, кромѣ того пески Кизиль-Кушъ вовсе безводны, а ихъ нельзя пройти скорѣе чѣмъ въ 4 или 5 сутокъ. Караванный путь изъ Оренбурга въ Хиву, по западную сторону Арала, идетъ, вверхъ по Илеку, черезъ горы Мугоджаръ, верховья рѣки Эмбы и потомъ низменной, глинистой и песчаной степью, до урочища Донгузъ-Тау, у подошвы Чинка, или у подъема на Усть-Уртъ; далѣе по самому Усть-Урту, западнымъ берегомъ Арала на урочище Айбугыръ, у подошвы южнаго Чинка, а оттуда черезъ городокъ Куня-Ургенчъ, или черезъ Худжели на Хиву.

Этимъ путемъ отрядъ дойдетъ безъ всякихъ затрудненій до верховьевъ Эмбы; далѣе кормъ и вода становятся хуже и бѣднѣе; но на урочищѣ Донгузъ-Тау есть хорошіе луга и камыши, и здѣсь необходимо было бы основать предварительно становище и заготовить продовольствіе и фуражъ. По самому Усть-Урту дорога хороша; но кормы бѣднѣе, колодцевъ не много и всѣ они мало-

водны; топлива, напротивъ, достаточно, потому что есть саксаулъ и другіе кустарники. Отъ Айбугыра, гдѣ также должно основать склады, значительныхъ затрудненій не предстоитъ; кормы изрядные, воды много, и можно даже частію надѣяться найти у жителей хлѣбъ разнаго рода въ зернахъ.

Остается еще принять въ разсужденіе путь на Хиву чрезъ Каспійское море и отъ восточныхъ береговъ его далѣе сухимъ путемъ. Здѣсь заслуживаютъ вниманіе наше три точки прибрежья: Новоалександровское укрѣпленіе, Мангишлакская пристань и заливъ Карабугасъ. Первое представляетъ два неудобства: затруднительное къ нему плаваніе, по узкому фарватеру, въ случаѣ противныхъ вѣтровъ, безкормица и безводица пути поперегъ Усть-Урта. Карабугасъ ближайшая къ Хивѣ часть Каспійскаго моря. Но онъ слишкомъ мало извѣстенъ, и путь отъ него до Хивы также пролегаетъ по голоднымъ пескамъ. Мангишлакъ, хотя и отстоитъ отъ Хивы верстъ на 700—800, но за то плаваніе къ нему прямѣе, удобнѣе, а путь до Хивы вдоль подошвы Чинка— нѣсколько обильнѣе водой и кормами. Впрочемъ, высадка съ моря цѣлаго отряда съ лошадьми и верблюдами представляетъ столько затрудненій, что подобное предпріятіе, при нынѣшнихъ средствахъ, должно почесться несбыточнымъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что путь изъ Оренбурга или отъ Илецкой Защиты, черезъ Усть-Уртъ, благонадежнѣе прочихъ; что путь черезъ Сарайчикъ и Мангишлакъ можетъ съ выгодою представить средства вспомогательныя.

Безводье и безкормица составляютъ главное затрудненіе всякаго степнаго поиска; въ первомъ отношеніи зима—лучшее время года, потому что снѣгъ замѣняетъ воду, а во второмъ—весна Въ раннюю весну, когда снѣга только что частію растаютъ, вода мѣстами накопилась, а между тѣмъ свѣжая трава начала уже пробиваться, всего выгоднѣе предпринимать степной походъ; но время это весьма непродолжительно, особенно если разсудить, что путь лежитъ на югъ, и снѣгъ около Оренбурга сходитъ го-

раздо позже, чѣмъ на Усть-Уртѣ. Среди лѣта жары въ степи нестерпимы; зимою, даже и на самомъ Усть-Уртѣ морозы бываютъ до 20 и болѣе градусовъ; иногда при значительныхъ вьюгахъ (буранахъ), при самомъ наступленіи весны, отблескъ снѣга отъ яркихъ солнечныхъ лучей, среди обширныхъ и голыхъ степей, бываетъ поводомъ ко всеобщимъ глазнымъ болѣзнямъ, что можно частію предупредить волосяными на глазахъ сѣтками. Продолжительная и ясная осень весьма благопріятна для степныхъ походовъ; но тутъ опять не могутъ быть устранены затрудненія относительно воды и корма. Если бы можно надѣяться на снѣжную зиму, то возможность отправить весь отрядъ на полозьяхъ перевѣсила бы всѣ другія неудобства; но какъ слишкомъ легко могло бы случиться, что отрядъ, съ половины пути, не будетъ въ состояніи идти далѣе на саняхъ, то это произвело бы слишкомъ значительное разстройство, и потому должно предпочесть вьюкъ и колеса, какъ средства, хотя и менѣе выгодныя, но болѣе благонадежныя.

По всему этому, удобнѣе будетъ выступить со средней части линіи въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ обратный путь въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Можно также наоборотъ, выступить осенью, и воротиться весною. Можно бы почти рѣшиться и на зимній походъ; но въ этомъ случаѣ выгоднѣе выступить съ Нижне-Уральской линіи, потому что Эмбинскія болота замерзаютъ и путь чрезъ это значительно сокращается. Какъ въ степи, такъ и въ самой Хивѣ климатъ вообще здоровый и, за исключеніемъ неизбѣжныхъ военныхъ трудовъ и лишеній, особенныхъ причинъ къ болѣзнямъ и смертности предполагать нельзя.

(Здѣсь молодой докторъ Р. прочелъ изъ своей памятной книжки, что на Эмбѣ и Чучкакулѣ однихъ только башкирцевъ, больныхъ, скорбутомъ и сапомъ, было 2000 человѣкъ.)—

Предполагаемый походъ пѣшкомъ совершенъ быть не можетъ. Необходимо подвезти весь отрядъ до мѣста. Между тѣмъ глав-

нѣйшее затрудненіе цѣлаго предпріятія состоитъ къ недостаткѣ корма для скота, и въ особенности для лошадей. Къ этому еще должно присовокупить, что для дѣйствій на мѣстѣ нѣтъ надобности въ значительномъ количествѣ конницы, потому что разстоянія городовъ въ ханствѣ весьма невелики, а изрѣзанная во всѣхъ направленіяхъ каналами мѣстность позволяетъ пѣхотѣ дѣйствовать съ большею выгодою. По симъ причинамъ, лошадей должно замѣнять, сколько и гдѣ можно, верблюдами, которые подымаютъ на себѣ и везутъ въ упряжи втрое или вчетверо противъ лошади, а между тѣмъ довольствуются самымъ тощимъ кормомъ и гораздо легче переносятъ жажду. Предположивъ, что собственно въ отрядѣ будетъ съ небольшимъ 4,500 человѣкъ, достаточно имѣть въ томъ числѣ восемь сотенъ доброконныхъ казаковъ, на остальныхъ же положить по одному верблюду на 8—10 человѣкъ, если верблюды пойдутъ въ упряжи, или по одному на три человѣка, если пойдутъ вьюкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ люди должны сидѣть, по примѣру азіатцевъ, въ подвѣшенныхъ къ верблюду корзинахъ, откуда, въ случаѣ нужды, даже довольно удобно обороняться. Но если можно будетъ пріучить заблаговременно верблюдовъ къ упряжи, то это было бы несравнено выгоднѣе [1]), потому что количество скота уменьшилось бы отъ этого болѣе чѣмъ вдвое. Предполагаемымъ путемъ отъ Оренбурга до Хивы всюду можно проѣхать на колесахъ; но для настоящей цѣли нужно устроить особыя повозки: длинныя, на высокихъ колесахъ и съ широками ободьями. Орудія, по крайной мѣрѣ на половину, также могутъ быть запряжены верблюдами.

Весь отрядъ было бы полезно раздѣлить для легчайшаго продовольствія скота на три части, изъ коихъ одной слѣдовало бы выступить около Ильинской, другой изъ Илецкой Защиты, а третьей изъ Сарайчика, или Калмыковой, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ тремъ частямъ соединиться на общемъ привалѣ, у Донгузъ-Тау, гдѣ

---

[1]) Для выѣздки верблюдовъ въ упряжи П. Падуровъ предлагалъ тогда казаковъ своею войска, но почему-то его предложеніе осталась непринятымъ.

пастбища привольны. Далѣе также необходимо идти, по крайный мѣрѣ, въ трехъ колоннахъ, одна отъ другой на одинъ или два перехода. Въ противномъ случаѣ воды въ колодцахъ Усть-Урта было бы не достаточно.

Полагая разстояніе отъ Оренбурга до Хивы, по избранному пути 1,250 верстъ, и каждый переходъ въ 25 верстъ, отрядъ дойдетъ въ 50 дней или, вѣрнѣе, переходовъ, ихъ коихъ около 18 отъ Донгузъ-Тау до Айбугыра по Усть-Уртъ».

Только самое необходимое число верблюдовъ должно находиться при отрядѣ; остальные же должны выступить дня два или три спустя и могутъ также слѣдовать до Донгузъ-Тау, двумя или тремя различными путями. Часть продовольствія могутъ поднять и верблюды собственно отрядные. Чрезъ Усть-Уртъ, отъ Донгузъ-Тау до Айбугыра, продовольствіе по недостатку воды для скота должно быть доставляемо небольшими караванами. Если бы къ тому времени занять Мангишлакъ, то вѣроятно нашлось бы средство доставить въ Хиву заготовленный на Мангишлакѣ провіантъ. Въ противномъ случаѣ надобно сложить, хотя небольшой, запасъ въ Новоалександровскѣ, на всякій случай, Если, какъ можно надѣяться, въ Хивѣ найдутся хотя небольшіе частные запасы хлѣба, то въ подвозномъ будетъ менѣе нужды, но положиться на это нельзя.

Весь отрядъ необходимо также довольствовать мясомъ и виномъ; относительно же средствъ заготовленія перваго будетъ говориться ниже. Башкиры охотно будутъ довольствоваться усталыми лошадьми и даже верблюдами. Кромѣ обыкновенной артиллеріи, хорошо бы снабдить отрядъ Кегорновыми мортирами, ракетами генерала Шильдера, ракетами для сигналовъ и фальшвейерами.

Необходимо рѣшить, какое участіе заставитъ принять во всемъ этомъ кайсаковъ. Они, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы принести намъ весьма значительную пользу; но какъ минутное расположеніе извѣстнѣйщихъ наѣздниковъ, зависящее отъ внушеній Хивы и другихъ мгновенныхъ обстоятельствъ, нельзя положительно

предвидѣть, то и должно обезпечить себя, по возможности, съ этой стороны и принять заблаговременныя мѣры, а именно: усилить отрядъ султанъ-правителя Западной части подполковника Айчувакова [1]) и раздать, чрезъ него, благонадежнѣйшимъ родамъ нѣсколько хлѣба, объявивъ имъ, чтобы готовились въ походъ и чтобы, за наличную плату, товарами и припасами, въ извѣстныхъ мѣстахъ доставили лошадей и барановъ, для продовольствія отряда.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта и подобныя мѣры принесутъ много пользы, и что во время степнаго пути развѣдочная и форпостная служба можетъ быть частію исправляема кайсаками; но главнѣйшая помощь ихъ будетъ состоять въ доставленіи отряду мяснаго продовольствія.

Предпріятіе это, во всякомъ случаѣ, требуетъ значительныхъ пріуготовленій: заготовки нѣсколькихъ тысячъ арбъ и повозокъ, кошемныхъ шатровъ, или кибитокъ, найма или покупки верблюдовъ и, наконецъ, подвоза запаснаго продовольствія на Мангишлакъ или Новоалександровскъ и на главное становище при Донгузѣ. Итакъ, чтобы не было остановки къ тому времени, когда сочтено будетъ нужнымъ приступить къ самому исполненію, желательно бы было заняться нынѣ же, безотлагательно, пріуготовленіями и въ особенности заготовкою такихъ припасовъ и снарядовъ, которые значительной порчѣ отъ времени не подвержены.

Отчетность по экспедиціи вообще не можетъ быть обыкновенная, какъ потому, что потребности здѣсь, частію вовсе не тѣ, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и потому, что самая заготовка скота и вещей не можетъ происходить на обще-принятыхъ основаніяхъ; надобно будетъ закупать то и другое по одиночкѣ, гдѣ случится, у кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ, причемъ невозможно соблюдать обще-установленнаго порядка.

---

[1]) Тогда его ожидали въ городъ по весьма экстренному дѣлу; а въ походѣ онъ состоялъ при главномъ отрядѣ съ титуломъ Ваше Степенство.

И такъ, собразивши все, вѣрнѣе и благонадежнѣе приступить къ дѣлу такимъ образомъ:

Основать предварительно, за годъ, два становища,—одно при южной оконечности Мугоджарскихъ горъ, верстъ слишкомъ за 300 отъ Оренбурга, а другое у Донгузъ-Тау, въ такомъ же почти разстояніи отъ перваго. Тогда можно будетъ заготовить по крайней мѣрѣ на этихъ двухъ точкахъ нѣсколько сѣна, и можно подвезти туда заблаговременно овесъ и продовольствіе для людей. Пѣшій гарнизонъ въ Мугоджарскихъ горахъ 250 челов., а на Донгузъ-Тау 350, долженъ оставаться тамъ на зимовкѣ и послужить, частію, для перемѣны въ отрядѣ больныхъ и усталыхъ. Вѣроятно будетъ удобнѣе выкомандировать для этого пѣхоту, а потомъ, во время слѣдованія отряда, забрать ее съ собою, замѣнивъ пѣшими казаками и башкирами. Въ этомъ случаѣ и самое продовольствіе предварительныхъ гарнизоновъ на становищахъ не составитъ особô расхода, потому что пѣхота и безъ того продовольствуется отъ казны. Можетъ быть удастся согласить отчасти и самыхъ кайсаковъ помогать при заготовкѣ сѣна, что весьма облегчило бы дѣло. Если такимъ образомъ продовольствіе отряда будетъ вполнѣ обезпечено на этихъ двухъ точкахъ, то одна половина затрудненій устранится и останется только пройти благополучно Усть-Уртъ, верстъ не съ большимъ 400.

При обратномъ слѣдованіи было бы полезно отправить часть отряда на восточную сторону Арала, для осмотра и описи неизвѣстной еще доселѣ страны, причемъ бухарцы могутъ со всею удобностію доставить туда продовольствіе, прямо отъ себя, въ чѣмъ, вѣроятно, при нынѣшнихъ дружескихъ отношеніяхъ своихъ, не откажутся.

При отрядѣ предположено имѣть двѣ разборныя лодки и шесть бударъ (челноковъ), какъ для осмотра береговъ Арала, Сыра и Аму, такъ и для переправы чрезъ каналы; кромѣ того, на послѣдній предметъ заготовлены будутъ бурдюки или кожаные мѣхи, которые послужатъ на пути и для запаса воды. Будары съ удобствомъ заступятъ мѣсто госпитальныхъ фуръ, для труднобольныхъ.

Три съ половиною сводныхъ баталiона пѣхоты предполагается образовать изъ отборныхъ людей 22 пѣхотной дивизiи, а именно: изъ Уральска одинъ, изъ Оренбурга одинъ и изъ Верхнеуральска одинъ, замѣнивъ ихъ, гдѣ нужно, казачьими войсками.

Достовѣрно извѣстно, что когда, послѣ нападенiй хивинцевъ зимою съ 1824 на 1825 годъ на вооруженный караванъ нашъ [1]), въ слѣдующую зиму отправлена была ученая экспедицiя подъ начальствомъ полковника Берха [2]) къ Аральскому морю, то въ Хивѣ были сдѣланы уже всѣ приготовленiя для поднесенiя побѣдителямъ городскихъ ключей. Плѣнники наши увѣряютъ даже единодушно, что золотые ключи были отлиты. Независимо отъ этого, четыре значительныхъ поколѣнiя туркменъ неоднократно просили русскаго подданства; со времени задержанiя у насъ хивинскаго каравана и прекращенiя торговли, нужда и бѣдность въ Хивѣ непрестанно возрастали, и ханъ, лишившись доходовъ своихъ, началъ взимать съ туркменъ и ближайшихъ кайсаковъ довольно отяготительную подать [3]), а наконецъ, есть въ Хивѣ и въ степи давнишнее повѣрье, что Хива погибнетъ отъ русскаго оружiя, если воды Аму-Дарьи станутъ снова разливаться до стараго Ургенча, покинутаго въ древнiя времена, какъ говорятъ, по недостатку воды; нынѣ же заливъ Аму-Дарьи дѣйствительно сталъ снова наполняться, въ Коня-Ургечѣ поселились жители и народъ съ трепетомъ ожидаетъ второй части исполненiя.

Всѣ эти обстоятельства заставляютъ полагать, что можетъ быть кайсаки туркмены разграбятъ Хиву, прежде чѣмъ отрядъ нашъ успѣетъ туда дойти; но опредѣлить этого положительно нельзя. И въ этомъ отношенiи также выгоднѣе основать заблаго-

---

[1]) Этотъ купеческiй караванъ съ товаромъ на 10 м. рубл. погибъ зимою подъ начальствомъ П. Цiалковскаго.

[2]) Нынѣ фельдмаршалъ.

[3]) Это писали изъ Хивы купцамъ, задержаннымъ въ Оренбургѣ и др. мѣстахъ, ихъ родные.

временно за годъ склады и становище у Донгузъ-Тау. Очень быть можетъ, что и этого движенія съ нашей стороны будетъ достаточно для окончательнаго смиренія Хивы. Вѣроятно и самые плѣнники наши въ Хивѣ, до 2000 человѣкъ, не останутся при этомъ въ бездѣйствіи.

Во всякомъ случаѣ, предпріятіе это, кажется, должно стараться разгласить. Сами хивинцы понимаютъ, что оно есть дѣло вынужденное, а не добровольное, и одинъ страхъ уже могъ бы дать ему выгоднѣйшій для насъ оборотъ. Кромѣ того, это послужило бы для насъ и опытомъ, для предпріятія болѣе отдаленнаго настоящаго похода. Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что всѣ вообще предположенія эти могутъ вдругъ потребовать значительныхъ измѣненій: все зависитъ отъ мѣстныхъ, случайныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ; надобно будетъ мгновенно пользоваться тѣмъ, что случай и обстоятельства представятъ; а потому, даже и самое время года, для выступленія, нельзя опредѣлить съ совершенною положительностію.

Засимъ въ началѣ 839-го года генералъ Перовскій доносилъ военному министру, что всѣ свѣдѣнія, получаемыя изъ степи, подтверждаютъ открытую вражду хивинцевъ, которые, нынѣ избавившись отъ угрожающей имъ мести персіянъ, пытаются возстановить противъ насъ кайсаковъ; что сподвижникъ убитаго осенью прошлаго года Исятая, Мухаммедъ Утемисовъ, письмами безпрестанно разсылаетъ требованія, чтобы именемъ хивинскаго хана отказались всѣ кайсаки отъ подданства нашего и откочевали къ Хивѣ. Г. Перовскій, какъ человѣкъ изящно образованный не хотѣлъ обойти науку и просилъ послать для изслѣдованія Аральскаго моря ученую экспедицію, для переправы чрезъ рѣки понтоны, а для запаса водою бурдюки.

«Г. Перовскій доносилъ, въ 1839 году, что въ Астрахани были задержаны хивинцы.

Предположеніе о походѣ въ Хиву было разсматриваемо въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

1) Времени удобнѣйшаго, для приведенія онаго въ исполненіе.

2) Способовъ для того потребныхъ.

Экспедиція въ Хиву, вынужденная враждебными дѣйствіями хивинцевъ и непрестаннымъ упорствомъ, съ коимъ они отвергали справедливыя требованія наши, кромѣ вышеизложенной прямой цѣли своей, должна имѣть другую, еще важнѣйшую: возстановить и утвердить вліяніе Россіи въ средней Азіи, ослабленное долговременною ненаказанностію хивинцевъ, и въ особенности тѣмъ постоянствомъ, съ которымъ англійское правительство, во вредъ нашей промышленности и торговли, стремится къ распространенію своего господства въ тѣхъ краяхъ.

Разсматривая предпріятіе это съ сей точки зрѣнія, вполнѣ убѣждаешься въ необходимости онаго; но, принимая въ соображеніе настоящее положеніе дѣлъ въ средней Азіи, считается удобнѣйшимъ отложить поискъ на Хиву до окончанія экспедиціи, предпринятой генералъ-губернаторомъ Англійскихъ владѣній въ Индіи противъ владѣтеля Кабула, Достъ-Мухамедъ-Хана, и до обратнаго выступленія войскъ Остъ-индской компаніи изъ Авганистана.

Это мнѣніе основано было на слѣдующихъ уваженіяхъ:

Нѣтъ сомнѣнія, что экспедиція въ Авганистанѣ будетъ имѣть послѣдствіемъ новое усиленіе власти и вліяніе англичанъ надъ всѣмъ поселеніемъ Средней Азіи, но достовѣрно и то, что сколь бы ни было велико это вліяніе, оно могло бы быть поколеблено занятіемъ Хивы, освобожденіемъ сосѣднихъ туркменъ и кайсаковъ отъ дани хивинской, и огражденіемъ Бухары отъ грабежей и насилій. Что цѣли экспедиціи нашей не чуждо также будетъ освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ персіянъ, находящихся въ плѣну у хивинцевъ, и возвращеніе ихъ въ отечество, что также несомнѣнно содѣйствовать будетъ утвержденію политическаго первенства нашего въ Персіи. Съ другой стороны, экспедиція англичанъ противу Достъ-Мухамеда-Хана, во всякомъ случаѣ, послужитъ намъ достаточнымъ основаніемъ къ отклоненію всякихъ со стороны Англіи

притязаній по дѣйствіямъ нашимъ въ Хивѣ; слѣдственно, и въ этомъ отношеніи выгоднѣе и полезнѣе отложить предположенную съ хивинцами расправу до окончанія дѣлъ въ Авганистанѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ въ совокупности полагалось:

Приступить со всею возможною дѣятельностію, по всѣмъ пріуготовленнымъ для экспедиціи въ Хиву распоряженіямъ по заготовкѣ провіанта и другихъ необходимыхъ припасовъ, къ устройству способовъ перевозки въ степи и такъ далѣе.

Всѣ эти приготовленія окончить, сколь можно неотлагательно, но въ той мѣрѣ, какъ они нужны для основанія въ степи, на пути слѣдованія экспедиція въ Хиву, двухъ временныхъ становищъ, также чтобы устройство ихъ могло быть предпринято и совершенно въ теченіе осени нынѣшняго года.

Составленіе отряда, въ достаточныхъ силахъ для сего первоначальнаго движенія, окончательный выборъ мѣстности для временныхъ становищъ, опредѣленіе для сихъ становищъ достаточныхъ гарнизоновъ, — всѣ эти предметы предоставить мѣстнымъ соображеніямъ генералъ-адъютанта Перовскаго.

Истинная цѣль распоряженій на линіи, и самое назначеніе временныхъ становищъ въ степи должны быть сохранены въ строжайшей и непроницаемой тайнѣ. Это необходимо сколько для успѣха экспеидціи, столько же и въ особенности для того, чтобы не обратить дѣятельности англійскихъ агентовъ къ возбужденію такихъ препятствій, которыя могли бы затруднить чрезъ мѣру исполненіе предположеннаго предпріятія. Но какъ приготовленія столь обширныя и разнородныя не могутъ быть сохранены въ тайнѣ и неизбѣжно сдѣлаются извѣстными, то всего представляется удобнѣйшимъ и ближайшимъ произвесть сіи приготовленія подъ предлогомъ ученой экспедиціи, назначенной для изслѣдованія восточныхъ береговъ Аральскаго моря. Основанію временныхъ становищъ въ степи съ полнымъ вѣроподобіемъ можетъ быть данъ тотъ же предлогъ. Экспедиція эта, дѣйствительно предназначенная въ 1837 году, сдѣлалась болѣе или менѣе извѣстною

въ ученомъ мірѣ, и теперь оставалось бы только возобновить объ ней, какъ о предпріятіи, положительно рѣшенномъ.

Сношенія Министерства Иностранныхъ дѣлъ съ Министерствомъ Народнаго просвѣщенія. Это послѣднее можетъ быть приглашено избрать нынѣ же ученыхъ мужей для принадлежащихъ изслѣдованій, занять ихъ предварительнымъ составленіемъ програмъ по разнымъ предметамъ, въ кругъ изслѣдованія войти имѣющимъ, и словомъ дать этому дѣлу елико возможное развитіе. Ученое обозрѣніе береговъ Аральскаго моря, необходимое по совершенной ихъ неизвѣстности, всего удобнѣе можетъ и должно быть произведено при настоящемъ случаѣ. Подробности мѣръ и распоряженій, къ наилучшему устройству этого частнаго предпріятія, въ связи съ движеніями военными, составитъ въ послѣдствіи предметъ особаго соглашенія и между Министерствами Иностранныхъ дѣлъ и Военнымъ.

Засимъ, если бы, сверхъ всякаго ожиданія, къ веснѣ будущаго года англичане оставались еще въ Авганистанѣ, то и въ этомъ случаѣ признавалось необходимымъ выполнить вторую половину экспедиціи, т. е. отъ устроенныхъ въ степи временныхъ становищъ дойти до Хивы, такъ какъ дальнѣйшее отлагательство экспедиціи, во всѣхъ отношеніяхъ приготовленной и частію уже исполненной, было бы сопряжено съ слишкомъ большими неудобствами и затрудненіями.

По видамъ прочнаго обезпеченія господства нашего въ степи торговыхъ сношеній съ Бухарою, и вообще политическаго нашего вліянія и значенія въ Средней Азіи,—обстоятельство это, когдабы оно ни случилось, не должно служить поводомъ къ отмѣнѣ предположеннаго похода, ниже останавливать приготовленій къ оному. Отклонить подобную готовность хивинцевъ, конечно, не возможно. Нельзя не принять плѣнныхъ нашихъ, еслибъ они были къ намъ высланы, но нетрудно будетъ найти другой предлогъ по требованіямъ новымъ и увеличеннымъ.

Обращаясь за симъ къ предположеннымъ способамъ и мѣрамъ

относительно снабженія отряда, въ экспедицію предназначеннаго, всѣми матеріальными принадлежностями и пособіями, рѣшили что, по удовлетворительности и полнотѣ примѣрныхъ исчисленій на предметъ сей составленныхъ, исчисленія сіи могутъ быть приняты основаніемъ ко всѣмъ предстоящимъ распоряженіямъ по снаряженію отряда, какъ равно и къ отпуску потребныхъ на то суммъ въ распоряженіе Оренбургскаго военнаго губернатора. Въ число общей суммы 1.698,000 рублей и 12,000 червонныхъ, на покрытіе всѣхъ вообще расходовъ, по экспедиціи исчисленныхъ, необходимо ассигновать нынѣ же достаточную часть, для немедленнаго приступа къ распоряженіямъ по снаряженію отряда.

По соображеніямъ г.-а. Перовскаго, отпускъ этотъ на первый случай можетъ быть ограниченъ 700 т. рублей, и находя, что деньги эти, по назначеніи ихъ, неудобно требовать изъ Государственнаго Казначейства, предоставлялось военному министру испросить Высочайшее разрѣшеніе на ассигнованіе ихъ изъ особыхъ источниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться доставленіемъ этой суммы генералъ-адьютанту Перовскому такимъ образомъ, чтобы присылка ея осталась въ тайнѣ. Между тѣмъ военное министерство не оставитъ сдѣлать нужныхъ распоряженій къ снабженію отряда огнестрѣльными припасами и снарядами, нѣкоторымъ числомъ Кегорновыхъ мортиръ, ракетами разныхъ наименованій и всѣми прочими предметами, отпускомъ отъ него зависящими. Въ число ихъ генералъ-адьютантъ Перовскій признаетъ необходимымъ имѣть 8 горныхъ единороговъ, для замѣна при отрядѣ такого же числа конно-артиллерійскихъ орудій казачьей бригады. По сравнительной легкости горныхъ орудій и по удобству перевозки ихъ, снабженіе ими отряда представляется весьма полезнымъ, и хотя нынѣ при арсеналахъ горной артиллеріи въ запасѣ нѣтъ вовсе ихъ но, въ случаѣ Высочайшаго соизволенія, отливка 8 единороговъ по утвержденнымъ чертежамъ не будетъ подвержена затрудненіямъ и можетъ быть исполнена въ два или три мѣсяца.

Для отвращенія медленности и затрудненій, могущихъ произойти въ успѣшномъ производствѣ работъ по постройкѣ обоза, разборныхъ лодокъ и другихъ необходимыхъ отряду предметовъ, считалось нужнымъ разрѣшить Оренбургскаго военнаго губернатора пользоваться всякаго рода пособіями, отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальства, которымъ, чрезъ Его Императорское Высочество Генералъ-Фельдцейхмейстера и Генералъ-Инспектора по Инженерной части, поставить въ обязанность, исполнять въ точности всѣ его въ семъ отношеніи требованія, какъ относящіяся до ученой экспедиціи.

Въ предупрежденіе вопросовъ и недоразумѣній, могущихъ возникнуть въ послѣдствіи при ревизіи отчетовъ расходамъ по экспедиціи, считалось долгомъ коснуться здѣсь и этого предмета. По разнообразности потребностей отряда, отчасти совершенно отличныхъ отъ потребностей обыкновенныхъ по роду предстоящихъ покупокъ, которыя всѣ почти должны быть произведены у кочующихъ, полудикихъ инородцевъ, въ расходахъ по экспедиціи, какъ въ денежныхъ, такъ и вещественныхъ. не можетъ быть данъ отчетъ по обыкновеннымъ контрольнымъ правиламъ.

Поэтому считалось необходимымъ предоставить ревизію и окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ отряда Оренбургскому военному губернатору, не обращая оныхъ за тѣмъ въ высшія ревизіонныя по контролю установленія. Генералъ-адъютантъ Перовскій будетъ въ обязанности представить въ послѣдствіи особое соображеніе, о порядкѣ учрежденія этой ревизіи. на Высочайшее Государя Императора утвержденіе чрезъ военнаго министра; но чтобы это обстоятельство не было разглашено и тайна экспедиціи осталась, Государь приказалъ отпустить деньги изъ Государственнаго Казначейства въ распоряженіе Перовскаго, для извѣстнаго Его Императорскому Величеству употребленія, предписавъ военному министру такъ:

«Повелѣваю вамъ отпустить, изъ общаго экономическаго капитала военнаго министерства, семь сотъ тысячъ рублей ассигна-

ціями въ распоряженіе Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Перовскаго, для употребленія по извѣстнымъ ему предназначеніямъ Нашимъ».

ГЛАВА VIII.

Правительственныя заготовления въ Петербургѣ разныхъ припасовъ для похода. —Замѣна коннаго Оренбургскаго завода верблюжьимъ.—Слухи въ степи.—Косвенное предложение султану—правителю Анчувакову.—Наемъ киргизовъ.— Донесеніе в. м.—ру объ экспедиціи въ ноябрѣ.—Сухой бульонъ француза Поаза.—Судъ доморощеныхъ политиковъ.—Эпизодъ изъ жизни г. Перовскаго.

Независимо отъ приготовленій въ самомъ краѣ, правительственныя распоряженія въ Петербургѣ были полны заботою для обезпеченія отряда. Съ ранней весны, тамъ заказывалось и присылалось въ Оренбургъ все, что только просилъ г.-а. Перовскій, а именно: отъ г.-м. Шильдера были присланы, на 8 троечныхъ, самой легкой конструкціи повозкахъ, 6 понтоновъ и 300 бурдюковъ, подъ присмотромъ офицера и 4-хъ солдатъ, съ расходомъ на это 12,345 р.

Два отдѣленія минеровъ при 5 лаборантахъ привезли въ Оренбургъ бурава, воронки, мѣшки, лопаты, кирки, мотыги, два гальваническихъ снаряда, со всѣмъ приборомъ, и три тысячи саженъ проводниковъ.

Изъ Брянскаго оружейнаго завода были получены два батарейныхъ орудія съ лафетами, передками и 6 зарядными ящиками. Перевозка ихъ стоила казнѣ 3000 р., и кромѣ этого прислали 8 горныхъ единороговъ.

Съ командированнымъ въ отрядъ іереемъ, отцомъ Иваномъ

Колокольцевымъ, была отправлена церковь, сдѣланная въ Петербургской коммисаріатской коммисіи и стоющая съ повозкою, лошадьми и упряжью 12,733 р. 49 к.

На три съ половиною баталіона 22-й пѣхотной дивизіи отборныхъ людей по сроку 1840 года, былъ отпущенъ рубашечный холстъ и сапожный товаръ; а на каждаго офицера по сту рублей.

Далѣе, склады заваливались коробами, обшитыми войлокомъ (тюки). Съ ранняго утра, различныя мастерскія обоихъ линейныхъ баталіоновъ были открыты. Множество вольныхъ рукъ, владѣющихъ какимъ нибудь ремесломъ, были заняты разными работами. Женщины казацкаго форштата и по линіи крошили хлѣбы и готовили сухари. Курьеры и фельдъегеря, эстафеты и всадники съ перомъ, прикрѣпленнымъ къ пакету, скакали изъ города въ городъ, днемъ и ночью, извѣщая колоколами о всемѣстномъ движеніи.

Все это двигалось подъ строгою и громкою командою г.-м. Ціалковскаго.

Онъ былъ самая главная и замѣчательная личность, и я считаю необходимымъ познакомить васъ.

Снаружи онъ былъ красавецъ, исполинскаго росту, силу имѣлъ богатырскую, а поступь гордую; но вѣрнѣе сказать, что поступь его величавой походки происходила отъ тучности. Говорили, что онъ имѣлъ вѣсу до 8 пудовъ, и рѣдкая лошадь изъ тамбовскихъ выкормковъ могла держаться на ногахъ подъ его сѣдломъ. Такая слабость лошадей вынудила его представить проектъ г. Перовскому—вблизи своего имѣнія развести конный заводъ. Я вѣрю этому на томъ основаніи, что онъ хотя мало, да приносилъ пользу казнѣ, а съ тѣхъ поръ какъ г. Цал—скій умеръ, заводъ не приноситъ ни кому никакой пользы. Удивляюсь, почему его до сего времени не продали въ частныя руки?

Оренбургская губернія отличается и безъ башкирскаго коннаго завода наивысшею пропорціею лошадей передъ другими губер-

ніями. Извѣстно всякому, что въ этомъ степномъ краѣ сильно развито табунное коневодство. Для укомплектованія обоза нашей арміи лошадьми, ни одно государство не имѣетъ этой нашей привилегіи. Да къ тому же, какъ бы много мы ни имѣли шосейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, въ военное время наши степныя и крестьянскія породы лошадей могутъ оказать услугу, лишь-бы онѣ были выѣзжены въ дышло. Коснувшись продажи ненужнаго завода, я полагаю на вырученныя деньги можно бы съ пользою для края устроить верблюжій заводъ, или раздавать проценты съ капитала на преміи киргизамъ, для поощренія ихъ разводить въ степи и выѣзжать хорошо верблюдовъ въ упряжи.

Мѣра эта могла-бы принести не фиктивный конно-заводскій, а дѣйствительно полезный процентъ, до постройки желѣзныхъ дорогъ въ томъ краѣ.

Не преувеличивая можно сказать, что верблюдъ, это отвратительное животное по своему уродливому строю, запаху и капризному характеру, — есть царь степи, есть благодать для нашей пустыни. Истинно величавая его осанка, его гордая съ вожакомъ манера высказываютъ вамъ, кажется, его въ этомъ сознаніе.

Я снова возвращаюсь къ тому, кому было со всею довѣрчивостію русскаго магната, каковъ былъ г. Перовскій, поручено безконтрольно купить 20,000 верблюдовъ для похода.

Хотя часть купленныхъ г.-м. Ціал-скимъ верблюдовъ паслась въ Донгузскахъ долахъ, по близости города; хотя верблюды эти отгулялись, однако вскорѣ, по инціативѣ того же пріобрѣтателя, лучшіе изъ нихъ были проданы маркитанту З—ву. Вмѣсто покупки производилась наемка чрезъ султановъ-правителей, которые съ трудомъ уговаривали киргизъ наняться.

Распущенные по степи слухи, что башкиры, послѣ постройки Эмбинскаго и Ахбулатскаго укрѣпленій, возвращаются домой, и, въ крайне бѣдномъ состояніи, идутъ буквально какъ голодные волки, отнимая у киргизъ не только верблюдовъ, но и лошадей, заставили многіе ордынскіе рода уйти съ своими табунами

изъ вѣдомства султановъ-правителей и въ дальнихъ степяхъ искать убѣжища. Это непредвидѣнное обстоятельство такъ поразило г. Перовскаго, что едва не остановило наши сборы. Чтобы выйти изъ бѣды, былъ вызванъ султанъ-правитель Айчуваковъ и тогда-то, послѣ щедрой ему награды, съ него было взято слово, во чтобы то ни стало нанять верблюдовъ.

Когда дѣло было улажено, въ Петербургъ писали такъ: «Крайнимъ срокомъ для исполненія предпріятія назначена была весна будущаго 1840 года; почему и положено было приступить нынѣ-же ко всѣмъ необходимымъ приготовленіямъ и кончить ихъ поспѣшнѣе. Между тѣмъ однакоже, при ближайшемъ соображеніи на мѣстѣ всѣхъ обстоятельствъ, я нашелъ, что отрядъ, при многочисленности своей, не можетъ найти въ степи весною достаточнаго количества воды, особенно, если сообразить, что, выступивъ отселѣ весною, онъ придетъ на безводныя степи въ самое знойное лѣто. Независимо отъ этого оказалось гораздо выгоднѣшимъ не покупать верблюдовъ, какъ было предположено, а нанять ихъ, обще съ возщиками, потому что обошлись-бы несравненно дороже и, кромѣ того, безъ тщательнаго за ними присмотра самихъ хозвевъ, большею частію не выдержали бы похода; наемка же эта не можетъ быть произведена зимою, когда всѣ кайсаки сидятъ неподвижно на отдаленныхъ зимовьяхъ своихъ, а только лѣтомъ, черезъ посредство султановъ-правителей; вотъ почему я также нашелся вынужденнымъ обезпечить предпріятіе въ этой важнѣйшей потребности, и нанять верблюдовъ нынѣ же, не теряя времени.

«По симъ причинамъ, то есть, какъ для значительнаго сокращенія издержекъ, такъ и для того, чтобы не потерпѣть съ степяхъ недостатка въ водѣ, я принужденъ буду выступить недожидаясь весны, и вѣроятно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, хотя обстоятельство это въ сущности своей и не противорѣчитъ Высочайше утвержденному журналу, потому что отрядъ достигаетъ цѣли своей не ранѣе тамошней весны.

«Къ походу все строится успѣшно, но хлѣбъ и овесъ по неурожаю вздорожали. Дажебаги, стеганная на овечьей шерсти одежда шьется. Для полушубковъ, шароваръ, сапогъ и проч. обозы, со включеніемъ парочныхъ вьючныхъ ящиковъ, походныхъ кузницъ, аптекъ и проч., большею частію окончены; четыре разборныя лодки по 35 футъ длины, изъ коихъ двѣ плоскодонныя и двѣ остроконечныя, изготовлены».

Не надѣясь на заготовку живой мясной порціи, г.-а. Перовскій изъявилъ согласіе на высылку ему желатина или животной студени, для обезпеченія продовольствія своихъ отрядовъ, по способу Дарсета, полагая 8-мь золотниковъ на порцію, на 75 дней пути, а для пяти сотъ человѣкъ всего 780 пудовъ; а для предохраненія отъ сырости, онъ просилъ прислать въ $^1/_2$ пудовыхъ кускахъ; но и здѣсь онъ обманулся въ расчетѣ: такую пропорцію сдѣлать къ назначенному времени ему не могли, а равно и потому, что съ этимъ новоизобрѣтеннымъ продуктомъ въ П—бургѣ только что познакомились совершенно случайно:

При посѣщеніи Государемъ монетнаго двора весною 1839 года, служащій приономъ французъ Поаза поднесъ Его Величеству добываемый изъ костей желатинъ по способу Дарсета.

Требованіе г. а. Перовскаго застало желатинъ въ лабораторіи.

Государь приказалъ сдѣлать ему опытъ въ госпиталяхъ. Хотя дѣло техническихъ улучшеній у насъ было тогда въ зародышѣ, однако чиновники вѣдомствъ медицинскаго и коммисаріатскаго, анализируя его, забраковали, нашедши:

1) Желатинъ дѣлается съ помощію особеннаго апарата, на работу котораго надо было имѣть довольно времени.

2) Отзывается саломъ, и только при помощи приправъ, кореньями и зеленью, получаетъ пріятность вкуса, заглушающую сало; а какъ зимой зелени нѣтъ, то, и въ экономическомъ отношеніи, нѣтъ выгоды его имѣть для госпитателей.

3) Изъ ста фунтовъ сухихъ костей, можно добыть 1,500

фунтовъ желатина въ жидкой водѣ, употребивъ 7 пудовъ каменнаго угля.

4) Для изготовленія пищи одному человѣку, потребно въ сутки желатина 8 фунтовъ, говядины сырой $1/2$ фунта, свѣжей капусты и другой зелени, на 15 коп., и $7\frac{1}{2}$ золот. соли.

5) Такъ какъ госпитальная порція обходится $21\frac{1}{2}$ к. въ сутки, а порція, по выше предположенному способу, съ дровами и проч. $26\frac{1}{2}$ коп.; поэтому и пользы въ нововведеніи по госпиталямъ не предвидится.

Однако настоятельными происками иностранца, былъ изготовленъ сухой желатинъ въ Технологическомъ Институтѣ, и въ особо устроенномъ апаратѣ, для пробы, по Высочайшему повелѣнію, 300 фунтовъ было послано въ гарнизоны укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря; а г.-а. Перовскому для той же замѣны, въ случаѣ недостатка скота, былъ посланъ сухой, обыкновенный бульонъ.

По поводу обсужденія, официально уже полученаго проекта, отъ Академіи наукъ, немедленно былъ составленъ у г. Перовскаго особенный совѣтъ.

На немъ образовались и выяснились двѣ противныя партіи: одна изъ нихъ, хотя большая по числу членовъ, и стоявшая за выгоду и пользу ученой экспедиціи, не могла однакожъ пересилить вторую, свою противницу, хотя и меньшую по числу членовъ, но сильную своимъ авторитетомъ.

Всѣ доказательства мыслящихъ людей первой партіи остались безъ вниманія, не смотря на то, что они весьма основательно доказывали, что: а) безъ точныхъ топографическихъ свѣдѣній и разысканій не должно пускаться въ степь; б) недостаточно основываться на имѣющихся въ наличности донесеніяхъ, сообщенныхъ правительству топографами со словъ кочевниковъ; в) составлять топографамъ точныя карты было невозможно, въ виду ежеминутной со всѣхъ сторонъ опасности попасть въ страшныя работы трухменовъ, или быть посаженными на колъ въ г. Хивѣ; г) весь-

ма ненадежно ограничиваться сбивчивыми указаніями содержащихся здѣсь хивинскихъ плѣнниковъ, равно какъ и совершенно нельзя полагаться на киргизскихъ проводниковъ, не различающихъ разстоянія г. Хивы отъ границъ ханства.

Выслушавши эти скромные доводы, гг. Ц-скій и Рак-скій, хорошо знавшіе характеръ своего начальника, съумѣли не только опровергнуть доводы, но даже и согласить г. Перовскаго съ своими намѣреніями: до времени уклониться отъ попытокъ будто бы постороннихъ имъ людей взять на себя какое либо изслѣдованіе въ степи, или, какъ выражался г. Ціал-скій, «не слѣдъ намъ слушать этихъ ученыхъ дахмоѣдовъ».

Слѣдствіемъ этого совѣта было то, что назначенные отъ Академіи наукъ академики гг. Боргардъ, Келлеръ и Желѣзновъ, узнавъ стороною объ исходѣ своихъ доводовъ и объ официально рѣшенномъ зимнемъ походѣ, совсѣмъ не двинулись изъ Петербурга.

Прибывшаго же въ г. Оренбургъ академика Лемана, узнавшаго о дѣйствительной цѣли похода только на мѣстѣ, уже не хотѣли отпустить назадъ и едва-едва могли уговорить его слѣдовать съ ротмистромъ Чихачевымъ. Этотъ поступокъ Лемана, по предмету отказа, довели до свѣдѣнія Начальства; а чтобы окончательно избѣжать нареканій со стороны не довольныхъ ученыхъ представлено было, что для конвоя ученой экспедиціи необходимо дѣлать новый нарядъ войскъ, что могло бы значительно ослабить линію, и потому просили отложить ее до окончанія военной.

И какъ бы въ разрѣзъ своимъ дѣйствіямъ, для пріобрѣтенія тѣхъ же ученыхъ свѣдѣній, означенныхъ въ проектѣ, послали на Аральское море инженеръ-поручика Ковалинскаго.

Оборотъ такого дѣла, хотя и успокоилъ г.-а. Перовскаго, но въ то же время стали выказываться невольно картины большей неурядицы, а именно: почти весь провіантъ, по Высочайшей волѣ предназначенный взять въ экспедицію изъ Ор-скихъ запасныхъ магазиновъ, оказался сгнившимъ. Началась его покупка. При

большомъ спросѣ хлѣба, въ короткіе сроки заготовки, вдругъ цѣны увеличились. Все извращающіе тогда чиновники, частью по неопытности, а частью по привычкѣ къ своимъ интересамъ, тянули дѣла своихъ порученій по пословицѣ черезъ пень въ колоду, отъ чего дѣло шло не только неуспѣшно, какъ бы требовало того время, избранное для похода, но и шло вяло и апатично.

За плотною стѣною стоявшихъ поочередно въ пріемной г. Перовскаго, ему некому было подсказать, чѣмъ полечить наши больныя мѣста; даже ближайшіе его, менажируя его какъ больнаго, не безпокоили его истиной или не смѣли коснуться до правды, чтобы не вызвать его противорѣчія.

При написаніи исторіи Башкирско-Мещерякскаго народа отъ добросовѣстнаго труда историка мы будемъ ожидать громаду назидательныхъ картинъ.

Я ограничусь здѣсь только краткимъ намекомъ на прошлое, чтобы пишущій не пропустилъ разсказать намъ, какъ изъ 16,000 очередныхъ семействъ, по произволу ихъ же родичей, было выбрано для похода въ степь 8,000 человѣкъ; какъ башкиры-мещеряки ѣхали въ степь съ ихъ собственнымъ продовольствіемъ на 30,000 лошадяхъ; какъ они сѣяли свои кости отъ Урала до Чучкакуля, подъ скрипъ 30,000 никогда немазанныхъ колесъ.

Я полагаю, это было-бы не безъ интереса для читателей.

Исполняя добросовѣстно долгъ свой по службѣ, мы тогда не задавались другими вопросами, какъ только о настоящемъ днѣ, возлагая въ душѣ всѣ заботы на главнаго начальника. Какъ ни далеко мы были отъ него, однако знали, что на немъ, какъ на хозяинѣ предпринимаемаго дѣла, лежала тяжкая обязанность—переписка съ Петербургомъ. Часто получаемые имъ преувеличенныя донесенія (по обыкновенію) о безпорядкахъ въ степи, не могли его не тревожить за будущее. Потомъ, командированный по избранному пути для похода на урочище Донгузъ-Тау, полковникъ Гекке, не возвелъ тамъ укрѣпленіе; а произвольно выстроилъ его

на Чучкакулѣ; пока переписка не выяснила всѣ обстоятельства, на то побудившія его рѣшиться, г.-а. Перовскій не могъ быть покоенъ.

Далѣе, фабриканты села Ивановскаго и московскіе гостинодворцы, отпустившіе на ярмаркахъ товары въ краткосрочный кредитъ хивинцамъ, услыхавши, что ихъ товары засеквестрованы на Уралѣ, прискакали въ Оренбургъ сами. Тутъ они всѣмъ жаловались, что ихъ не допускаютъ для объясненія съ г. Перовскимъ; впослѣдствіи они безпокоили его вездѣ просьбою, возратить имъ товаръ обратно.

Для удовлетворенія купцовъ дѣлалась нами разборка вещей, подъ надзоромъ таможенныхъ чиновниковъ, и нерѣдко товаръ одного хозяина попадалъ другому. Эти дѣла оканчивались новыми жалобами.

Наконецъ, предъ окончаніемъ сборовъ въ походъ, во время пробныхъ выстрѣловъ изъ вновь привезенныхъ батарейныхъ орудій, у нихъ лопались лафеты, а между тѣмъ заготовка дерева и другихъ матеріаловъ, для поправки ихъ, требовала не мало времени; подобныя обстоятельства вызывали не очень лестные отзывы со стороны лицъ, испытывавшихъ орудія невиданнахъ размѣровъ.

Всякій согласится, что всѣ вышесказанныя ежедневныя препятствія и борьба съ неудачами для г.-а. Перовскаго были тяжелы.

При этомъ, имѣя единственнаго сына, нѣжному отцу было жалко оставить безъ надзора.

Выросши въ центрѣ всего изящнаго, гдѣ онъ усвоилъ и острый умъ и доброту сердца и справедливость, нашъ русскій магнитъ въ то же время далекъ былъ различатъ лесть и подпольные происки отъ правды. Однакоже зная, что многое зависитъ отъ доклада, онъ мимо ихъ старался сѣять добро. Здѣсь я помѣщаю одинъ изъ ста примѣровъ, который мнѣ болѣе памятенъ.

Дни стали короткіе; теплая и мало дождливая осень предвѣщала короткую зиму; убійственно скучны были осенніе вечера. Иногда

мы сходились потолковать о видѣнномъ и слышанномъ нами къ вахмистру, куда постоянно собирались вояки разныхъ мундировъ. Всѣ они были молодые образованные и притомъ веселые люди хорошихъ фамилій. Одинъ изъ нихъ былъ брюнетъ исполинскаго роста, съ большой лысиной и короткими волосами на затылкѣ, больщими черными глазами и большимъ носомъ; въ сравненіи съ другими онъ былъ великанъ, и потому его звали: крупный, солдатъ-баринъ. Никогда я не видалъ его съ опущенными глазами, но всегда, какъ бы наперекоръ своей судьбѣ, онъ смотрѣлъ вверхъ, точно что припоминая, часто не мигая нѣсколько минутъ. Надобно было толкнуть его, чтобъ вывести изъ задумчивости. Онъ дѣлалъ сигары изъ саратовскаго листоваго табаку и продавалъ ихъ что-то баснословно дешево. Мы покупали у него тысячами, запасаясь въ походъ. На этотъ разъ мы съ нимъ сидѣли немного поодаль отъ другихъ. На немъ было хорошее бѣлье; черный шелковый галстухъ, слабо обвивавшій полисоны голандскаго полотна, прикрѣплялся большою булавкою, на которой вмѣсто головки весьма искусно былъ сдѣланъ черепъ. Сдвинувъ брови, величиною похожія на порядочные усы, и отряхнувши носкомъ своего сапога золу съ куримой имъ сигары, онъ быстро взглянулъ на меня и началъ разсказъ правильнымъ русскимъ языкомъ, звучащимъ раскаяніемъ о прошедшемъ.

«Послѣ Евдокіева дня (1 марта) насъ посылали съ лопатами и метлами зыбавляться на счетъ очистки улицъ и губернаторскаго сада (нынѣ архіерейскаго), недалеко отъ этой слабодки. Изъ саней, подъѣхавшихъ съ шлепотней по лужамъ, вышла дама съ мальчикомъ, держа его за руку; она сдѣлала шаговъ десять и остановилась въ недоумѣньи—какъ пройти. Замѣтивши, что ее испугали лужи талаго снѣга, препятстовавшего дойти до крыльца террасы, я собралъ у своихъ товарищей лопаты и метлы, набросалъ изъ нихъ мостикъ и, смѣло пробѣжавъ по немъ, показывалъ ей, какъ онъ проченъ.

—Въ былое время, madame, сказалъ я съ почтительнымъ на-

клоненіемъ головы, я позволилъ бы себѣ предложить вамъ свою руку, помогъ бы пройти по этому шаткому мосту; но теперь не смѣю думать, чтобы вы рѣшились опереться на нее,—она замарана, и потому не угодно ли вамъ. . .

— Доставить удовольствіе посмѣяться, какъ я упаду, подхватила она весело: нѣтъ, перенесите ребенка и проведете меня.

Я перенесъ прямой дорогой ея сына, попросилъ у него носоваго платка и, обернувъ имъ мою лапу, подалъ ее также ловко, какъ подавалъ назадъ тому три года.

— Какъ ваша фамилія? спросила она меня, пока я велъ ее.

Я сказалъ.

— За что вы здѣсь?

— За старые грѣхи!—отвѣтилъ я со вздохомъ.Измѣнилъ.

Она поклонилась мнѣ и ушла.

Когда я возвратился къ своимъ, они ни какъ не хотѣли вѣрить, чтобы баронеса ничего мнѣ не подарила, даже обыскали меня. Но въ тотъ же день намъ выдали, чрезъ плацъ-маіора, по десяти рублей ассигн. на каждаго работавшаго въ саду!

— И только? перебилъ я.

— Нѣтъ, позвольте. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого пришелъ плацъ-маіоръ, за нимъ принесли новый полушубокъ. Назвавъ меня, онъ самъ осмотрѣлъ мое бѣлье (мы только вышли изъ бани), повелъ меня къ г.-а. Перовскому.

Доложили; насъ тотчасъ же позвали въ кабинетъ его в. пр-ва; но лишь только онъ услышалъ наши шаги, раздался сильный звонокъ, и къ намъ вышелъ человѣкъ съ приказаніемъ войти плацъ-маіору. Вскорѣ онъ вышелъ, и привелъ меня прямо въ кабинетъ. Генералъ, вооруженный лорнеткой, окинулъ меня съ ногъ до головы и сказалъ:

«Я призвалъ тебя спросить—дашь ли ты слово не принадлежать болѣе ни къ какимъ вреднымъ обществамъ?»

— Даю, ваше пр-ство, отвѣчалъ я.

И такъ, передъ Пасхой я былъ переведенъ въ баталіонъ сол-

датомъ, а теперь, какъ вы знаете, состою при постройкѣ каравань-сарая и живу теперь, какъ счастливѣйшій изъ смертнхъ.

Окончивши всѣ боевыя и хозяйственныя распоряженія для выступающаго въ походъ войска, его пр-ству надобно было заняться: 1) поспѣшить окончаніемъ рѣшенія арестантскихъ дѣлъ въ его краю; 2) передачею разныхъ частей управленія внутри губерніи и другими предметами, и 3) обсудить со всѣхъ сторонъ вопросъ, какое въ Хивѣ установить правленіе, соотвѣтствующее нашимъ видамъ, при благополучномъ окончаніи предстоящаго похода. Между нами ходили слухи, будто правительство наше, хорошо зная по опыту, что одно наказаніе хивинцевъ и освобожденіе всѣхъ плѣнныхъ не достаточно для обезпеченія насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій Хивы и для упроченія нашего вліянія въ средней Азіи, полагало необходимымъ сдѣлать на мѣстѣ распоряженіе, могущее доставить намъ прочное въ обоихъ этихъ отношеніяхъ ручательство.

Для скорѣйшаго рѣшенія такихъ дѣлъ, необходимъ былъ личный его пр-ства визитъ въ Петербургъ, поэтому, въ началѣ октября 1839 года, онъ оставилъ насъ. Понятно всякому, что, по отъѣздѣ Главнаго Начальника, всѣ эти предметы доставили пищу разговорамъ, во всѣхъ кружкахъ нашего городскаго общества.

Неболѣе какъ черезъ 2 недѣли по возвращеніи нашего кор. ком. изъ Петербурга оказалось, что при обсужденіи сего предмета не было привезено ничего для насъ новаго, а только принято въ соображеніе: что главная цѣль, къ которой должны стремиться всѣ наши старанія, состоитъ въ томъ, чтобы измѣнить враждебное къ намъ отношеніе Хивы, упрочить тамъ наше вліяніе, положить предѣлъ грабежамъ и хищничествамъ, оградитъ спокойствіе подданныхъ намъ киргизовъ и обезпечить по возможности торговлю нашу съ Азіею.

Словомъ, все предоставлялось ближайшему усмотрѣнію г.-а. Перовскаго, — принять на мѣстѣ тѣ мѣры, какія онъ найдетъ полезными для видовъ Россіи и соотвѣтствующими цѣли, съ которою пред-

принимается экспедиція, и которая состоитъ въ томъ, чтобы установить порядокъ вещей, могущій служить обезпеченіемъ въ прекращеніи на будущее время враждебныхъ и невыгодныхъ для торговли и промышленности нашей отношеній ханства. Киргизская среда, когда при ней касался разговоръ судьбы Хивинскаго хана по взятіи Хивы, не могла не удивляться милости Бѣлаго Царя, спрашивая: «А развѣ самому Алла-кулу башку оставятъ, если онъ будетъ захваченъ въ плѣнъ?» Когда же получали отрицательный отвѣтъ, то возражали: «Хоть это хорошо, однако не давай волку воли: прощенный врагъ;—страшный врагъ; напротивъ, должно будетъ привезти его въ Оренбургъ, чтобы чрезъ то лишить его всякой возможности дѣйствовать противъ новаго правленія Хивы».

На такія возраженія отвѣчали этой полудикой компаніи толкованіемъ, что, правительство наше потребуетъ отъ Алла-кула или отъ новаго правителя Хивинскаго ханства акта, коимъ онъ торжественно бы обязался прекратить всѣ вообще враждебныя дѣйствія противъ Россіи и подвластныхъ ей народовъ. Подобный обязательный актъ могъ бы въ послѣдствіи служить основаніемъ требованій нашихъ не только въ отношеніи къ хивинцамъ, но и въ глазахъ Европейскихъ державъ, въ виду ложныхъ ихъ толкованій о намѣреніяхъ Россіи распространить владѣнія къ центру Азіи.

Главные предметы требованій нашихъ, вѣроятно, будутъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) Чтобы отнынѣ впредь прекращены были всѣ явныя и тайныя враждебныя дѣйствія Хивы противъ Россіи, и въ особенности, чтобы Хива отказалась отъ разбоевъ своихъ и не держала бы впредь ни одного русскаго въ неволѣ.

2) Чтобы Хива не простирала власти своей на подчиненныхъ намъ кайсаковъ и туркменъ и не облагала бы ихъ зякатомъ и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего вліянія на племена, на которыя она никакого владѣльческаго права не имѣетъ, и ограничивалась бы владѣніями своими, простирающи-

мися до извѣстныхъ пунктовъ, которые не безполезно будетъ опредѣлить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала бѣглаго султана Каипъ-Галія и ему подобныхъ, и посредствомъ ихъ не волновала бы киргизовъ.

5) Чтобы караваны ни подъ какимъ предлогомъ не были принуждаемы проходить чрезъ Хиву, и чтобы тѣ, которые добровольно и по своимъ расчетамъ идти на Хивинское владѣніе не разсудятъ, отнюдь не были облагаемы пошлиною.

6) Чтобы укрѣпленія на р. Сырѣ, какъ лежащія вовсе внѣ хивинскихъ предѣловъ и служащія только для притѣсненія кочевыхъ народовъ и проходящихъ каравановъ, были срыты и уничтожены.

7) Чтобы на товары, принадлежащіе русскимъ, не было налагаемо, какъ доселѣ, двойной и четверной пошлины, а чтобы купцы русскіе и хивинскіе были во всѣхъ отношеніяхъ уравнены правами.

Наконецъ 8) полезно постановить въ томъ же актѣ обоюдное право имѣть въ Хивѣ россійскаго, а въ Оренбургѣ хивинскаго консуловъ для защиты торговли. Таковымъ правомъ конечно Россія воспользуется лишь тогда, когда найдетъ это полезнымъ и удобнымъ, но на всякій случай можно также прибавить, что консулъ нашъ въ Хивѣ будетъ имѣть право содержать суда на рѣкѣ Аму безъ всякихъ стѣсненій.

Вообще же признается неудобнымъ въ сей экспедиціи стѣснять главнаго начальника положительнымъ опредѣленіемъ всѣхъ дѣйствій его. Онъ постоянно долженъ имѣть въ виду цѣль экспедиціи и направлять оную такъ, чтобы цѣль эта была достигнута вполнѣ, сообразно съ достоинствомъ и пользами Россіи, чтобы дѣлаемыя по сему случаю пожертвованія не остались напрасными, и чтобы никакія его распоряженія не могли подать повода къ поколебанію значенія Россіи въ Азіи, также чтобы не могли возбудить подозрѣній иностранцевъ.

Наконецъ, признано не безполезнымъ предоставить г.-а. Пе-

ровскому извѣстить отъ себя Бухарское правительство о предпринимаемой противу Хивы экспедиціи, какъ по уваженію настоящихъ благопріятныхъ его къ намъ отношеній, такъ и для предупрежденія всякихъ толковъ, могущихъ поколебать довѣріе тамошняго хана къ Россіи.

ГЛАВА IX.

Раздѣленіе отряда на колонны.—День выступленія ихъ въ степь.—Приказъ по корпусу.—Порядокъ слѣдованія главнаго отряда.—Первый день службы моей въ степи.—Наши ночлеги въ Илецкой и далѣе.

Отрядъ, назначенный въ экспедицію, раздѣлялся на колонны: одной изъ нихъ командовалъ г.-м. Толмачевъ, другой п. Кузьминскій, третьей г.-м. Ціалковскій, а нашею п. Мансуровъ; при ней состоялъ весь штабъ, запасный паркъ и лодки. Мѣсяцемъ раньше вышелъ пол. Данилевскій, потомъ первые три отряда, а мы должны были отправиться послѣдними. Эшелоны, выступавшіе до сего дня, шли влѣво отъ нашей дороги по Куралинской линіи, и должны были соединиться у Караваннаго озера всѣ вмѣстѣ.

Рано утромъ 19 ноября 1839 года, осѣдлавши коней по заведенному порядку и выкрасившись, мы вступили въ городъ чрезъ Сакмарскія ворота. На площади были уже поставлены аналой и столикъ. Артиллерія и мы верхами и пѣхота въ походной боевой аммуниціи выстроились на этой площади, назначенной для нашего сбора. Отцы и матушки, дядюшки и тетушки, а у иныхъ и добрые знакомые съ узлами и узелками, замыкали интервалъ 4-го фаса каре послѣ начальства. Любопытный и жадный ихъ взоръ говорилъ: «прощай!» А все это вмѣстѣ представляло довольно разноцвѣтную и грустную картину выступленія войскъ.

Къ девяти часамъ собралось духовенство и начальство во всевозможно-фантастическихъ походныхъ нарядахъ.

Войскамъ нашимъ прочитали приказъ по корпусу слѣдующаго отъ слова до слова содержанія: «По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, я иду съ частію ввѣренныхъ мнѣ войскъ на Хиву.

«Давно уже Хива искушала долготерпѣніе сильной и великодушной державы и заслужила наконецъ вѣроломными, непріязненными поступками своими грозу, которую сама на себя навлекала. Честь и слава всѣмъ, кому Богъ привелъ идти по повелѣнію Государя на выручку братьевъ, томящихся въ неволѣ.

«Товарищи! насъ ожидаютъ стужа и бураны и всѣ неизбѣжныя трудности дальняго степнаго зимняго похода; но забота обо всемъ необходимомъ по возможности предупредила крайности и недостатки, а рвеніе ваше, усердіе и мужество довершатъ и побѣду. Войска Оренбургскаго корпуса въ первый разъ выступаютъ въ значительномъ составѣ противъ непріятеля, и Россія въ первый разъ караетъ Хиву, эту дерзкую вѣроломную сосѣдку. Чрезъ два мѣсяца, Богъ дастъ, будемъ въ Хивѣ и въ первый разъ еще въ столицѣ ханства, передъ крестомъ и евангеліемъ, русскіе будутъ приносить теплыя и громкія молитвы за Царя и отечество [1]).

«Обращаюсь къ той части войскъ, которая остается для охраненія Оренбургскаго пограничнаго края и родины своей. Вамъ не судило счастіе дѣлить съ нами труды и опасности; но вы не менѣе того заслужите добрую славу и милостивое вниманіе Государя Императора: всякій чинъ, малой и великой, простившись съ ушедшими въ походъ товарищами, будетъ свято помнить долгъ и присягу, будетъ нести службу за себя и за походныхъ, и въ свое время радостнымъ братскимъ привѣтствіемъ встрѣтитъ возвратившихся изъ дальняго и труднаго странствія сослуживцевъ своихъ».

Потомъ началось молебствіе; назначенный въ походъ молодой

---

[1]) Приказъ по войскамъ г.-а. Перовскаго.

священникъ Кол—въ прошелъ по рядамъ и окропилъ воиновъ святой водой.

По окончаніи всѣхъ обрядовъ мы двинулись въ путь. Мимо корпуснаго командира насъ провели церемоніальнымъ маршемъ; раскраснѣвшись отъ жара и незнакомыхъ еще хорошо нашимъ плечамъ тяжестей, мы показались слишкомъ даже прочнаго здоровья. Съ насъ лилъ градомъ потъ. Мы шли стройно рядами къ Уралу. За убогимъ мостикомъ чрезъ эту громкаго имени рѣку, на которомъ вмѣсто прочныхъ перилъ торчали туземные нищіе, все пространство на юговостокъ, по дорогѣ къ Илецкой Защитѣ, имѣло видъ въ живописномъ безпорядкѣ разбросанной ярмарки.

Тамъ и сямъ изъ сплошной массы кулей, вьюковъ и коробовъ торчали, издавая жалобные крики, головы верблюдовъ съ вьюками и безъ нихъ; осѣдланныя и разсѣдланныя лошади безъ умолку ржали и сливали съ первыми свои голоса: однѣ какъ будто прощались съ своими табунами, а другіе жаловались своимъ будущимъ сотрудникамъ и на тяжелыя ноши и боль отъ бурундуковъ [1]), продѣтыхъ въ ноздри.

Всѣ вьюки были аккуратно защиты въ рогожи и въ войлокъ, затянуты накрѣпко веревками съ петлями на концахъ (которыя называются клячи), для удобства прикрѣплять вьюки къ сѣдламъ, лежавшимъ на горбахъ.

Наконецъ громкіе и гортанные голоса орды, суетня, брань на различныхъ языкахъ, сливались въ общій хоръ и покрывались гикомъ и сигналами вожаковъ, силившихся заглушить эту общую гармонію. Исполненіе быстрыхъ приказаній, видимо, лежало на галунщикахъ, не привычныхъ къ степному походу, и на погонщикахъ, непонимающихъ нашего языка. Эти послѣдніе машинально шли впередъ плавнымъ шагомъ, держа въ рукахъ бурундукъ. Они останавливались, гдѣ вздумается, поболтать или спросить у знакомыхъ

---

[1]) Волосяная веревочка, конецъ которой продѣвается чрезъ ноздри верблюда и закрѣпленъ узломъ, другой привязывается къ вьюку впереди шедшаго и т. д.; отъ 60 до 100 верблюдовъ составляли нитку.

и незнакомыхъ киргизъ, гдѣ должно быть мѣсто такимъ-то значкамъ [1]). Верблюды между тѣмъ, не желая участвовать въ этихъ разговорахъ, останавливались, преспокойно укладывали свои ноги подъ себя и ложились отдыхать; а вожаки или погонщики, натолковавшись досыта, накричавшись, до пѣны у рта, опять поднимали верблюдовъ. Черезъ сто саженъ повторялась та же исторія, то же незамѣчаемое изнуреніе для животныхъ.

Офицеры и солдаты были расторопны и смотрѣли весело на это движеніе болѣе шести тысячъ казенныхъ, султанскихъ и маркитатнскихъ вьючныхъ и запасныхъ верблюдовъ [2]), въ половину этого числа разныхъ породъ и разныхъ націй и командъ лошадей, и нѣсколько сотъ рогатаго скота и барановъ, называемыхъ живой порціей. Дымъ отъ варившихся обѣдовъ, женщины, знакомые и часто родня по казармамъ, всадники, словомъ, вся эта масса къ тремъ часамъ затушевана была пылью и залита красноватымъ тономъ заходящаго солнца. Здѣсь даже отдѣльные, живые кусочки изъ этой общей картины поражали взоръ и воображеніе. Отставшія собаки разныхъ породъ искали своихъ потерянныхъ хозяевъ; отвязавшіяся лошади бѣгали взадъ и впередъ. Тамъ пробирались съ разными ношами деньщики и бабы. А тутъ, какъ бы собираясь драться на турнирѣ, однако только наругавшись до усталости,—эти два рыцаря въ малахаяхъ (остроконечныхъ бараньихъ и лисьихъ шапкахъ), пускались потомъ во всю лошадиную прыть въ одну или въ разныя стороны. И все это спуталось, перемѣшалось въ полной жизни хаосъ.

Отставленная въ задній отъ насъ планъ роща, съ облетѣвшими листьями, грозно стучала черными вѣтвями, кивая верхушкою деревъ; она какъ бы говорила: «вспомните и меня при сво-

---

[1]) Флагъ или значекъ, сшитый изъ коленкора разныхъ цвѣтовъ, означалъ провіантъ, фуражъ или другія тяжести вьюковъ. И по немъ искали мѣсто для ночлега.

[2]) Всего съ четырьмя колоннами было отправлено около 14,000.

ихъ суетахъ». Все смотрѣло на отрядъ, исключая развѣ струи р. Урала, которая съ своимъ свинцовымъ холодомъ, только бѣжала отъ глаза, скользя и скрываясь въ волнѣ.

Нѣсколько лицъ, состоящихъ въ штабѣ, а также запасный паркъ съ ракетами и снарядами, вернулись переночевать въ городъ.

Начальникъ колонны, вѣроятно усмотрѣвъ безпорядки, приказалъ вахмистру, пока не совсѣмъ еще скрылось солнышко, послать кого нибудь направлять къ своимъ мѣстамъ нитки[1]) верблюдовъ съ флагами. Къ этому дѣлу назначенъ былъ я. Не имѣя до этой минуты никакого понятія о различномъ значеніи цвѣтовъ матеріи и порядкѣ расположенія отряда, едва разсматривая ихъ отъ темноты, я однако, остановившись у моста, кричалъ изо всѣхъ силъ:

«Эй! знакомъ!» и показывалъ дорогу, махнувши нагайкой, или провожалъ до мѣста и возвращался обратно. На этомъ отдѣльномъ и очень безпокойномъ посту, не столько для меня, сколько для моего голоднаго Сайгака, который вертѣлся и рвался въ эскадронъ по привычкѣ къ своей компаніи, я сдѣлалъ много знакомствъ: проѣжающее начальство справлялось о моей фамиліи, но кто они были—я узнать не могъ, да и не до того было; неѣвши весь день ничего, кромѣ утренняго чая, я въ это время сложилъ себѣ правило: поутру всегда прятать въ своей собственной походной кладовой хоть что нибудь, чтобы не тошнило. Предавшись своей аппетитной думѣ и успокоивъ на минуту взглядъ на этомъ пестромъ множествѣ сброда, я вдругъ былъ вызванъ изъ моего самозабвенія бабой, съ отчаяніемъ бросившейся ко мнѣ.

— Голубчикъ ты мой, господинъ сударь, я вижу, тебѣ извѣстно, гдѣ всѣ будутъ стоять: такъ скажи пожалуста мнѣ, гдѣ мой Филиппъ Сидоровичъ (или Семеновичъ—хорошенько не помню)?

— Не знаю, отвѣчалъ я, на немъ вѣдь флага нѣтъ.

---

[1]) Ниткою наз. идущіе гусемъ на привяз. бурундукѣ верблюды, такія нитки бывали въ длину отъ одной до двухъ трехъ верстъ.

— Ой! какъ тебѣ не знать, вопила она: его вся рота знаетъ, — онъ у меня кузнецъ.

Улыбнувшись простотѣ солдатки, я потащилъ за собою ѣхавшаго съ вьюками киргиза.

— Вишь наковальная заблудилась, что спрашиваетъ кузнеца. Сегодня много васъ, а тамъ какъ будемъ! подхватилъ прохожій молодецъ, вѣроятно, изъ барской прислуги, взятый въ походъ.

Значки или флаги и нитки верблюдовъ стали показываться рѣже и рѣже; пріемщики ихъ, съ усталжа хлебнувши новой 100° жидкости, съ нетерпѣніемъ тянули, какъ вальдшнепы, на тягѣ; а моему желудку начиналось мерещиться, что онъ забытъ. Подвинувшись къ отряду ближе и схвативши клокъ чьего-то сѣна, я разнуздалъ коня и закурилъ трубку. Забравшись на вьюкъ, въ трехъ шагахъ отъ меня я смотрѣлъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и думалъ, подтягивая саблю, неужто-таки на первый день я долженъ быть безъ сна, да еще и голодать.

Однако вскорѣ показался казакъ съ флюгеромъ бѣлаго съ синимъ цвѣтовъ на пикѣ. Это нашъ, подумалъ я, и влѣзъ какъ можно скорѣе на лошадь, буквально влѣзъ, потому что отъ тяжести того платья поворотиться было какъ-то трудно.

Меня смѣнили.

Проѣзжая насквозь колонну нашу, я видѣлъ на пути моемъ, какъ равнялись по веревкѣ вьюки, не знаю по чьему приказанію; думаю, отъ усердія и привычки пѣхоты. Нѣкоторые вьюки насчитывались у нихъ лишними, и они не знали, куда ихъ спровадить. Башкиры и киргизы ворчали промежъ себя; иные гнѣздились между коробами на отдыхъ. Длинной вереницей гнали верблюдовъ въ луга; а на лошадяхъ кой-гдѣ висѣли еще пустыя торбы.

Завидя мой эскадронъ и казака, ходившаго между веревочною на приколахъ коновязью, гдѣ въ порядкѣ стояли гнѣдыя лошади и пирамидами оружіе, я подобралъ Сайгака, заржавшаго съ остервененіемъ, а мой желудокъ издалъ звукъ грызущихся собакъ.

Я слѣзъ, облегчилъ коня, и доложилъ при рапортѣ о всемъ

мною замѣченномъ. Отыскавъ оставленный мнѣ съ обѣдомъ котелокъ, я принялся утолять свой голодъ. Что я ѣлъ,—совершенно не помню; но мнѣ показалось, что было блюдъ десять, отмѣнно вкусныхъ, въ одномъ этомъ котелкѣ.

На другой день меня разбудило незнакомое, но ощутительное для слуха чавканье и сопѣніе верблюда; я открылъ было глаза, но яркій лучъ восходящаго солнца заставилъ ихъ закрыть. Въ одну минуту я вскочилъ съ зеленой простыни моей жесткой постели и, окинувъ взглядомъ вокругъ себя, увидалъ, что весь отрядъ ужъ на ногахъ. Лошадей вели на водопой; барабанщики и горнисты усердно били и трубили намъ подъемъ; а имъ вторила та же шумная гармонія, какъ и вчера; правда, не ржали такъ лошади, не было большой суеты и бѣготни; но за то киргизы своей перекличкой съ уходившими товарищами заставляли сколько удивляться ихъ привычной натурѣ, столько же и предполагать, не помѣщенъ ли въ ихъ горлѣ какой нибудь особый инструментъ.

Быть можетъ отъ спѣшной вьючки, или отъ неловкости обращенія солдатъ, пріучающихся снаряжать эти вовые для нихъ экипажи, но только верблюды хоромъ тянули, раздирающую душу и переливающуюся въ жалобный стонъ, ноту. Въ ихъ стонахъ, взглядахъ и движеніяхъ выражалась страшная, поражающая, непривичные глазъ и слухъ, мольба, какъ будто искъ участія, хлипанье и плачъ безнадежный; то съ ожесточеніемъ они спрыскивали своихъ новыхъ и старыхъ широкоскулыхъ хозяевъ вонючей жвачкой, то украдкой вскакивали. Но команда хозяина надъ самымъ ухомъ животнаго: «Чекъ» (лягъ) и «чухъ» (встань) съ подергиваніемъ бурундука, заставляла его повиноваться и снова зажевывать горькую долю этого четвероногаго степнаго рекрута. Потомъ мы привыкли, это повторялось почти каждый день и каждую ночь. Подъ вліяніемъ этихъ звуковъ душа какъ-то переполнялась грустью. Чтобъ не поддаться ей, я наскоро окончилъ свой туалетъ, вспоминая о вчерашнемъ строгомъ приказаніи по отряду: съ восходомъ солнца бить подъемъ (генералъ-маршъ) и вьючить, а по

сигналу «сборъ»—вытягивать нитки верблюдовъ; что впереди всѣхъ долженъ идти 1-й эскадронъ 1-й Оренб. регулярнаго каз. полка, потомъ пѣхота, артиллерія, запасный паркъ и ракетные станки, мачты, канаты, лодки.

Подъ вечеръ мы расположились у рѣчки Донгузъ; и послѣ ночлега шли и останавливались на ночлегъ постоянно тѣмъ же порядкомъ, какъ наканунѣ, съ дневками чрезъ день и чрезъ два. На обнаженныхъ возвышеніяхъ намъ было приказано по пути, для предстоящихъ ученыхъ зоологическихъ и геологическихъ трудовъ ученой экспедиціи, заключавшейся только въ одномъ лицѣ—г. Леманѣ, собирать небольшіе камни и мышей, на что солдаты наивно смѣялись межъ собой, говоря: «чать не мало и въ Питерѣ этой дряни».

Необозримыя, ни кѣмъ необитаемыя, кромѣ сурковъ и лисицъ, поля, пересѣкаемыя во всѣхъ направленіяхъ то пригорками, то мѣловыми буграми, окоймлялись густо-синеватою цѣпью горъ и сливались съ горизонтомъ за десятки верстъ. Продолжительно теплая осень выжгла траву до корня: и только вѣтеръ, шелестя кой-гдѣ ковыль, гулялъ на всемъ просторѣ. Въ этотъ день облака принимали тотъ же синевато-свинцовый колоритъ, какъ отдаленныя отъ насъ горы; вѣтеръ становился холоднѣе и гналъ тучи съ сѣвера стремглавъ.

20-го числа мы остановили за собой сухую, истрескавшуюся отъ жара цѣлину мѣстами краснаго плитняка, а мѣстами суглинстаго грунта, большіе бугры изъ маленькихъ раковинъ и слѣды неправильныхъ шахтъ отъ старой разработки и развѣдокъ мѣдныхъ рудъ. На разстояніи шестнадцати верстъ до нашего новаго ночлега предъ нами ясно обозначилась большая масса гипса, въ видѣ вулканической сопки, но только вмѣсто крартера торчали правильные зубцы: то были амбразуры построеннаго редута на верху горы, гдѣ помѣщались преступники, ссылаемые для добычи соли. Мы подходили къ крѣпости только по имени—Илецкой. За-

щитѣ. Отрядъ расположился около огородовъ; намъ отданъ былъ приказъ: никому въ крѣпость не входить.

Этимъ разрушились мечты и невинныя желанія многихъ. При переходѣ шестидесяти семи верстъ отъ Оренбурга, послѣ незнакомаго усиленнаго труда, одни, приводя себѣ на память своихъ знакомыхъ, которые съ-изстари отличались здѣсь хлѣбосольствомъ, надѣялись заговѣться у нихъ кофеемъ, сытнымъ обѣдомъ, или даже теплымъ воздухомъ комнатъ; другіе не прочь были посмотрѣть и въ баню (дѣло было въ субботу), хорошо ли вчера ее топили?.. такъ какъ на нашемъ тѣлѣ бѣлье было пропитано дегтемъ и производило отъ непривычки нестерпимый зудъ; нѣкоторымъ, безъ всякихъ прихотей, нужно было запастись тѣмъ, чего видимо нельзя было въ походѣ купить ни за какія деньки; например: рукавички, теплые чулки, валенки, и т. п. вещи. . . Но дѣлать нечего, покорились приказу. Къ довершенію досады, снѣжные хлопки докучливо залѣпляли глаза, разбушевавшійся буранъ, при 20° по Реомюру, захватывалъ наше дыханіе, пронизывая легкія, и мы не знали, куда съ собою дѣваться. Внутри разставленныхъ намъ маленькихъ кибитокъ (джуламеекъ), полученныхъ отъ казны на двацать пять человѣкъ каждая (впрочемъ всѣ не помѣщались въ ней), въ темнотѣ свѣтились своего рода звѣзды, т. е. дыры, явившіяся на этомъ закоптѣломъ сводѣ, пропитанномъ дымомъ, вслѣдствіе давняго употребленія этихъ убѣжищъ и отъ подъема войлока палками и пиками еще у прежнихъ своихъ хозяевъ. Однако кое-какъ мы улеглись.

Вскорѣ мы получили порцію дровъ: четыре плахи, каждая въ три аршина длины; разложили въ новыхъ квартирахъ огонь, заварили кашку, подвѣсили семейный чайникъ и на дымокъ нашъ слетѣлись гости и новости на этой первой морозной дневкѣ.

Уродливо-неуклюжіе, но теплые костюмы нашихъ гостей польскихъ фамилій, которыхъ вамъ знать, я думаю, неинтересно, забавляли насъ столько же, сколько ихъ игривые и веселы анекдоты.

Мало по малу изъ нашей дворянской, полу-и четверть-дворянской артели гости начали расходиться, простившись съ нами. Въ джуламейкѣ водворилось молчаніе. Оставшіеся сидѣли кругомъ догоравшаго огня, покуривая трубки, засунувъ шею и носы въ воротники и свернувши ноги подъ себя по новому фасону. Закупоренные цѣпью въ двѣ линіи вокругъ нашего лагеря, всѣ молчали и думали, какъ это всегда бываетъ послѣ шума, и, вѣрно, всѣ о безвыходномъ своемъ положеніи изъ дурной экипировки. Потомъ вдругъ, какъ бы очнувшись, заговорили опять о своихъ нуждахъ и рѣшили немедлинно командировать меня съ Силочкой, нарядивши киргизами, въ крѣпость для покупки, съ строгимъ приказаніемъ никому не попадаться. Дороги я всѣ зналъ тутъ хорошо, потому что часто бывалъ въ Защитѣ, когда тамъ были мои родные.

Порученіе было исполнено съ помощію одного добрѣйшаго семейства, я даже побывалъ въ тепленькой банѣ, поужиналъ какъ надо и къ вечеру возвратился въ отрядъ, нагрузившись перцемъ, пузырями, сушоной вишней, чулками, валенками и деревянными ложками, и получилъ за это отъ моихъ товарищей въ подарокъ чулки и валенки. Я былъ внѣ себя отъ радости, такъ-какъ, по независящимъ отъ меня причинамъ, моихъ денегъ въ артели не было, и я жилъ только на жалованьи солдата.

Возвращаясь изъ крѣпости, я догналъ муллу и киргизъ на дорогѣ; они везли козла на зарѣзъ послѣ молитвы. На вопросъ мой: о чемъ они молились? мулла отвѣчалъ:

— Мы благодарили Бога—за длинное лѣто, и просили, чтобъ скорѣй прошла зима..

На замѣчаніе мое, нельзя ли чтобы совсѣмъ зима не приходила, такъ-какъ много понадобится валенокъ и рукавицъ, онъ покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это не ладно; хорошо, что гололедицы нѣтъ, все травку лошадь пощиплетъ. Короткая зима хоть лучше для кочевки и скота, особливо нынѣшній годъ; да чать короткая не будетъ, а

все молиться объ этомъ не надобно.—Киргизы сѣна боялись косить, чтобы опять уральцы да башкирцы не отняли его.

Козелъ неистово закричалъ, и я повернулъ къ своимъ вправо. Однако, какъ мы послѣ узнали, мулла говорилъ вздоръ: хивинскій ханъ запретилъ даже и кочевать киргизамъ въ предѣлахъ степи, принадлежащей Россіи, не только косить сѣно, стало быть тутъ не казаки были виноваты.

Эта первая зимняя дневка кончилась 22-го ноября; она дала намъ почувствовать 29°-й морозъ. Назавтра всѣ колонны должны соединиться на Караванномъ озерѣ. Въ эту ночь, славно мною проведенную послѣ бани и дорогаго для меня подарка, снѣгъ пересталъ валиться; къ утру пожаловалъ морозъ въ одиночку и услужливо покрылъ всѣхъ насъ бѣлымъ мохомъ.

«Ажъ бы его черти взяли», говорили солдаты сердито, сѣдлая лошадей; и подтягивая зубами мерзлые ремни подпругъ, когда потрескавшіяся губы прилипали къ желѣзнымъ пряжкамъ, побѣлѣвшимъ отъ стужи. Къ этой пыткѣ, скажу мимоходомъ, привыкнуть мы не могли, хоть она повторялась еженощно.

Первый эскадронъ былъ назначенъ въ аріергардъ, слѣдовательно, вставши отъ сна вмѣстѣ съ другими съ двухъ часовъ ночи и пропустивъ мимо себя весь отрядъ, мы должны были подняться съ мѣста своего не ранѣе десяти часовъ. Томимый бездѣйствіемъ, я досталъ изъ кабура чернильницу и началъ приготовлять письма, облокотясь на вьюкъ верблюда. Тутъ моимъ товарищамъ открылся случай пошкольничать, они хотѣли помѣшать мнѣ, обступили меня и, смѣясь надъ моимъ занятіемъ, сами себѣ дѣлали вопросы:

— И о чемъ пишетъ, посмотримъ?—Новаго ничего нѣтъ. Давай поможемъ ему,—онъ задумался.

Пиши: «Дивизіонъ нашъ безсмѣнно весь танцуетъ на снѣгу, то въ авангардѣ съ лопатой, то въ аріергардѣ». Однимъ словомъ, по существовавшимъ обстоятельствамъ, тэмы для письма, вертѣлись главнымъ образомъ на непроходимости пути по глубокимъ

снѣгамъ и невозможности свободнаго движенія не только конницѣ, но и пѣхотѣ съ верблюдами.

Но все это бы ничего: подъ ихъ шутки я уже оканчивалъ свою маленькую корресподенцію, тѣмъ болѣе, что и пальцы уже начинали коченѣть, какъ тутъ зло-смѣтливый вахмистръ вздумалъ поручить мнѣ составить по формѣ рапортичку; на всѣ мои доказательства, что по теперешнему состоянію эскадрона она къ вечеру не будетъ годиться, не будетъ вѣрна, онъ досталъ-таки мнѣ чернилъ на спирту (мои уже замерзли) и, не обращая вниманія на мои жалобы, заставилъ меня писать. Въ комнатѣ эта вещь самая пустая—показать:

«Въ такомъ-то эскадронѣ на лицо:

Штабъ-офицеровъ

Оберъ-офицеровъ

Унтеръ-офицеровъ и

рядовыхъ столько-то; изъ нихъ больныхъ и умершихъ столько-то, а также и лошадей»; но когда за 30° мороза,—это порученіе равнялось мученью тѣхъ, кому Богъ привелъ на такой стужѣ бриться. А изъ нашего отряда только двѣ бороды не испытывали этого наказанія: Ш-а и моя. Солдаты даже острили надъ этимъ иногда, называя подобное бритье неземнымъ наказаніемъ, а насъ двоихъ—состоящими подъ особымъ покровительствомъ неба, и потому избавленными отъ подобнаго несчастья.

Вотъ и хвостъ колонны. Намъ скомандовали «садись». Но, не пройдя шести верстъ, увидали, что лодки и два стопудовыхъ орудія засѣли въ снѣгъ: лошади были отпряжены и едва могли отдышаться; ѣздовые просили помощи, тутъ же переминалось нѣсколько верблюдовъ, назначенныхъ для подмоги конямъ. Они посматривали съ какимъ-то особымъ нетерпѣніемъ, поворачивая головы и откидывая голый крупъ. У насъ силъ было еще много. Мы отстегнули отъ сѣделъ арканы, взяли на лямку и по поясъ въ снѣгу вытащили орудія. Дальше дорога была протоптана лучше, кой-гдѣ только въ оврагахъ повторялись эти засады, отъ которыхъ

*

поретивѣе казаки жаловались на боль въ поясницѣ или говорили: «у меня ровно съ пупа сорвалось.»

Перейдя Илекъ, мы направились по лѣвой его сторонѣ.

У подножія горы Корсанъ-башъ мы опять почти на своихъ плечахъ перетащили тяжелыя батарейныя орудія, изъ подъ передковъ которыхъ очень часто надобно было откапывать снѣгъ; однако большая часть ровной дороги вознаграждала труды аріергарда отдыхомъ.

При переходѣ рѣкъ Аща-Сай, Яманъ Су и другихъ «су» (вода) работы намъ прибавлялось и авангардный эскадронъ приходилъ на ночлегъ съ мокрыми ногами по той причинѣ, что оба берега этихъ рѣчушекъ почти въ уровень были занесены уже снѣгомъ. Между тѣмъ надобно было все-таки сыскать удобный спускъ для артиллеріи, лодокъ и вьючныхъ верблюдовъ безъ обрыва; потому часто приходилось, бросившись съ яру, иногда утопить лошадь въ снѣгу по уши; по второму ея курбету она попадала въ незамерзшую мелкую воду рѣчки и, выбиваясь изъ глубокаго снѣга, ложилась на бокъ. Тутъ бывало и зальется вода въ сапоги, и такъ продолжалось иногда часа два, пока не отыщется пологій спускъ. Причемъ иногда происходили вывихи и даже переломы ногъ у сѣдоковъ, при отчаянныхъ усиліяхъ лошади высвободиться изъ овражныхъ сугробовъ.

Эти изслѣдованія лежали только на насъ, унтеръ-офицерахъ, и топографахъ; а казаковъ съ висѣвшими на панталерахъ ружьями и пиками за плечами употреблять въ это дѣло не было возможнымъ.

Но у топографовъ была хорошая экипировка, и на ихъ лошадяхъ не было такихъ тяжелыхъ вьюковъ, какъ у насъ. Они по приходѣ на ночлегъ, разставивши казаковъ съ пиками для обозначенія частей отряда, отправлялись на отдыхъ; а нашимъ въ этомъ же мокромъ одѣяніи предстояло однимъ разставлять кибитки штаба и свои; другіе занимали, тотчасъ по остановкѣ колонны, пикеты на всю ночь, командировались въ табунъ, убирали лошадей и

верблюдовъ, исправляли разныя порученія и посылки встрѣчнаго и поперечнаго изъ свиты: отказаться было нельзя.—Бывало, при остановкѣ колонны въ буранъ, какой нибудь недосмотръ начальника, или невинная опрометчивость вожака-киргиза, который, по причинѣ ночной темноты и часто своей слѣпоты, не доведетъ или переведетъ верблюдовъ за указное мѣсто, навлекаютъ всѣмъ бѣду! Всѣ безъ вины виноваты!

Но на то служба......

Колонна наша изнемогала отъ трудовъ и стужи; изжога, потеря голосу и кашель умножились въ ней болѣе отъ сбитня, котораго выдача началась съ Защиты. Такимъ образомъ, покочевавши у нѣсколькихъ урочищъ-могилъ[1]), перебравшись чрезъ вышеупомянутыя незначительныя рѣчки и многіе овраги, мы отодвинулись отъ Оренбурга на 150 верстъ на дневку у р. Джанички.

Уральскихъ казаковъ находилось много у штаба на послугахъ, на что они особенно способны и привычны, и чрезъ что часто выигрывали у начальства. Пѣхота хотя не работала столько, сколько мы, употребляемые каждодневно на расчистку степей, шедшіе въ срединѣ и позади верблюдовъ, и попеременно садясь или держась за нихъ для отдыха больныхъ обратно въ Оренбургъ, а многіе солдаты все таки же едва тащились, какъ ящерицы, и нерѣдко, по неопытности или безпечности, заснувши на верблюдѣ отъ качки его, въ испаринѣ замораживала члены.

---

[1]) Это были наши станціи. Могилы киргизскія (мазарки) состоятъ изъ глыбы камней, сложенныхъ пирамидально, или нагроможденныхъ неправильными курганами. Онѣ воздвигаются и нынѣ надъ прахомъ извѣстныхъ богатствомъ или батырсвтомъ киргизовъ оставшимся семействомъ покойнаго, а иногда и цѣлымъ родомъ. Онѣ служатъ въ степи указателями тамъ, гдѣ нѣтъ живыхъ урочищъ. Также встрѣчаются мѣстами какъ бы развалины зданій, вѣроятно, воздвигнутыхъ во времена Чингизъ-Хана и его преемниковъ.

ГЛАВА X.

Преступникъ.—Мой визитъ къ больнымъ.—Военный судъ.—Лекаря.—Отправка трудно больныхъ обратно.

Въ этомъ положенiи отряда пронеслись вѣсти довольно непрiятныя: первое, что на Биштумакѣ назначенъ отдыхъ. Это ужасало насъ потому, что отдыхать или стоять на морозѣ при такой расчетливой выдачѣ дровъ, и ничего не дѣлать — нестерпимо и не утѣшенiе, а скорѣе гроза эта должна была сбыться: тамъ надо было дождаться или найти топливо и сани, высланныя изъ Оренбурга. Второе: по колоннѣ разнеслась молва, что рядовой 5-го баталiона бѣжалъ съ часовъ, захвативъ чужое ружье, и его поймали на дорогѣ около другой колонны. Этой сплетнѣ, лишенной повидимому всякаго согласiя съ здравымъ разсудкомъ, ни кто не вѣрилъ и хохотали тому въ ротъ, кто разсказывалъ, потому что такое предпрiятiе всякому бы стоило мучительной смерти, не отойдя и пяти верстъ отъ отряда. Въ такомъ огромномъ обществѣ, при предварительномъ протаптыванiи дорогъ, колонны наши прошли только полтораста верстъ, въ двадцать два дня.

Однако я пошелъ съ товарищемъ разузнать объ этомъ побѣгѣ къ больнымъ, которые, несмотря на свою неподвижность, находясь среди штаба, имѣли обо всѣмъ свѣдѣнiя.

—Куда ушелъ.... этотъ Мироновъ. Принесетъ ли онъ обѣдать? —пищалъ больной сиплымъ голосомъ при входѣ нашемъ въ одну изъ кибитокъ лазарета.

— Мироновъ принесетъ вамъ кашицу, наслушается всякой всячины и разскажетъ что нибудь, утѣшалъ другой.

— А что? слышно развѣ что? повторилъ тотъ же больной, силясь приподняться.

— Да чего слышно.... толкуютъ, что сегодня будутъ судить.

Подлѣ печки въ три четверти аршина, сидѣлъ артиллеристъ и подкладывалъ мелкія дрова; я раскурилъ трубку и, будто нехотя, спросилъ, зѣвнувши:

— Кого будутъ судить?

— Кого, вѣстимо все того, что вчера отшатнулся одурѣлый съ часовъ, продолжалъ другой больной, окутываясь въ свою шинель.

— Да развѣ про дураковъ законъ писанъ! возразилъ третій, взявши костыль.

— То-то жъ, вѣрно, писанъ; хоть бы своею смертію умереть-то привелъ Господи!... Сказавшій эти слова усѣлся тоже подлѣ печки, заправилъ за щеку свертокъ изъ папушнаго табаку, плюнулъ и продолжалъ:

— Пріятель что позавчера со мной качался на верблюдѣ, разсказывалъ, что у нихъ въ арміи не лучше было, да и французъ, какъ вышелъ изъ Москвы, такъ дорогой все воевалъ съ арабами, накопилъ двѣ тысячи больныхъ, да и велѣлъ ихъ всѣхъ порѣшить въ одинъ, значитъ, день.

— Да развѣ онъ больной былъ? спросилъ я солдата.

— Ну-ка... а развѣ нѣтъ? развѣ въ своемъ умѣ можно утекать? бѣжалъ, да куда теперь бѣжать-то? Сперва надо съ ума спятить.... ворчалъ сердито мой собесѣдникъ сипло задыхающимся голосомъ.

— Да еще засвѣтло, прибавилъ служитель.

— Вѣрно совсѣмъ здоровъ, что засвѣтло побѣжалъ; нѣтъ мудрена эта штука! Если бы въ первый разъ, а то не въ первый съ нимъ эта падучка.

Въ кибиткѣ стало жарко; боясь очень разогрѣться, мы вышли.

На другой день, 1-го декабря, насъ отвели за версту отъ отряда, къ сѣверу, и остановили; вскорѣ подошла пѣхота, артиллеристы и казаки; вытянули по сугробамъ фронтъ. Во ста шагахъ передъ нимъ былъ поставленъ столбъ, съ вырытой подлѣ него могилой. Простоявъ часъ, показавшійся намъ за день, мы съ лѣваго фланга услышали на рожкахъ сигналъ, и первыя ихъ заунывныя ноты, переливаясь и смѣшиваясь съ безконечною дробью барабановъ, громче и громче усиливающихъ свой бой, напомнили нашему слуху похоронный маршъ.

Ничего еще намъ не говорили, но всѣ инстиктивно догадывались, что начинается казнь солдата, бѣжавшаго съ часовъ.

Къ фронту подъѣхалъ корпусный командиръ со всей свитой, а діагонально, со стороны фронта, вели къ столбу и могилѣ, за конвоемъ, самой неказистой наружности солдата. Его провожалъ священникъ съ дьячкомъ. По прочтеніи аудиторомъ приговора, онъ поклонился на три стороны, поцаловалъ крестъ, опустилъ голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, поддерживаемый другими. На него надѣли саванъ, привязали къ столбу руками назадъ и завязали тряпицей глаза. У меня сжалось сердце. Не было возможности смотрѣть на эту торжественно-погребальную сцену, и я зажмурилъ глаза, меня била сильная внутренная лихорадка. Между тѣмъ мы слышали, когда, выдвинувши взводъ пѣхоты, скомандовали ему: «кладсь!... пли»!...

Я вздрогнулъ отъ выстрѣла, какъ отъ мгновеннаго потрясенія и не вѣря мысли, чтобы его разстрѣляли, чтобы въ эти мѣсяцы страданій отнимали у человѣка жизнь, ради примѣра намъ. Я, противъ своего желанія, какъ-то невольно открылъ глаза. Окровавленная фигура всѣмъ своимъ тѣломъ опустилась на привязанныхъ къ столбу рукавахъ савана и потомъ съ судорожнымъ, вѣрнѣе сказать, крикомъ, нежели, стономъ, быстро приподнялась. Торопливо было скомандовано: «вторая шеренга впередъ! Кладсь! Пли»! Все тѣло спустилось на скорченныя ноги до земли. Я не смотрѣлъ, когда отвязывали тѣло отъ столба и бросили въ могилу.

Насъ провели мимо ея какъ бы съ укоромъ, въ назиданіе и въ отвращеніе всякой попытки къ такому поступку. Признаюсь, случившееся произвело весьма тяжкое впечатлѣніе, я не могъ владѣть собою и горько плакалъ; впрочемъ плакали многіе другіе; рѣдко можно было встрѣтить существо апатичное, равнодушно относившееся къ промелькнувшей предъ глазами картинѣ.

Послѣ этого была выдана отряду винная порція. Солдаты пили и шептали за упокой души казненнаго.

5-го декабря мы прибыли на Биштумакъ. Мѣстность эта представляетъ изрытыя изъ бугра въ бугоръ рытвины и ямы на огромномъ пространствѣ и служитъ убѣжищемъ, по разсказамъ киргизъ-охотниковъ, не только для зайцевъ, сусликовъ и сурковъ, но и для волковъ.

Приказомъ по дивизіону, намъ стрѣлять было запрещено еще подъ кр. Илецкой Защитою. Наши патроны, уложенные въ сумахъ еще въ г. Уфѣ, потерлись, повысыпались и ни къ чорту не годились. Да и ѣхать съ присталыми къ отряду собаками было не на чемъ, лошадинный шагъ мы сберегали, какъ зеницу ока.

Кто-то распустилъ слухъ, что г. Рокасовскій изъ Оренбурга пришлетъ намъ цѣлый караванъ съ требуемыми г. а. Перовскимъ вещами. И это было развлеченіемъ. А то скучно, господа, быть въ бездѣйствіи въ походѣ: смотри на всѣ четыре стороны, передъ вами точно чистый листъ бумаги, точно матушка природа нарочно все убрала и говоритъ: «На тебѣ широкое мѣсто, неблагодарный человѣкъ,—живи мирно, не задѣвай никого; прозябай и кормись, полудикій киргизъ»!

На этотъ разъ можно было замѣтить еще одну разнохарактерность. Далеко налѣво отъ отряда, по правую сторону отъ верховьевъ р. Илека, нами только что оставленной, рисовалась окрашенная нейтральтинными тѣнями гряда горъ, служащихъ раздѣленіемъ водъ Илека и Ори, это юго-восточная оконечность Губерлинскихъ горъ [1]).

[1]) По географіямъ—это есть продолженіе Уральскихъ горъ за рѣку Илекъ.

Съ нею постепенно сливалась Бимбарская стѣна и синей полосой показывала намъ путь дальше.

Сюда намъ привезли почту и множество башкирскихъ саней съ кизякомъ, съ колотыми березовыми дровами, съ углемъ въ куляхъ, съ полозьями для орудій, для лафетовъ и для флота. Что только ни шло сюда на колесахъ, все было переобуто въ сани. Работа кипѣла ключемъ, даже руками махали меньше обыкновеннаго, чтобы согрѣться, а грѣлись все около мѣдныхъ тѣлъ сто-пудовыхъ орудій съ ихъ лафетами, около длинныхъ лодокъ и канатовъ. До этого отрядъ нашъ съ одного боку похожъ былъ на Ольгинъ, когда она—покойница—шла смирять Древлянъ, таща лодки на колесахъ.

Между тѣмъ мы замѣтили, что штабъ успѣлъ уже раздѣлить и пересыпать угли изъ кулей въ свои опорожненные отъ провизіи короба.

Много больныхъ изъ походной больницы было возвращено въ свои команды съ приказаніемъ, до дня выступленія отряда, въ больницу никого не присылать. Это дало намъ случай познакомиться съ нашими эскулапами, приносившими весьма мало существенной пользы и старавшимися только какъ-бы поскорѣе подкрѣпить свои силы, да такъ, что потомъ еле-еле, и то съ помощью провожатыхъ, могли добраться до кибитокъ, гдѣ и засыпали мертвецкимъ сномъ. Подобный образъ дѣятельности лекарей возбуждалъ остроты со стороны солдатъ, которые, въ насмѣшку, называли этихъ благодѣтелей служивыми *студентскаго* полка.

Впрочемъ, въ такомъ походѣ имъ и нельзя было показать свое знаніе дѣла; а сами по себѣ наши доктора были простые малые. Бывало, если пожалуешься на какую нибудь болѣзнь, такъ лекарь подаритъ порошокъ. «Разведи», говоритъ, «въ чаю чайную ложечку и все пройдетъ». И дѣйствительно хорошо: чай точно приправлялся лимономъ; а другимъ такъ порошокъ нравился больше поутру. «Давай-ка, говоритъ, вмѣсто сахару кисленькаго-то бѣлаго

лимона. Вообще отпускъ лекарствъ былъ не только однообразенъ при разныхъ болѣзняхъ, но и болѣе чѣмъ экономиченъ, и зависѣлъ непосредственно отъ старшаго лекаря.

— И рады бы, господа, въ рай, сознавались ординаторы, да грѣхи не пускаютъ. (Они были изъ духовныхъ.)

— У насъ вѣдь по положенію всего на-малѣ, да и чортъ-же васъ зналъ, что такъ разболѣетесь. А къ этому грѣху и укупорка-то была плохая. Купоросное масло, вишь, поздоровалось съ крѣпкой водкой, да такъ неосторожно, что у обѣихъ банокъ бока вылетѣли, все залили, все испортили, злодѣи, хоть плюнь да брось. Вотъ Даль [1]) у него всего вдоволь, какъ хочешь болѣй; а тутъ съ вами и покоя-то нѣтъ и прикрыть-то немочь не чѣмъ. Горе!... да и только.

— А ну-ка за упокойную чашу кибитки нашей, господа, сказалъ О., подвинувъ вновь налитую флягу спирта.

Круговая шла, фляжка подливалась, спиртъ былъ, какъ масло или слеза.

— Да, не знаешь ли ты, зачѣмъ это велѣли отправить вчера всѣхъ по командамъ?—заботливо спросилъ ротмистръ Л.

— Не знаю, братъ, зачѣмъ, отвѣчалъ докторъ Р., нюхая табакъ. А знаю только, что трудныхъ повезутъ башкирцы назадъ, да чѣмъ ихъ укрыть-то въ этотъ страшный морозъ?

— Изъ конфирмованныхъ всѣ почти просятся назадъ; а въ штабѣ говорятъ, опять будетъ совѣтъ, чтобы вернуться.

Всѣ сидѣли смирно, настроивъ уши, растопыря пальцы у огня, и облизывали съ усовъ ледяныя сосульки, а при послѣднихъ словахъ доктора подняли на него глаза. Тотъ продолжалъ будто про себя:

— Все доказываютъ наши, что дойдемъ до Хивы; а тамъ ужъ и смекнули дѣлами-то...

---

[1]) Бывшій при командирѣ въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ и доктора.

— Да ну?.... возразилъ Л., желая продолжать разговоръ пояснѣе.

— Ну! всѣ говорятъ, кто-то ходилъ съ отрядомъ и не дошелъ до Бухары, такъ и хочетъ теперь показать, что это дѣло не отъ ума, а отъ счастья зависитъ.

Носы всѣ повѣсили въ раздумьи.

— А вѣдь сподгучнѣй бы вегнуться, ваше благогодіе, сказалъ картавя казачекъ изъ купеческаго званія, хлопотавшій около чаю, варившагося въ большомъ чайникѣ, изъ рыльца котораго онъ теперь тащилъ засѣвшій какъ-то кусочекъ сала.—Пгаво лучше бы вегнуться....

— Да братъ, не всякому кличка по шерсти, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, чинившій въ это время торбу: тебя зовутъ купцомъ — значитъ чай любишь; меня зовутъ, положимъ, князь, а умри отецъ, такъ выйдетъ грязь; родные дяди не только крестьянъ не дадутъ, да и своей своры сабакъ не получишь. Надо, купецъ, идти надо! хоть плачь да вскачь, договорилъ онъ, отрывая зубами нитку.

— Вотъ Ш..., зачѣмъ плетется? Студентъ-нѣмецъ, отецъ былъ у Перовскаго или Р—скаго управляющимъ, словомъ все при немъ; такъ нѣтъ, колбаса, вездѣ вотрется и мѣсто найдетъ на колесѣ хоть для близиру, да былъ-де! Право, Вас. Ник., ажъ злость беретъ, служитъ не служитъ, ѣдетъ, гдѣ хочетъ, ѣстъ за общимъ столомъ штаба, а спать — такъ сюда: да чего еще — ночью все крендели таскаетъ изъ кармана да жуетъ потихоньку.

— Ну! разворчались, сказалъ Л., погодите, придетъ время, я васъ всѣхъ помирю въ траншеяхъ и, мигнувши сидѣвшему сзади съ торбой, спросилъ: а до кренделей охотникъ? А?

— Чего, Вас. Ник., вмѣшался купчикъ, нелюбившій нѣмцевъ, пгишелъ вчега смотгю, у него фуфайка лебяжья, еггакъ — чуть ли не на лисѣ, думаю вѣгно постагался (стянулъ). «Нѣтъ! говогитъ: это мнѣ подагили», и носъ загнулъ и угыбается, что получилъ подачку; послѣ не скажетъ, что былъ пги милости на кухнѣ, а скажетъ, «я-де заслужилъ.»

Доктора въ кибиткѣ ужъ не было. Въ глубинѣ отряда за нашими коновязами и артиллерійскимъ паркомъ у лазаретныхъ кибитокъ происходила суматоха: люди отправляли больныхъ въ Оренбургъ на казачьихъ, пріѣхавшихъ съ линіи парахъ и башкирскихъ подводахъ. Уложивъ больныхъ въ сани, закрыли ихъ тулупами, а ноги овчинами, присланными начальникомъ штаба.

Недалеко отъ меня одинъ часовой спрашивалъ другаго:

— А что, братъ, много ли ихъ привезутъ живыхъ-то?

— Ну Богъ знаетъ, доѣдутъ часть, только не всѣ:

ГЛАВА XI.

Знакомство съ Хор. Петровымъ; прогулка съ нимъ по отряду.—Урочище Биштумакъ. — Сибирская язва.

Утромъ было 25° мороза. Надъ отрядомъ висѣлъ туманъ. Погрѣвшись немного, я вышелъ опять изъ кибитки и отправился къ полковнику А—хову, состоящему въ штабѣ, съ цѣлью узнать что-нибудь новое. Смеркалось. Вижу, бѣжитъ стремглавъ писарь. Слѣдя за нимъ глазами, я услыхалъ голосъ Г.-а. Перовскаго, и остановился съ боку кибитки.

Предъ нимъ стоялъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, десятивершковаго роста, правый усъ закрывалъ отъ меня всю профиль познобленной его щеки, по толщинѣ плеча и спины надо было полагать, что на немъ двѣ шубы; но красные голые пальцы огромной руки, сжимая крѣпко нагайку, шевелили лопатку плеча, обличавшую, что на немъ ничего не было, кромѣ верблюжьяго сукна чапана.

— Когда ты выѣхалъ? спросилъ его генералъ, въ черномъ казачьемъ чекменѣ съ погонами, въ теплой форменной фуражкѣ съ наушниками и въ большихъ теплыхъ сапогахъ, держа у носа лорнетъ съ золотымъ ободкомъ.

— Четвертый день, ваше п-во.

— Какова была дорога?

— Мы ѣхали по слѣдамъ отряда; гдѣ дорога была занесена, тутъ мы сбивались, ваше п-ство.

— Ты желаешь со мной идти въ походъ? и опять взглянулъ на него въ лорнетъ.

— Слушаю, ваше в. пр-ство, отвѣчалъ тотъ, не то и испугавшись, не то обрадовавшись.

— Изъ какой ты станицы?

— Изъ Уголинской, ваше в. пр-ство.

Не дослушавъ его, генералъ обратился къ адъютанту, ротмистру Габбе, и сказалъ: Прикажите ему выдать валенки, чулки и шубу; потомъ отворилъ дверь своей кибитки и скрылся въ хлынувшемъ изъ нея пару. Узнавши, что въ нашемъ штабѣ всѣ спохмѣлья, я послѣдовалъ за новымъ здоровякомъ и думалъ про себя: вербуй къ намъ такихъ свѣженькихъ побольше....

Къ нему подскочилъ, ножка объ ножку стуча, писарь; отдалъ ему нагольный тулупъ сайгачій, черныя валенки, налилъ бутылку спирту и насыпалъ въ его торбу черныхъ сухарей.—Ну, говоритъ, ваше б—діе, съ Богомъ; до свиданія.

Новоприбывшій остался одинъ.—Куда же я пристроюсь?—сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Къ намъ въ кибитку, отвѣчалъ я, подходя къ нему; здѣсь народъ штабскій, не оберешься церемоній; а у насъ хоть и тѣснота. . . .

— Лишь бы не взяла лихота, перебилъ гость, засмѣявшись.

Пробѣгая мимо кибитокъ и судя по говору, я замѣтилъ, что порція спирта ужъ выдана. Когда я откинулъ дверь своей джуламейки, съ краснаго языка пылающаго пламени сорвался дымъ и покрылъ, противъ желанія, всю сидѣвшую компанію.

— Рекомендую вамъ, г. новаго товарища, хорунжаго Петрова.

Въ кибиткѣ, а тѣмъ болѣе въ джуламейкѣ, если въ ней разложенъ огонь, стоять отъ дыма нельзя, а потому мы скорѣе сѣли. Я разсказывалъ отъ аза до ижицы все, о видѣнномъ и слышанномъ.

Въ продолженіе разговора гость пропустилъ уже вторую чарку, и всякій разъ, вмѣсто закуски, бралъ хорошій глотокъ изъ своей бутылки. Потомъ онъ, какъ бы освободясь отъ тяжелой думы, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Безпечная вы, я вижу, молодежь, съ вами весело и умирать.

— Милости просимъ.... только съ уговоромъ, новыя валенки откажите мнѣ, хотя я и не могу еще всмотрѣться, впору ли онѣ. Ахъ! какъ обдало меня дымомъ; сказалъ кто-то изъ нашей артели, сидѣвшій противъ дверей, и опять послышался смѣхъ.

— Вамъ смѣшно, гг., а у меня на сердцѣ кошки скребутъ, какъ подумаешь, что у жены и дѣтей дома клока соломы нѣтъ на повѣтѣ для скотины, а перевезти безъ меня не кому. Такова казацкая жизнь!.

— Знаемъ васъ, сказалъ кто-то въ дыму незамѣченный. Такъ вы тотъ Петровъ, что не ловко сняли съ сѣдла киргиза, укравшаго стогъ сѣна.

— Ну да! тотъ самый, что подъ арестомъ-то кормился.

Петровъ смолкъ—и молчаніе воцарилось въ кибиткѣ. Въ нашей душѣ проснулось грустное настроеніе, тяжесть похода и лишенія были страшны такъ, что мы готовы были позавидовать каждой собаченкѣ, питающейся крупицами, падающими со стола нами оставленныхъ господъ. Однимъ словомъ, надежда на благопріятный исходъ похода становилась съ каждымъ днемъ призрачнѣе, и въ головѣ невольно шевелились думы: не вернуться ли, благословясь, по морозцу домой?

Петровъ просилъ меня на другой день, пройти съ нимъ по отряду, чтобъ познакомиться съ его расположеніемъ. Не теряя времени мы отправились. Дорогой я объяснилъ ему, что два нашихъ эскадрона и пушки въ срединѣ стоятъ всегда лицемъ къ непріятелю, и это составляетъ какъ бы фасъ редута, или фасъ колонны; ихъ величаютъ, какъ кому скорѣе выговорить; киргизы такъ просто зовутъ ауломъ нашъ заморскій городокъ; что за нами сей-

часъ во вьюкахъ большіе запасы патроновъ: есть шильдеровскіе, конгревовы и сигнальныя ракеты, есть фашльфейеры, гальваническіе снаряды, шанцовый и минный инструменты, и это величаютъ запаснымъ паркомъ, чтобы въ прогулкахъ не смѣшать съ Петровскимъ (въ Москвѣ); потомъ лазаретъ—въ кибиткахъ этихъ съ фурами (но ихъ скоро сожгутъ). А вонъ, развивается красный флагъ . . . : это зимній дворецъ корп. ком.; тамъ тепло, какъ въ банѣ; по бокамъ опять вьюки, сзади тоже, а все это оцѣплено пѣхотою, и частію уральскими казаками.

Вотъ какая-то новая постройка! . . . посмотримъ.

Въ форменной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и черными наушниками, въ шинели сѣраго сукна, изъ-подъ воротника которой выбивалась опушка изъ бараньей шерсти (шинель и полушубокъ были затолканы въ широкія холщевыя шаровары и завязаны на поясѣ, а синія шаровары были засунуты въ огромные сапоги по колѣно); съ патронною сумою сверхъ шинели—это наша походная форма,—не сходя съ своего мѣста, одинъ солдатикъ чертилъ по снѣгу пикой кругъ, принимая себя за центръ его. На вопросъ мой:

— Кому ставятъ кибитку?

— Подъ больныхъ, отвѣчалъ доморощенный архитекторъ.

Пришедшіе съ лопатами солдаты откидывали поспѣшно снѣгъ и, постепенно углубляясь до плечъ, дорывались до земли; потомъ раздернули красную рѣшетку, привязывали къ ней продольныя палки, продѣвая одинъ конецъ въ кругъ (чагаракъ), одѣвали ее съ возможною аккуратностію кошмами, не смотря на вѣтеръ, рвавшій ихъ изъ рукъ.

Собраніе нѣсколькихъ кибитокъ подобнаго рода, внутри которыхъ лежало десятка по полтора больныхъ со стономъ и кашлемъ, составляло нашъ лазаретъ.

Пока Петровъ разсматривалъ, какъ солдаты хлопотали, я хотѣлъ угоститься трубкой, да не могъ вырубить огня. Мы увидали дымъ и направились туда.

6-го декаря, въ Биштумакѣ, въ десять часовъ утра, мы стояли за отрядомъ безъ шапокъ и молились о здравіи царя и благоденствіи Россіи. Вѣтеръ доносилъ со стороны священника, риза котораго была покрыта инеемъ, гимнъ: «спаси, Господи, люди твоя!» и больше я ничего не помню изъ этого моленія. И брови, и лобъ ломило такъ, что черепъ трещалъ; а ноздри саднило, какъ будто ихъ настругомъ скоблилъ морозъ, дошедшій уже до 33°.

Къ счастію, мы скоро оставили Биштумакъ, и нисколько не жалѣли о томъ. Можетъ быть, мы не успѣли вкусить всей прелести этой стоянки, а потому и оставили это урочище такъ равнодушно, какъ едва ли кто бросалъ ложе своего отдыха. Дневки располагались какъ и прежде, черезъ день и черезъ два. Больныхъ всякаго рода скоплялось. Госпиталь наполнился черезъ край. Предполаемыхъ по смѣтѣ верблюдовъ съ койками давно едва доставало; больныхъ поважнѣе и трудныхъ помѣщали въ лодкахъ, но лечить было не чѣмъ; оказалась сибирская язва—смертность сдѣлалась замѣтна.

Духъ отряда упалъ, надежды достигнуть ханскаго гарема разлетѣлись въ прахъ. Между тѣмъ снѣга становились глубже; нестерпимая стужа не щадила ни кого. Не было почти и разговоровъ: отъ общаго изнеможенія какое-то грустно-дикое молчаніе обуяло всѣхъ. Колонна буквально едва передвигала ноги; мы сами удивлялись себѣ, становясь не по три и четыре, какъ прежде, а по восьми человѣкъ у куля, чтобы поднять его и навьючить на верблюда. Верблюдовъ же, сберегая силы, не утруждали болѣе и ложиться.

Свое дневное пропитаніе мы укладывали за пазуху и дорогой подкрѣплялись; но эта необходимость лишала насъ экономіи; а потому обыкновенной порціи, выдаваемой на трехъ-дневное пропитаніе каждому по пяти фунтовъ и 24 золотника сухарей, становилось мало, тѣмъ болѣе что и изъ этой дачи впослѣдствіи доходило до насъ двѣ трети, и то съ *припекой*,—по неволѣ держишь въ головѣ расчетъ: кушать сухари, или любоваться ими. При-

варку сварить было не на чемъ; дровъ не стали болѣе отпускать: сдѣланныя на Биштумакѣ для штаба и лазарета печи [1]) поглощали все топливо.

На другой переходъ съ Биштумака, у меня зачесался подбородокъ, я думалъ, что это пускаются корни (какъ говорится пошла борода), и содрогнулся, припоминая, какъ брились солдаты. Показалъ Кн—ху (зеркалъ мы не имѣли). Этотъ заштатный помощникъ провизора вытащилъ изъ своей шапки иглу, понюхалъ табаку, потыкалъ иглой въ горло,—не больно, потеръ табакомъ—не щиплетъ.

— Ну, братъ, такъ это сибирская язва.

Мы пошли къ Далю. Спитъ. Отыскали фельдшера; тотъ, осмотрѣвши рану, сдѣлалъ гримасу, мотнулъ головой и закашлялъ.

— Ну что?

— Да на какомъ бы ни на есть другомъ мѣстѣ.... такъ и я бы вырѣзалъ, а то вѣдь на горлѣ, отвѣчалъ онъ, доставая кому-то корпіи. А давно-ли у васъ чешется?

— Сегодня цѣлый день что-то кусало.

— То-то не сегодня, а вѣрно съ ночи зачесалось, да вы не слыхали; потомъ прибавилъ:

— Шибко идетъ!....

— Вотъ тебѣ моя правая рука, сказалъ Кноб., они тебя не выдадутъ, а скажутъ, что сами зарѣзались.... Давай стамеску.

Мы кое-какъ уломали его сдѣлать операцію; для этого меня положили въ лазаретной кибиткѣ, фельдшеръ безпрестанно спрашивалъ: «больно-ли»?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я; наконецъ вздрогнулъ.

— Ну теперь и полно, сказалъ мой операторъ, взглянувши мнѣ въ глаза.

Кровь лилась и пробиралась по тѣлу, я видѣлъ, что выпачкался какъ перво-ученка мясникъ, но довольно проворно затеръ рану

---

[1]) Ихъ ковали изъ взятыхъ въ походъ желѣзныхъ ведеръ.

*

нашатыремъ и самъ завязалъ ее. Товарищи говорили, что въ срединѣ красноты была черноватая головка.

Я немного ослабъ, и дошелъ уже на отдыхъ упираясь на руку товарища, который ворчалъ, что фельдшеръ долго охотился за какой-то жилой и тѣмъ много выпустилъ лишней крови.

Для вырѣзанной язвы вредна теплота, а потому, не смотря на холодъ, въ двѣ недѣли рана зажила совершенно.

ГЛАВА XII.

Взглядъ на отношенія русскихъ къ средне-азіятскимъ народамъ.

Пускай отряды тащатся, а я попрошу читателя остановиться и отвернуться отъ этой тяжело-холодной жизни, отъ всѣхъ болѣзней физическихъ и моральныхъ: холода, голода, непріятностей и всевозможныхъ язвъ, не исключая сибирской и сифиличной, и бросить краткій взглядъ на степь за-Уральскую, на политическое отношеніе народовъ, ее населяющихъ, и на Хиву въ особенности, чтобъ уяснить дѣйствія наши того времени. Свѣдѣнія объ этомъ я почерпнулъ изъ разныхъ документовъ и изъ разсказовъ плѣнныхъ.

Польза нашего края отъ смежной съ нимъ Киргизской орды та что посредствомъ мѣновой торговли приводятся въ обращеніе значительные капиталы, производится сбытъ промышленности нашей; наконецъ единственно чрезъ Киргизскую орду мы имѣемъ сношенія съ средне-азіатскими народами: Туркменами, хивинцами, Бухаріей, Коканомъ и Ташкентомъ. Кромѣ того, эта орда платитъ нашему правительству дань (кибиточный и билетный сборы), которая составляетъ весьма значительный капиталъ.

Средину между подданными и чуждыми Россіи народами средней Азіи занимаютъ дальніе киргизы, каракалпаки и туркмены. Бывши подъ властію хановъ своихъ, они нѣкогда всѣ почти признали подданство Россіи, но потомъ часть ихъ разными переворотами оттѣснена гораздо далѣе на югъ и, лишившись своихъ

предводителей, по необходимости, болѣе или менѣе подпала власти ближайшихъ осѣдлыхъ народовъ. Каракалпаки, постоянно кочующіе не подалеку Хивы, состоятъ въ полномъ ея повиновеніи; кайсаки рода Адай—такъ же. Другіе, какъ напримѣръ племена рода Чиклы,—только временно. Нѣкоторые подпали власти Кокана и Ташкента. Незначительное число рода чумекей—Бухаріи, которая не изъявляетъ особыхъ на нихъ притязаній и собираетъ подать только съ кочующихъ внутри самаго ханства. Туркмены давно уже оттѣснены, по междуусобіямъ съ кайсаками, за южную окраину Усть-Урта, гдѣ занимаютъ степи до самой Персіи и разошлись даже частію на югъ и востокъ отъ Хивы, частію за Бухарію. О послѣднихъ мы знаемъ очень не много; съ первыми же оставались болѣе или менѣе въ сношеніяхъ, хотя и не всегда дружескихъ. Это роды: Юмудь, Тене, Чаудуръ и другіе. Старшины ихъ помнятъ еще подданство свое Россіи. Нѣкоторые возобновляли его чрезъ Астрахань въ 1810 году, и нынѣ каждый разъ, когда подвергаются грабежу и притѣсненіямъ Хивы, прибѣгаютъ словесно и письменно къ защитѣ Россіи. Въ теченіе послѣднихъ годовъ было подано ими нѣсколько писемъ съ просьбою принять ихъ снова въ подданство и защитить отъ Хивы; но какъ первое не можетъ имѣть мѣста безъ послѣдняго, а защита эта по отдаленности этихъ племенъ отъ насъ и сосѣдству ихъ съ Хивою крайне затруднительна, то правительство наше, не отказывая въ просьбѣ и не давая положительнаго отвѣта туркменамъ, поддерживаетъ пріязнь ихъ небольшими подарками. Между тѣмъ старанья возобновить сношенія съ этими племенами во время разрыва съ Хивою не были успѣшны, изъ страха они не смѣли съ нами сообщаться; а противъ насъ опять собирались крайне неохотно; развѣ только въ надеждѣ на добычу, безъ сомнѣнія, имѣя въ виду при первой неудачѣ обратиться для этой же цѣли на Хиву. Туркмены, вѣроятно, рѣшили бы участь ея до прихода еще нашихъ войскъ: они несравненно сильнѣе Хивы и давно бы отъ нея отложились; но у нихъ не достаетъ единства и предводителя

Сношенія наши съ Бухарою въ то время были весьма дружественны. Эмиръ явно дорожилъ этимъ и старался угождать Россіи во многихъ случаяхъ; не смотря на неоднократное посольство (въ видѣ духовной миссіи) хана хивинскаго, онъ отказалъ ему въ союзѣ противъ Россіи.

Въ августѣ 1838 года прибылъ въ Оренбургъ бухарскій посланникъ Балтакулы-Бекъ съ двадцатью человѣками, со слономъ и тремя русскими бѣглыми. Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, а въ 1839 году въ октябрѣ мѣсяцѣ возвратился въ Бухару съ назначенными туда, по просьбѣ хана, горными инженерами. Послѣдніе однакожъ, встрѣтясь на р. Сыръ съ хивинскими сборщиками податей, бѣжали и прибыли въ бывшее укрѣпленіе на Акбулакѣ, а потомъ отправлены въ С.-Петербургъ.

Подарки, которыми всегда можно подкупить эти народы, составляютъ не только главнѣйшій, но и единственный союзъ Азіатской дружбы.

Прибывшему въ Оренбургъ родственнику бухарскаго хана, Абдулъ-Азису, 1838 года, разрѣшено было производить по 250 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ; осенью онъ ушелъ съ караваномъ домой, собираясь идти чрезъ Персію на поклоненіе въ Мекку.

Потомъ бухарскій Караванъ-Башъ привезъ съ собой двухъ плѣнныхъ, и получилъ подарокъ.

Въ августѣ 18740 года пріѣзжалъ въ Оренбургъ бухарскій посланникъ Мукинбекъ Сеидовъ съ тридцатью, девятью вожатыми, и привезъ на пути купленнаго плѣнника.

Правитель Кокана (Ташкента) Лашкаръ, былъ давнишній врагъ Россіи; но, хотя безъ намѣренія, оказалъ ей двѣ услуги, онъ разбилъ подошедшіе къ нему аулы возмутителей сибирскаго вѣдомства, разорилъ до ста ауловъ Дюртъ-Кара, ограбившихъ въ 1839 году нашъ Троицкій караванъ, и убилъ ихъ батыря Касима. Впрочемъ онъ не щадилъ и мирныхъ чумекейцевъ и другихъ киргизовъ, а собирая подать со всѣхъ, кто только подойдетъ на досягаемое для него разстояніе, разбивалъ ихъ аулы.

Около этого времени, посреди нашихъ киргизъ Оренбургскаго вѣдомства, появились значительные предводители и подстрекатели шаекъ султаны: Касимъ и Кенисары, отецъ съ сыномъ; а изъ Внутренней орды бывшій старшина Исетай, бѣжавшій въ 1837 году за Уралъ и соединившійся съ давнишнимъ бѣглецомъ, султаномъ Каипъ-Галіемъ; потомъ показался Джуламанъ, удалившійся со времени занятія нами Илецкой линіи (1820 г.) и питающій съ тѣхъ поръ вражду противъ Россіи. Всѣ они болѣе или менѣе, а Каипъ и Исетай непосредственно, находили опору и подстрекательство въ Хивѣ. Каипъ, разбойничавшій до 1832 года у линіи, скрылся въ этомъ же году; въ 1835 году онъ появился снова и кочевалъ смирно, желая, какъ были слухи, загладить вину свою; но вскорѣ ушелъ въ Хиву, принялъ названіе хана западныхъ (отъ Хивы) киргизцевъ, какъ Маленбай уже прежде—восточныхъ, породнился съ ханомъ Хивы, отдавъ за него свою дочь, и 1838 года появился уже съ шайкой и съ туркменцами для сбора съ кайсаковъ податей. Скопища увеличивались до трехъ тысячъ человѣкъ и направлялись изъ глубины степи вверхъ по Тоболу, Ори, Хобдѣ и Илеку, къ линіямъ. Положеніе мирныхъ родовъ въ такое время бываетъ затруднительное; если они не могутъ найдти убѣжища близъ самой линіи, то должны поневолѣ слѣдовать внушеніямъ буйныхъ шаекъ, или сами подвергаются неминуемому разоренію. Какъ для возможнаго предупрежденія этого, такъ и вообще, чтобъ не допустить скопища къ нечаянному нападенію на войска, выходившія съ линіи для Хивинской экспедиціи, въ 1838, были высылаемы въ степь отряды.

Не буду утруждать вниманіе читателя, кто какъ изъ нашихъ дѣйствовалъ въ степи, сообразно взгляду тогдашняго времени, для обузданія полудикаго народа; но скажу коротко, что Исетай лишился жизни. Изъ зачинщиковъ рода Дюртъ-Кара главные были пойманы; множество скота ихъ отогнано, сколько для наказанія хищниковъ, столько и на удовлетвореніе разграбленныхъ купцовъ и покрытіе издержекъ поиска. Джуламай, преслѣдуемый

нашими отрядами, бѣжалъ, шайка его разсыпалась; а Каипъ-Галій скрылся въ Хивѣ. При трехъ отрядахъ нашихъ, подъ командою подполковниковъ Падурова, Гекке и Мансурова, примѣрно отличился султанъ-правитель западной орды Баймухамедъ-Айчуваковъ съ приверженными ему киргизами.

Такимъ образомъ, дѣйствуя на киргизъ въ степи, казалось, что отрядамъ, послѣ вышедшимъ для постройки укрѣпленій и свозки въ нихъ заблаговременно провіанта, путь совершенно былъ обеспеченъ со стороны внезапнаго на нихъ нападенія; однако зимою на 1839 годъ получено было опять свѣдѣніе, что Сибирскаго вѣдомства султаны Аблаевы, родственники и единомышленники Касима, зимуютъ на р. Тургаѣ, въ 400 верстахъ отъ новой линіи нашей, и что Касимъ съ Кинесарой ожидаются туда же, съ намѣреніемъ дѣлать набѣги. Вслѣдствіе этого опять былъ посланъ отрядъ слишкомъ въ 2,000 человѣкъ изъ казаковъ и башкиръ, при двухъ легкихъ гарнизонныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Лебедева. Они, поймавъ Аблаева на зимовкѣ, должны были воротиться по неожиданно захватившимъ ихъ буранамъ и глубокуму снѣгу. Но Кинисары, выждавъ возврата отряда, съ 3,000 своей шайки разбилъ нѣкоторыхъ беевъ восточной части орды и напалъ на пикетъ у Ключевской станицы, потомъ разграбилъ рыбопромышленниковъ на р. Тоболѣ и Троицкій караванъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Подкравшись ночью къ отряду, заготовлявшему на р. Эмбѣ сѣно для настоящаго хивинскаго похода, онъ отогналъ 3,000 башкирскихъ лошадей и 180 воловъ и захватилъ маркитантскаго прикащика. Въ западной части были ограблены другіе купцы, впрочемъ ихъ товаръ былъ впослѣдствіи возвращенъ.

Весною 1839 года, при первомъ подножномъ кормѣ, для обезпеченія линіи опять выступили отряды съ тѣмъ же Лебедевымъ, полковниковникомъ Жемчужниковымъ и подполковникомъ Падуровымъ; но на этотъ разъ хищники не приближались и отряды наши не гонялись за ними; а захватывая возмутителей, пользо-

вались случаемъ удовлетворятъ потери купцовъ и много способствовали своимъ вліяніемъ успѣшному сбору, для предстоящаго похода, верблюдовъ; Жемчужниковъ между прочимъ заготовилъ для экспедиціи сѣно.

Касимъ и Кенисары, потерпѣвши нѣсколько пораженій отъ сибирскихъ войскъ, бѣжали сначала подъ Ташкентъ, коего правитель Лашкаръ, давнишній врагъ ихъ, заманилъ все скопище подаркомъ пороху и свинцу въ свои руки и истребилъ; Касимъ былъ убитъ; а сынъ его, хотя и набралъ на р. Сыръ-Дарьѣ ополченіе для мщенія Ташкенту, но предварительно хотѣлъ ограбить Назаровцевъ, несоглашавшихся на требованіе Хивы и Кайпа идти противъ русскихъ, однако былъ ими разбитъ на голову и бѣжалъ къ Хивѣ.

Такимъ образомъ возстановилась тишина въ степи близъ предѣловъ нашихъ къ 1840 году, и ни одного замѣчательнаго случая, кромѣ плѣна корнета Аитова, не было.

Хивинцы, подобно народамъ, о которыхъ шла рѣчь, необразованные, недовѣрчивые, лѣнивые и грубые мусульмане, имѣютъ своего хана, занимаются земледѣліемъ и прочимъ хозяйствомъ, ведутъ осѣдлую жизнь въ нѣсколькихъ городахъ и селеніяхъ по р. Аму-Дарьѣ и съизстари торгуютъ съ нами своими произведеніями: хлопкомъ, мареной и проч.; съизстари покупаютъ захваченныхъ русскихъ чрезъ руки трухменъ у Каспійскаго моря и отъ приходившихъ сюда для мѣны киргизъ. Нельзя не замѣтить, что этимъ послѣднимъ помогали иногда и наши спекуляторы, нажившіе капиталы. Это извѣстно изъ разсказовъ нашихъ плѣнныхъ и изъ дѣла о ссылкѣ купца З-ва въ Сибирь.

Операція этого промысла производилась такимъ образомъ: весною З. обыкновенно нанималъ пришедшихъ изъ деревень мужиковъ, отправлялъ ихъ на свои пашни за десять верстъ, за Уралъ. Тамъ они пахали, сѣяли; киргизы же, по предварительному условію съ З., за извѣстную цѣну, захватывали на дорогѣ безоружныхъ крестьянъ цѣлыми семьями и, провожая ихъ въ Бухарію

и Хиву, продавали тамъ на базарѣ, какъ вообще продаютъ невольниковъ.

Хозяева этихъ страдальцевъ заставляли ихъ рыть каналы, воздѣлывать поля, собирать хлопокъ, словомъ—употребляли ихъ во всѣ тяжкія работы. И если замѣчали даже малѣйшую попытку къ побѣгу, разрѣзывали подошвы имъ, насыпая въ нихъ рубленную отъ кабановъ щетину. Потомъ залечивали ноги; если же послѣ такой операціи невольникъ оказывался неповоротливымъ или грустилъ по родинѣ, били его по подошвамъ, или сажали на колъ. Однако же стоны этихъ несчастныхъ чрезъ разные случаи донеслись до русскаго правительства, началась переписка съ ханомъ по предмету выдачи намъ плѣнныхъ, но безуспѣшно. А потому лѣтомъ 1836 года послѣдовало приказаніе, какъ было сказано, захватить, гдѣ только кого застало изъ хивинцовъ это повелѣніе и посадить ихъ всѣхъ безъ исключенія подъ арестъ, а товары, ими привезенные съ караваномъ, засеквестровать и сложить въ таможенные пакгаузы для сохраненія; но и это распоряженіе на нихъ не дѣйствовало. Имѣя сношенія съ нашимъ государствомъ на ярмаркахъ по торговымъ дѣламъ, они знали очень хорошо, что существуетъ въ Россіи крѣпостное право для крестьянъ; но по грубости и невѣжеству не могли понять, почему вывозъ этого товара въ иныя земли запрещенъ. Съ другой стороны они надѣялись отдѣлаться отъ нашихъ требованій обманомъ и лестью.

Въ августѣ 1838 года опять прибыли съ бухарскимъ караваномъ два посланника изъ Хивы Иминіазъ и Клычеджанъ, съ двѣнадцатью провожатыми, при письмѣ безъ подписи хана, съ просьбою прислать русскаго чиновника для сбора и полученія русскихъ невольниковъ. При нихъ было пять человѣкъ плѣнныхъ, присланныхъ отъ одного купца, коего родственникъ съ товаромъ задержанъ нами. Свой же караванъ съ товаромъ они назвали бухарскимъ.

Раньше еще было сказано хивинцамъ не присылать пословъ до совершеннаго освобожденія русскихъ, однако они не внимали:

вслѣдствіе этого тринадцать человѣкъ были засажены въ Оренбургѣ, а одинъ отправленъ посломъ къ народу съ письмомъ Выписка изъ него въ переводѣ слѣдующая:

«Одиннадцать лѣтъ передъ симъ, пріѣзжалъ въ Сарайчиковскую крѣпость Вуизъ-Ніазъ и объявилъ, что присланъ отъ владѣтеля хивинскаго съ поклономъ, и что ханъ Аллакулъ хочетъ жить съ Россіей въ дружбѣ, а въ подарокъ привезъ слоновъ и аргамаковъ.

По Высочайшему повелѣнію Государя Императора, ему отвѣчали:

«Кто держитъ въ неволѣ нашихъ людей, тотъ намъ не другъ. Привозите ихъ, и тогда говорите о дружбѣ. Отъ враговъ подарковъ мы не принимаемъ и пріятельскихъ переговововъ не ведемъ».

Отвѣтъ этотъ тогда написали на бумагѣ и вручили Вуизъ-Ніазу.

«Требованія нашего вы не исполнили, не хотѣли вѣрить нашему слову и купцамъ вашимъ у насъ задержаннымъ, когда они вамъ писали, а прислали Кабулбая да съ нимъ больныхъ и старыхъ, и то только 25 человѣкъ, русскихъ невольниковъ. Наконецъ съ Нагуманомъ вы писали, что высылаете плѣнныхъ, и обманули.

«Въ послѣдній разъ повторяемъ прежнія слова: пока не выдадите всѣхъ нашихъ людей, мы будемъ васъ считать врагами, а отъ враговъ мы подарковъ не принимаемъ; присылайте же скорѣе всѣхъ нашихъ, захваченныхъ вами, и больше мы ничего отъ васъ не требуемъ; съ посланными вашими говорить намъ больше не о чемъ и Кабулбая таковымъ не признаемъ, однако мы его не обижали.

«Мы почитаемъ за стыдъ обижать людей безъ крайней необходимости, хотя имѣемъ на то причины.

«Подумайте, что вы дѣлали съ посылаемыми отъ насъ.

«За 44 года передъ симъ, былъ посланъ къ вамъ по вашей же просьбѣ лекарь Бланкенагель для леченія слѣпаго Фазысъ-Бека. Вы содержали его подъ карауломъ и хотѣли убить.

«19 лѣтъ назадъ былъ посланъ къ вамъ изъ Оренбурга поручикъ Субханкуловъ. Вы его держали подъ карауломъ.

«Черезъ годъ потомъ былъ посланъ къ вамъ коллежскій совѣтникъ Бекчуринъ, и съ тѣмъ вы поступили такъ же.

«Въ то же время былъ посланъ къ вамъ изъ Грузіи гвардіи-капитанъ Муравьевъ, вы его держали подъ карауломъ въ Ильгильди. Ходжянъ Мякряновъ, отецъ Атъ-Чапаръ Алла-Берди, былъ хозяиномъ его, но вмѣсто ласки стѣснялъ и обкрадывалъ своего гостя.

«Такъ ли мы поступаемъ съ вашими?....

«Теперь скажите намъ, чего вы хотите — ласки нашей, или грозы?

«Не думайте, что мы васъ не достанемъ. Намъ не нужно даже безпокоить войско наше, чтобы васъ разорить; стоитъ только дать волю киргизамъ,—и они разорятъ васъ въ конецъ. Они васъ теперь не трогаютъ, потому что боятся наказанія; но когда имъ будетъ позволено нападать на васъ, тогда ни одному хивинцу нельзя будетъ показаться въ степи; безпрерывными набѣгами они васъ будутъ содержать во всегдашней тревогѣ. Вамъ надобно будетъ имѣть постоянное войско, а мы знаемъ, сколько вамъ это стоитъ денегъ. При малѣйшей оплошности съ вашей стороны киргизы перекрадутъ вашихъ лошадей и быковъ. На чемъ вы тогда будете выѣзжать на грабежъ и пахать землю? Не надѣйтесь на трухменцевъ, они васъ не грабятъ пока боятся; но когда они увидятъ, что ваши руки заняты киргизами, они сами нападутъ на васъ, имъ наскучили ваши зякаты. Противъ киргизцевъ имъ устоять нельзя. Когда Россія не мѣшала, киргизы разорили ихъ было вовсе. При малѣйшемъ неустройствѣ у васъ, вы сами будете истреблять другъ друга.

«Вы не только ненавидите чужихъ, вы не жалѣете и своихъ; неужели вамъ не жалко родственниковъ, которые задержаны въ Россіи?.... Вы любите деньги больше отца и матери: жалко вамъ теперь денегъ, заплаченныхъ за нашихъ плѣнниковъ; а до

своихъ дѣтей и братьевъ и нужды нѣтъ. Подумайте, весело ли имъ сидѣть у насъ? мы будемъ ждать еще до весны, и ежели къ этому времени не вышлите всѣхъ нашихъ людей, то мы будемъ знать, что отъ васъ хорошаго ожидать уже нечего. Тогда мы вашихъ разошлемъ въ отдаленныя мѣста и будемъ употреблять ихъ на казенныя работы; вмѣсто умершихъ киргизы натаскаютъ намъ другихъ; посмотримъ, кто наберетъ больше людей—вы или мы?.... Адаевцамъ досталось недавно, они не захотятъ, чтобы мы въ другой разъ послали къ нимъ гостей. Они откажутся отъ стараго промысла и отъ дружбы съ вами. Сююнкара отказался уже отъ васъ, потому что вы грабите безъ разбора.

«Скажите еще, на что вы держите тѣхъ русскихъ, которые откупались отъ васъ на волю! Что вы ихъ не отпускаете домой? По Алкорану велѣно отпускать для спасенія души рабовъ, а вы не отпускаете и вольныхъ. Подумайте только что, сказано въ писаніяхъ: «что посѣешь, то и пожнешь. Ежели будете сѣять зло, то зло и будетъ родиться; а ежели посѣете добро, то добро родится сторицею.»

Въ августѣ 1839 г. прибыли снова два посла Имбай Бабаевъ и Сеидъ Маметніазовъ съ весмьюдесятью русскими отъ хана. 32 изъ нихъ были взяты съ моря того же 1839 г.; и ханъ очень простодушно говорилъ въ письмѣ на Высочайшее имя, что онъ посылаетъ «свою долю», которую получаетъ съ разбойниковъ въ видѣ подати, присовокупляя, что еще пришлетъ, если найдутся.

Посланникъ Сеидъ въ самый день отъѣзда купилъ у трухменъ нѣсколько человѣкъ и оставилъ ихъ у себя, за что и былъ задержанъ; а Имбай отправленъ съ письмомъ прежняго содержанія.

Спѣшное отправленіе посланцевъ этихъ изъ Хивы послѣдовало на дошедшее туда извѣстіе объ основаніи укрѣпленій нашихъ на рр. Эмбѣ и Акбулакѣ.

Между тѣмъ, послѣ двухъ спокойныхъ годовъ на Каспійскомъ морѣ, за положительнымъ извѣстіемъ 1838 г., что ханъ намѣренъ освободить плѣнныхъ нашихъ, въ 1839 г., по приказу его

300 кибитокъ вышли къ Мангишлаку на разбой, и съ моря было взято болѣе 150 человѣкъ.

Уже 1838 г., какъ выше сказано, ханъ посылалъ подстрекать киргизъ, а 1839 года разослалъ на Мангишлакъ, Усть-Юртъ, на рр. Эмбу и Сыръ, а иные проникали и далѣе съ письмами и словесными угрозами, вырѣзать всѣ рода, которые не отложатся отъ Россіи, и съ требованіемъ доставить вооруженныхъ всадниковъ.

Какъ утвердительно можно знать, что всѣ эти распоряженія были не съ намѣреніемъ воевать съ нами, а просто желая захватить гораздо болѣе русскихъ и заставить размѣнять ихъ, такъ и намъ желательно было испытать свои рыцарскія способности.

По непрактичности и несообразности своихъ поступковъ, недовѣрчивости въ искренность скромныхъ требованій нашихъ, ханъ не могъ рѣшиться уступить очевидной необходимости. Совѣты съ богомольемъ у него собирались по ночамъ, на нихъ рѣшалось неоднократно — отпустить русскихъ; но чрезъ три дня отмѣнялось рѣшеніе, чтобъ попытаться обмануть еще. Между тѣмъ, привозный товаръ дорожалъ, а свой лежалъ въ Хивѣ безъ сбыту на хлопокъ не было и цѣнъ.

Когда такимъ образомъ всѣ мѣры убѣжденій, всѣ доводы благоразумія и справедливости были истощены, когда одно только изувѣрство и грубое невѣжество отвѣчало на всѣ благонамѣренныя предложенія, тогда 12 марта 1839 г. журналъ особаго Комитета, состоявшагося изъ гг. вице-канцлера, военнаго министра и Оренбургскаго военнаго генералъ-губнрнатора, постановилъ: силою оружія принудить хивинскаго хана выдать всѣхъ русскихъ и предоставить нашимъ караванамъ торговую свободу.

ГЛАВА XIII.

Воспоминаніе караульной службы.—Бесѣды у султана Баймухамета Айчувакова.—Ук. Оты-Якши.—Г.-а. Перовскій въ кибиткѣ натуралиста.

Впрочемъ, какъ въ природѣ послѣ бури бываетъ ясное солнышко, такъ и для человѣка среди самой безотрадной жизни мелькаютъ хорошіе дни. Жалко бы ихъ было выбросить изъ памяти теперь, и потому я хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ. Да, и намъ было хорошо, и мы были съ праздничными лицами, когда узнавали, что не будетъ перехода чрезъ рѣчки и овраги; но лучшимъ для меня днемъ, между днями и ночами разнохарактерной нашей службы, считался тотъ, когда доставалась очередь въ табунѣ. На этомъ ночлегѣ бывало неистово торопишь людей разсѣдлать и гнать лошадокъ караульнымъ въ степь, хотя самъ мокрый, холодный и голодный.

Быть пастухомъ сколько не велика слава, столько велика забота, находчивость и отвѣтственность. Невидная и служба, особливо въ зимнюю, иногда въ темную ночь; но для сердца, бьющагося въ изнуренномъ отъ всѣхъ лишеній тѣлѣ, нашелся же и тутъ источникъ его освѣжить. Конечно, природой любоваться было уже нечего: какой хотите, фантазеръ не въ состояніи былъ бы примириться съ тою невыносимою горечью, какой наполнялась душа, смотря по неволѣ ежедневно на эти со всѣхъ сторонъ окутанныя саваномъ окрестности.

И такъ остановимся отъ отряда. Онъ ежедневно идетъ шестнадцать часовъ, а сдѣлаетъ всего шесть или много семь верстъ.

слѣдовательно догонимъ; пока разсмотримъ — что насъ такъ тянуло въ прозаическую компанію четвероногихъ.

Дѣло вотъ въ чемъ:

Очень приверженный нашему правительству и разумѣется самый усердный поклонникъ начальника нашего края и его приближенныхъ, киргизъ султанъ Бай-Мухаметъ Айчуваковъ, съ которымъ я познакомился еще въ Оренбургѣ, находился теперь при нашемъ отрядѣ. Онъ всегда кочевалъ со своей небольшою свитою въ одной или двухъ верстахъ отъ насъ, вправо или влѣво смотря по тому, гдѣ лучше былъ подножный кормъ для пастбища его скота. Слѣдовательно, и намъ не надобно было отыскивать ничего лучшаго для своихъ сотрудниковъ, а оставалось только отогнать въ ту же сторону своихъ верховыхъ лошадокъ и несчастныя тѣни коровъ, т. е. нашу живую порцію, доимую безпощадно каждый день киргизами для удовлетворенія свиты молокомъ.

Здѣсь обыкновеннымъ порядкомъ мы разставляли часовыхъ и, когда доставалась служба эта на мою долю, я преспокойно заходилъ въ кибитку султана. Кибитка его изъ бѣлаго войлока, отдѣланная тесьмами краснаго цвѣта, и, хотя обставленная тюками, сѣдлами и сундуками, была очень просторна; при томъ же совершенно крѣпкая: никогда не видно было снѣжинки. Тепло, свѣтло и чисто. Посреди нея лежали въ кучкѣ разгорѣвшіеся до красна угли, на землѣ разостланы были ковры и подушки, однимъ словомъ здѣсь все дышало нѣгой и покоемъ, даже воздухъ какъ-то вкусно пахнулъ. И вотъ въ этой-то возможности вздохнуть свободно заключалась поэзія службы въ табунѣ. О гостепріимствѣ киргизъ разсказывать нечего: оно безъ границъ; это похвальное качество ихъ извѣстно всякому, да и теперь оно не вывелось. У нихъ каждый и посторонній, не только знакомый, вошедшій въ кибитку,—гость киргиза, а тѣмъ болѣе русскій, есть лицо неприкосновенное, его никогда не обидятъ и словомъ, разумѣется, если онъ съумѣетъ себя вести скромно, потомъ угостятъ его всѣмъ что только имѣютъ сами. Эта отличительная черта характера не-

поддѣльной доброты найдетъ себѣ отголосокъ развѣ у малорусовъ; но едва ли еще въ какомъ другомъ племени.

И такъ, подогнавши сосчитанный табунъ свой, съ приказаніемъ не давать мѣшаться съ киргизскими лошадьми; взглянувши еще разъ искоса на отрядъ и съ грустію на своихъ лошадокъ, я оставлялъ ихъ на нѣкоторое время—пересчитывать всѣ ли на лицо звѣзды на небѣ, или почитать газеты, какъ у насъ выражались, когда совершенно не было кормовъ. Потомъ заходилъ въ кибитку султана, раскладывалъ сапоги, чулки и рукавицы около горячаго тагана, на которомъ нерѣдко клокоталъ покрытый крышкой котелъ и тѣмъ рапортовалъ, что готовъ бишъ-бармакъ [1]).

Быть можетъ, найдутся люди осудить меня за уклоненіе по службѣ, ну да пусть ихъ: дощупывай у себя на сердцѣ всякій самъ, какъ бы онъ сдѣлалъ лучше.

При нарядѣ меня сюда на службу, я изъ хитрости нанималъ себѣ помощника, будто на случай шарахъ-табунъ [1]), разумѣется помощника, у котораго также, какъ у меня, небольшая часть тѣла съ пальцевъ у ногъ до лба (на которомъ и теперь остались сувениры) была отморожена. Что касается носа, этого храбреца, встрѣчающаго всегда и вездѣ разнаго рода непріятности, то на него вниманія уже не обращали, онъ и назывался уже не носомъ, а просто болячкой, и постоянно плакалъ и питался гусинымъ саломъ. Впрочемъ, въ табунѣ всѣ болѣзни забывались: здѣсь была поэзія, здѣсь былъ зимній рай! Табунъ всегда въ цѣлости возвращался къ отряду, а нерѣдко съ топливомъ для приварки.

Такимъ образомъ, разложивши около огня свою рухлядь и наполнивши мѣшки своей утробы, я заводилъ разговоръ, отъ котораго и хозяинъ былъ не прочь. На вопросы объ экспедиціи онъ

---

[1]) Бишъ-бармакъ (пять пальцевъ)—кушанье, приготовленное изъ вареной въ салѣ баранины, разрѣзанной въ мелкіе куски; хозяинъ, взявши кусочекъ, кладетъ его въ ротъ. Русскимъ подаютъ въ чашкѣ.

[2]) Лошади иногда въ табунѣ отъ зайца, волка или травы — покати-поле—пугаются и бѣгутъ; это называется «шарахъ-табунъ».

ПРИВОЗЪ КЪ ОТРЯДУ ТОПЛИВА.

Дозв. ценз. СПб. 25 Іюля 1873.

Тип. Лит. А. Траншеля, Стремянная 12.

выражался всегда лаконически черезъ переводчика, что «онъ не отвѣтчикъ, это дѣло не его; его дѣло повиноваться» . . .; но о другихъ предметахъ, хотя съ трудомъ и отдыхомъ, онъ объяснялся самъ. Гораздо послѣ онъ охотнѣе уже разсуждалъ и о походѣ, притворно хваля всѣ распоряженіи.

Здѣсь, между другими обычаями, я узналъ отъ самихъ же киргизовъ подъ секретомъ, что они имѣютъ манеру пользоваться переводчикомъ (толмачемъ) по своей недовѣрчивости, и употребляютъ его часто съ тѣмъ, чтобы во время перевода схватывать выраженіе разговаривающаго лица и лучше видѣть правду и обманъ.

Киргизы очень словоохотливы и чрезвычайно любознательны. Разговоры наши были неистощимы. Въ головѣ моей въ то время многое изъ задолбленнаго еще лежало нетронутымъ, не испарилось въ жару и не вымерзнуло здѣсь въ степномъ походѣ. Напротивъ, какъ хозяинъ амбара съ только что насыпанными сусѣками всякаго зерна, я сортировалъ, что въ нихъ попало въ десять лѣтъ, и потаскивалъ оттуда для угощенія своего «знакомъ султана». Физика, медицина, географія и даже фортификація — подъ названіемъ науки «землянокъ для войны»—все было къ его услугамъ. Султанъ старался припомнить слабыя части укрѣпленія, а на мою замѣтку, что въ оборонѣ можно допускать и женщинъ, которыя могутъ сверху посыпать непріятеля нюхательнымъ табакомъ и обваривать горячей водой, всегда отъ души смѣялся.

Кромѣ собственнаго невиннаго развлеченія, связаннаго съ охотнымъ слушаніемъ моихъ собесѣдниковъ, я приводилъ на память заученное, подлаживая свой языкъ подъ разговоръ, понятный султану, и чрезъ то навсегда усвоилъ даже сложныя системы Кармонтаня и Вобана, читанныя намъ какъ-бы для того, чтобы заткнуть память, но никакъ ужъ не для того, чтобы развить умъ, ибо кому изъ фронтовыхъ офицеровъ поручали построить какое нибудь полевое укрѣпленіе?. . . Другія науки—другое и дѣло. Вотъ, напримѣръ, иногда мы пускались въ длинныя путешествія по всему

земному и водяному раздолью, раздѣливши народы на землѣ кружками по ихъ вѣрѣ, съ отмѣткою гдѣ какъ живутъ, что ѣдятъ и какъ управляются. Играли и въ шашки. Онъ выучился въ шахматы. Бывая на ординарцахъ, я иногда приносилъ ему новости изъ русскихъ газетъ и изъ той земли (Journal de debat), гдѣ очень ѣдятъ свиныя колбасы. Послѣднее названіе хотя ему и нравилось, но онъ всегда бывало плюнетъ и оботрется.

Ему очень нравился разговоръ о воздухѣ, и хотя мнѣ непріятно было о немъ вспоминать, какъ объ завтрашнемъ днѣ, однако надобно было толковать моему пріятелю о громѣ, облакахъ и молніи, о теплѣ и морозѣ.

Вообще запасъ понятій, вынесенный изъ стѣнъ Неплюевскаго училища, мнѣ очень и очень пригодился тогда. Мой киргизъ съ равнымъ вниманіемъ слушалъ вновь и повторялъ старое, изъ хитрости нерѣдко перемѣшивая громъ съ морозомъ, а облако называя редантомъ. Подмѣтивши притворную его безтолковость, я заводилъ рѣчь снова, и когда онъ увѣрялся, что смыслъ сказаннаго былъ одинаковъ и названія не измѣнялись, ясно выражалъ свое удовольствіе и угощалъ меня разными фруктами: луковицей и вишней сушоной, какъ весьма полезными отъ цынги, и солодковымъ корнемъ—отъ нестерпимаго кашля.

Время, время! какъ быстро ты вездѣ летишь, а у насъ такъ напротивъ! Боже мой, какъ тянется оно долго! отъ того, что въ отрядѣ все обстоитъ попрежнему. Теперь мы тащимся къ укр. Оты-Якши на рѣкѣ Эмбѣ. Намъ обѣщаютъ, что тамъ ужъ апельсины чуть-чуть не созрѣли,—такъ тепло. Да не вѣрится что-то. Однако посмотримъ, когда дойдемъ. Да... дойдемъ же и до Эмбы, отчаяваться нечего, и если не будетъ апельсиновъ, такъ будетъ рыба; но все равно, ее сырую и мерзлую ѣсть нельзя, такъ будетъ покрайней мѣрѣ вода—воды напьемся. Не надо будетъ набивать снѣгомъ коровьи пузыри и класть ихъ подъ себя, чтобы хлебнуть когда растаетъ; не надо рѣзать полы шинелей, чтобъ сшить новыя рукавицы.

Такъ шли и, утѣшая себя, разсуждали наши мерзлые лимоны, вставая и охая въ потьмахъ еще въ два часа ночи. По приходѣ на ночлегъ, зная о своемъ короткомъ отдыхѣ, и то если не пошлютъ на аванпостъ, всякій торопился кое-какъ убрать лошадей и верблюдовъ; часовой нерѣдко забивался въ средину ихъ, чтобы не окоченѣть, и не слыхалъ иногда, какъ всѣхъ ихъ уводили съ мѣста покоя тѣ, у кого пали свои. Прежде выданные на постилку имъ войлоки отобрали для больныхъ, замѣнивъ старыми кулями; а эти послѣдніе при первой возможности солдаты или киргизы жгли. Не хочу выписывать все до слова изъ своего дневника, не хочу утомлять ваше вниманіе, читатель. Отдѣлывайте сами, если хотите, красками этотъ обрисъ. Намъ пробили ужъ сборъ и мы идемъ, забывая непріятеля, покушать апельсиновъ.

Обыкновенно, чтобы согрѣться, мы шли пѣшкомъ, и слушали.

— У тебя паръ изъ подъ галстука валитъ,—а я весь мокрый; ноги судороги сводятъ, право, хоть ложись. Сколько минутъ этой жизни днемъ и ночью еще надо испытать. Айда, отстанемъ, братъ назадъ—допроси по собачьему: какъ, молъ, названіе вашихъ могилъ, гдѣ будемъ ночевать?... Ты, я слышалъ, привыкъ ихъ понимать у султана.

Такъ говорилъ мнѣ, задыхаясь и весь опустившись, очень плотной формаціи товарищъ, съ трудомъ выдергивая ногу за ногой изъ снѣга выше колѣна и безпрестанно падая отъ изнеможенія силъ. Онъ еще тащилъ въ поводу тощую лошаденку съ полнымъ вьюкомъ, съ провіантомъ въ торбѣ и фуражомъ въ саквѣ и киткахъ [1]) на десять дней.

Чтобы легче было барахтаться фланговому рядовому съ висячимъ па панталерѣ карабиномъ, я приказалъ ему сдать его пику заднему, а сами мы отстали, пославши съ лѣваго фланга смѣну вмѣсто себя. Поравнявшись съ спавшимъ старикомъ—вожакомъ, киргизомъ, ѣхавшимъ позади послѣдняго ряда на едва тащившейся лошаденкѣ, я закричалъ:

[1]) Скрученное сѣно въ кружокъ, подобно камышевому половику.

— Арумъ, знакомъ, янышъ (Здравствуй янышъ).

— Арумъ, арумъ, отвѣчалъ киргизъ, просыпаясь.

— Синики алаша бикъ якши, ашать киракъ (Твоя лошадь хороша, только кормить надо).

— Джакси, джакси, ашать киракъ, курсукъ пропалъ (Хороша-то хороша, да брюхо тоще, кормить надо).

— Иракма дневка (далеко дневка)?.

— Іокъ, мана, мана (нѣтъ, вотъ, вотъ)! и махнулъ своей нагайкой.

— Нича чакрымъ булыръ (сколько будетъ верстъ)?—продолжалъ я спрашивать.

— Икау чакрымъ булыръ (двѣ версты будетъ).

Пѣшему съ коннымъ не ловко говорить, къ тому же намъ скоро командовали: «стой, садись», и мы отправились снова топтать снѣгъ.

— А ты вѣрь ему, подхватилъ Н...скій, лошадь котораго падала и втиралась между насъ: когда киргизъ говоритъ—двѣ версты, тутъ вѣрно будетъ четыре.

Мы, между тѣмъ, продолжая смѣняться въ авангардѣ каждые четверть часа и менѣе, уставши до испарины пѣшкомъ съ лопатами, садились на лошадей: тотчасъ испарина превращалась въ сосульки; съ головы тѣло начинало знобить, и когда члены отплясывали въ тактъ подъ звуки собственныхъ кастаньетъ, опять слѣзали.

Такъ шли мы черезъ день въ авангардѣ, обмѣниваясь другъ съ другомъ словами:

— Ну, какъ ты провелъ время вчера? спросилъ я Н...скаго.

— Вчера я дрогъ у дворца корпуснаго командира (у кибитки), смотрѣлъ на флагъ его и слушалъ, какъ онъ фыркалъ отъ вѣтра, а потомъ до сыта любовался раздольемъ: отвѣчалъ онъ улыбаясь. Соснувши нѣсколько, Перовскій пошелъ по отряду, но, знаешь, пѣшкомъ онъ гулять не охотникъ, и сейчасъ зашелъ къ натуралисту Леману. У того было тепло, какъ въ банѣ. Я от-

кинулъ ему дверь, и вижу—нѣмецъ стоитъ въ бѣлой замшевой да еще стеганной, вѣрно на ватѣ, фуфайкѣ и въ колпакѣ. Генералъ съ первымъ шагомъ въ кибитку спросилъ его:

— Ну что вы поймали? Ай, да какой у васъ тяжелый запахъ!..

— O ja! подхватилъ нѣмецъ, и началъ толковать съ нимъ по своему съ прибавленіемъ русскихъ словъ; говоритъ, что тутъ живутъ чиклинцы (киргизскій родъ), что чиклинскій родъ мышатъ имѣетъ свой шопственный ароматъ, потому что безъ хвостъ, ну и проч.

— Да кто ихъ вамъ ловитъ? вѣдь казаки; знаю, знаю, и засмѣялся. Они вѣдь сами хвосты имъ обстригаютъ, а вотъ у этого мышенка и ушей кажется нѣтъ. Отъ нихъ запахъ—сказалъ онъ, выбросьте, и плюнулъ.

Отъ него генералъ пошелъ къ Чихачеву, и хотя попрежнему былъ суровъ, но глаза смѣялись. Хащукъ! дай фляжку.

— А что, кромѣ шутокъ, И-въ, я думаю, ужъ много казаками выпито спирту за этихъ мышей? спросилъ онъ меня.

— Не знаю, братъ, а полагаю, сколько мышей на приходѣ, столько и чарокъ въ расходѣ.

— Ну, а камушки какъ у нихъ цѣнятся: дешевле или дороже?

— Мыши должно быть дороже: камень холодный вѣдь, а мышка теплая, теперь же ихъ совсѣмъ не видать. По Илеку, Исенбаю и др. рѣчкамъ таскали ему плотный кварцевый песчаникъ, съ стекловатымъ блескомъ слюду, просто кварцъ съ бѣлыми галькамии, сѣрый и желтый полевой шпатъ, роговую обманку, известнякъ, азбестъ, яшму и порфиръ. У Эмбы окаменѣлыя рыбки нашлись; къ сторонѣ Темира я нашелъ одинъ зубъ, да бросилъ-его: онъ съ помощію мороза чуть-чуть не откусилъ мнѣ пальца. Уральскій казакъ тоже не бралъ, увѣряя, что его потерялъ киргизскій сатана.

Насъ опять остановили, и мы опять пошли пѣшкомъ. И такъ добрели до укрѣпленія Оты-Якши (хорошее имя) на р. Эмбѣ.

Но увы.... и здѣсь рушились наши надежды: снѣгу и здѣсь

было не меньше, а суровый неумолимый морозъ заворачивалъ наши носы, когда они, вспоминая обѣщанное тепло, желали хоть понюхать его. Мы прибыли сюда 19-го декабря. Каждый изъ насъ вспоминалъ своихъ родныхъ или знакомыхъ: всѣ они готовились похристіански встрѣтить праздникъ и по русскому обычаю хорошенько покушать, а насъ что ожидало?... Оты-Якши (*хорошее имя.*

«Не сошьемъ и рукавицъ изъ него», говорили казаки.

ГЛАВА XIV.

Пересыпка провіанта.—Ученья.—Опыты гальваническаго снаряда.—Встрѣча съ султаномъ Баймухаметомъ. — Тогдашній у него методъ разслѣдованія преступленія.—Взглядъ на будущее.—Расправа съ киргизами—бунтовщиками и донесенія.

«Подо, какъ можно, скорѣй, возьмите пентдесятъ чловѣкъ и уѣзжайте до укрѣпленія, господа, али тамъ позабавьтесь пересыпкою провіанта», приказывалъ намъ чрезъ нѣсколько дней скучнаго отдыха вахмистръ. Мы выскочили изъ джуламы, накинули сѣдла, закричали людямъ «выходи», и я сидѣлъ уже на лошади, какъ эскадронный Л. велѣлъ мнѣ ее оставить. Онъ не скоро поддавался, и вообще былъ упрямъ. Мы не могли его уговорить, что тамъ можно будетъ покормить нашихъ лошадей до-сыта остатками въ куляхъ, и поплелись пѣшкомъ за двѣ версты въ укрѣпленіе. Чрезъ сто шаговъ, пока я жаловался товарищу какъ трудно намъ выполнять всѣ службы отъ писаря и рядоваго до вахмистра и офицера, какъ мы въ настоящее время,... насъ догналъ казакъ и привелъ не только нашихъ, но и вахмистра лошадей.

Товарищъ мой былъ хорошій ѣздокъ, рубака, славный товарищъ и въ полномъ смыслѣ красавицъ собой. Высокій ростомъ, онъ имѣлъ длинную талію, тонкіе волнистые бѣлые волоса, большіе свѣтло-синяго цвѣта глаза съ длинными рѣсницами; шрамъ отъ палаша на лѣвой щекѣ придавалъ его минѣ ироническую улыбку. Никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился и потому былъ всѣ-

ми любимъ. Вахмистра, соотечественника своего, онъ не уважалъ за его жестокость за то, что тотъ скоро осолдатился, а потому съ нимъ было намъ свободно. Теперь насъ послали смѣнить унтеръ-офицера К—ха, который неосторожно выпилъ спирту. Мы скоро отыскали его; нашъ К—хъ сидѣлъ на самомъ высокомъ гребнѣ бруствера, свѣсивши ноги въ ровъ; и повернись онъ хотя на два вершка, сломилъ бы себѣ шею.

Пересыпка муки въ крѣпкіе кули и сухарей—въ короба, чтобъ были легче ноши для верблюдовъ, шла медленно. Десять человѣкъ съ ознобленными руками начальникъ велѣлъ отослать назадъ, а остальнымъ принести по двѣ порціи на человѣка спирту; но и онъ дѣйствовалъ на силу очень слабо.

Здѣсь, вмѣстѣ съ другими командами, насъ работало 400 человѣкъ въ продолженіе двухъ дней.

— У кого теперь праздники, говорили солдаты, а у насъ все будни.

— Да. Это будни передъ нашимъ страшнымъ судомъ: сегодня и завтра! Право, эти будни не приведутъ къ празднику... Да ничего, ребята, ну-ка, поработаемъ съ Богомъ.. Сегодня Василія Великаго и имянины В. С. Л.

На этой утомительной стоянкѣ въ штабѣ громко *заговорили* о возвращеніи въ свояси.

Пока стояли при р. Эмбѣ, мы ни какъ не могли забыть прошедшаго, и живо вспоминали, какъ наши эскадроны прокладывали одиночныя тропинки для вьючныхъ нитокъ и дорогу для тяжестей на полозьяхъ; какъ, измученные и голодные, мы били снѣгъ мотыгами и лопатами; не могли не видѣть, какъ потеря верблюдовъ возрастала съ каждымъ днемъ,—какъ они спотыкались съ ничтожными вьюками, и многіе изъ нихъ, не смотря на всѣ наши старанія, пѣсни и лепешки изъ муки, для нихъ изготовляемыя, не вставали; часто тяжести и вьюки съ лошадей и верблюдовъ, запряженныхъ подъ орудія и лодки и безпрестанно остана-

зливающихся отъ изнеможенія, мы вытаскивали на своихъ рукахъ, утопая сами выше колѣна въ снѣгу.

Мы знали навѣрно, что предполагаемыхъ кормовъ на пути этомъ не существуетъ, и кромѣ солонцоватаго песку [1]) подъ твердымъ наносомъ замерзшаго снѣга ничего достать было невозможно; притомъ знали навѣрное,—что и было, то киргизы выжгли осенью; мы не могли не вспомнить, что морозы отнимали всякую возможность усиленной попытки дѣйствовать; къ тому же износившаяся одежда плохо защищала насъ отъ減 бурановъ, независимо отъ прочихъ лишеній и нравственныхъ потрясеній, незаслуженныхъ строгостей и обязанности оглашать воздухъ веселыми пѣснями въ то время, когда слезы давятъ горло.

Дѣятельность около дворца-палатки была видна и намъ издали. Чамбары (почтальоны верхомъ) часто скакали впередъ и назадъ, и мы догадывались, что нашъ вождь и самъ задумывался отъ этой страшной трагедіи. Но такова была сила дисциплины, что каждый изъ насъ, вполнѣ испытавши всѣ ужасы и несчастія похода, таилъ свои мысли и вопросы, которые роились безпрестанно.

Чѣмъ окупятся наши страданія? Что бы мы выиграли, достигнувши Хивы?.. Кѣмъ бы мы дѣйствовали противъ непріятеля, даже пройдя безъ фуража безкормныя степи?... Чѣмъ бы мы, наконецъ, продовольствовались, достигнувъ этой обѣтованной земли, земли непріятеля, которому самому нечего ѣсть, особенно въ весенній разливъ, какъ мы слышали?...

Не одни мы, грѣшные, считали походъ неудавшимся и полагали за лучшее вернуться во свояси: то же самое чувствовали люди и высшихъ ранговъ. . . .

Въ походѣ не надо быть празднымъ и мы занимались безпрерывнымъ развѣшиваніемъ и уравниваніемъ вѣса вьюковъ и,

---

[1]) Это песчаные холмы, изрѣдка покрытые ковылемъ и кочковатою жесткой травой и извѣстные подъ названіемъ Большихъ Барсуковъ, занимающихъ огромное пространство степи.

въ добавокъ, пѣшимъ по конному ученьемъ; бывало поводятъ, погоняютъ по сугробамъ, побранятъ, потомъ похвалятъ, а иногда еще пошлютъ съ подобнымъ наказомъ: этого барина на часы, а того туда-то на всѣ сутки безъ сухарей. Ну, и дрожи на аванпостахъ.

Въ бытность на Эмбѣ разъ пробовали гальваническій снарядъ; для этого былъ поставленъ верблюдъ на ледъ посреди рѣки, къ нему проведена струя гальваническаго тока, и по командѣ вдругъ верблюдъ, къ удивленію киргизъ и солдатъ, взлетѣлъ на воздухъ. Разъ даже забавлялись охотники манежной ѣздой на верблюдахъ.

Свита г. Перовскаго отъ восторга хлопала въ ладоши; стоявшіе недалеко солдаты, кивая головою, замѣчали промежъ собою: «и мы, братцы, будемъ стучать въ свои рукавицы тогда, какъ насъ заставятъ все это добро вытирать да укладывать во вьюкъ по петербургски».

Общее любопытство привлекло сюда и киргизовъ. Неожиданно залетѣвшая въ ихъ артель бѣда не остановила и ихъ посмотрѣть на непонятныя чудеса; выражая удивленіе, они спрашивали другъ друга, кто изъ нихъ видѣлъ шайтапа, лазившаго въ воду зажигать порохъ. Г.-а. Перовскій былъ видимо доволенъ начальниками гальванической команды, а приближенные его всѣми мѣрами, другъ передъдругомъ, на разные лады, старались поддержать въ немъ такое расположеніе, занимая его, напр., манежною ѣздою на верблюдахъ.

Однако, за всѣми этими развлеченіями, мысль воспользоваться еще оставшимися наличными средствами и достичь хотя своей границы—преслѣдовала каждаго, недавая никому покоя. Но что и празднаго народа было много, доказательствомъ тому служили часто распускаемыя сплетни, какъ бы въ большомъ городѣ. На этотъ разъ пошла молва, что всѣ киргизы-вожаки хотятъ отъ насъ бѣжать. Разслѣдованіе этого дѣла, порученное Цал-му, кончилось такъ неудачно, что онъ принужденъ былъ сдать колонну.

Накануне совершенія конфирмаціи надъ киргизами, по смѣнѣ со службы, я встрѣтился въ отрядѣ съ Бай-Мухаметомъ. Согласно характеру степной выѣздки, его лошадка, понуривъ голову, везла его степенство въ аулъ.

Поздоровавшись любезно со мною, онъ, осмотрѣвъ мою лошадь, спросилъ: — Это не новая ли у тебя лошадь? — Я отвѣчалъ:

— Да, но не моя. Моего добраго коня Г. М. Молоствовъ приказалъ отдать на полчаса кому-то, а ко мнѣ тотчасъ пришла смѣна. Пѣшему нельзя въ эскадронъ явиться. Я не въ правѣ былъ давать свою лошадь, а спорить съ добрымъ человѣкомъ не хотѣлось, я и нанялъ эту: ѣзжу, да и посматриваю, не стоитъ ли моя гдѣ нибудь въ гостяхъ, да голодаетъ.

— А коли она нигдѣ не гоститъ, такъ ты поѣзжай ко мнѣ, сказалъ онъ, тряхнувъ малахаемъ, —мы погрѣемся подлѣ нашего друга, самовара.

Я согласился и мы шагомъ, молча, посматривая по сторонамъ на лошадей, доѣхали до его кибитки. Усѣвшись въ теплѣ, пока его слуга перетиралъ чашки, я не спавши ночь, чуть чуть не заснулъ сидя.

— Бай, бай! не спать ли хочешь?

— Хочу, отвѣчалъ я, — и только доѣду до дому, тотчасъ кувыркомъ на сѣдельную подушку. Сегодня ночью немногіе въ штабѣ спали. Долго послѣ васъ разсуждали.

— Не люблю я говорить, стоявши на ногахъ. И что это, ты братецъ мой, у русскихъ господъ за привычка, коли начнутъ говорить объ дѣлѣ, такъ и давай снѣгъ топтать?

— Что же ты услыхалъ хорошаго? спросилъ султанъ.

— Услыхалъ и узналъ, отвѣчалъ я, очнувшись отъ сна, что у новаго атамана Молоствова славное серце. Гуляя по линейкѣ вмѣстѣ съ другими, я не могъ ничего понять изъ спора, но когда подошелъ В. А. и вмѣшался въ ихъ разговоръ, то ясно я слышалъ, какъ Молоствовъ сильно и убѣдительно доказывалъ, что

можно бы не всѣхъ киргизъ разстрѣливать, а только одного. Онъ, какъ старый дипломатъ, съумѣлъ помѣстить свой совѣтъ, что можно и безъ пороху съ киргизами покончить. Вѣдъ они были взяты нами, внушительно говорилъ онъ Г.-а. Перовскому, какъ люди хорошіе. У этого пастуха-народа тотъ хорошъ, кто засыпаетъ и просыпается думая о своемъ богатствѣ, о лошадяхъ и верблюдахъ. Слово Божіе «Пастырь добрый и душу свою полагаетъ за овцы»—приложно изъ ихъ характера. А въ дисциплинѣ нашей киргизъ ни бельмеса не понимаетъ.»

Запивая свой разговоръ крѣпкимъ чаемъ, я разогналъ сонъ. Султанъ всѣмъ своимъ существомъ былъ погруженъ въ мой разсказъ. Раза два онъ, закрывши лицо, шевелилъ губами и читалъ про себя молитву. Нетронутая имъ чашка съ чаемъ заставила меня спросить.

— Что же, ваше степенство, вы и чай позабыли?

— Еще успѣю напиться. Спасибо тебѣ, большое спасибо, что ты мнѣ нечаянно указалъ, кому я завтра долженъ ниже всѣхъ поклониться.

Видя, что старикъ ужасно скорбѣлъ за киргизовъ, судимыхъ по его же докладу, и зная, что онъ никогда не могъ предусмотрѣть такого скандала, чтобы его успокоить, я свернулъ разговоръ и прибавилъ:

— Все это обойдется. Киргизовъ не тронутъ, вѣдь идти имъ не куда, аулы далеко, провіанта у нихъ нѣтъ, корма для лошадей и верблюдовъ тоже, а пѣшкомъ по этимъ снѣгамъ и 5-ти верстъ имъ не сдѣлать.

— Да, сказалъ онъ, сплеснувъ руками.

— Надо же этой бѣдѣ придти тогда, когда у его пр—ства нѣтъ ни одного спокойнаго дня. Здѣсь прибавляется съ неба снѣгъ и стужа, а на Каспійскомъ, среди моря, всѣ лодки съ хлѣбомъ заморозило. А? Слышалъ? Нѣтъ, такія бѣды не дѣлаютъ наше сердце мягкимъ. Ожидатъ пощады не слѣдуетъ.

— Да!—подтвердилъ переводчикъ.

— Если бы совѣтники-то были такіе, какъ Крабе, Молоствовъ да Габбе, такъ и наше слово нашло бы свое мѣсто, и, обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Правда, что С. Т. Ц—го смѣнили?

— Слышно, что онъ нагайкой больно избилъ часоваго. Да, и наемка-то верблюдовъ, по жалобамъ киргизовъ, этому пособила. Да, добавилъ переводчикъ: они съ Т-мъ равно родные братья.

— Ага, подхватилъ султанъ. Вишь какой добрый. Онъ и солдата пожалѣлъ, не зная, что часоваго трогать нельзя. Переводчикъ, окончивши пить 5-ю чашку чаю, поднялся, приподнялъ малахай и сказалъ, что онъ ѣдетъ подтвердить смѣнившимся съ табуна вожзакамъ, завтра скорѣй собраться на берегу оврага.

— Ай да тизъ! (ступай скорѣй), приказалъ султанъ.

Какъ только чуткое ухо султана услыхало, что перевочдикъ, сѣвши на коня, сказалъ чюхъ, и поѣхалъ отъ его кибитки, онъ закричалъ:

— Назарбай!

Висѣвшій надъ дверью войлокъ приподнялся и, озираясь, вошелъ киргизъ, сѣвши у огня на свои колѣна.

— Разскажи короче. Какъ это дѣло шайтанъ началъ?

— Да что, ваше степенство, ни Аллахъ, ни шайтанъ, а баба всѣму дѣлу начало. Когда Катый (имя вожака) отогналъ табуны къ Назарбаевскимъ камышамъ, такъ ночью къ нему побывала жена его. Знамо, она нарочно къ нему пріѣхала, какъ услыхала отъ чамбара, что мы отъ нихъ недалеко.

— Ну! закричалъ султанъ, приподнявши голову.

— Тара-бара и разсказала, что Кучукъ-бай (имя работника) опять вишь началъ шалить, сманивать его дочь съ нимъ бѣжать, а марзя (старая жена) небила, не ругала ее за это, а на другой день объявила аульному старшинѣ, что ее казымъ (дочь) съ работникомъ Кучукъ-баемъ увели пару лошадей, взяли три барана, а куда уѣхали—и слѣдовъ нѣтъ. Вѣстимо—отецъ, онъ и ушелъ бы за дочерью одинъ изъ табуна, да у него хранились деньги

его товарищей. На бѣду въ табунѣ кибитка-то одна. Наѣхали за рубкою камыша уральцы, настоящаго-то дѣла не узнали, а что разслушали, то все переврали.

Пріѣхавши изъ табуна, онъ точно туракъ сталъ; говорятъ, раздавши хранимыя деньги, хотѣлъ уѣхать искать дочь, а товарищи его тоже туда, всѣ заголосили, что и намъ нечего здѣсь дѣлать. Верблюдъ-то не 20-ть стоитъ, а 200 рублей, не уйдемъ, такъ верблюдовъ бросимъ, да свои ноги заморозимъ. Вишь скучно имъ больно стало. Да и вѣтряно было. Глупое слово и къ твоему степенству залетѣло. Ты ему помоги. Тебѣ извѣстно вѣдь, какой онъ батырь, покончилъ Назарбай сквозь зубы.

Послѣднія слова султанъ слушалъ какъ-то разсѣянно, онъ то поправлялъ подъ собой подушку, то снималъ съ халата пухъ, изъ нея вылѣзшій, то закидывалъ назадъ свой малахай.

— Ага! Здѣсь не дома. На службѣ, въ походѣ, Аллахъ только помагаетъ. А вотъ что, скажи Катыйкѣ, чтобы онъ ротъ свой крѣпко заперъ, когда его будутъ завтра спрашивать. Пускай во время спросовъ первый упадетъ на колѣна и молится. Другіе за нимъ это сдѣлаютъ. Ступай же и передай ему это. — Когда киргизъ Назарбой вышелъ, султанъ обратился ко мнѣ рѣшительно:

— Если не услышитъ Аллахъ его молитвы, такъ ужъ мы за него молиться будемъ. А то помогите ему, повторялъ онъ улыбясь. Всякому, кто ближе къ начальству, показано только одно: самъ берегись. Нетакъ ли по русски?...

— Нѣтъ, я не думаю; хорошій начальникъ, не жалѣя себя, сбережетъ подчиненнаго, отвѣчалъ я разсѣянно, завертывая графной листъ и укрѣпляя въ своей памяти изложенный разговоръ.

Посланный султаномъ киргизъ привезъ извѣстіе султану, что онъ нашелъ мою лошадь, но, ведя ее ко мнѣ, былъ въ цѣпи остановленъ и отправленъ въ эскадронъ, гдѣ приказали ему лошадь оставить, а мнѣ передать, чтобъ я торопился домой для изготовленія графнаго листа коммисару.

Графнымъ листомъ въ походѣ назывались требованія на три

дня. На нихъ были означены всѣ получаемые нами отъ казны предметы на наличное число людей. Всякое перетребованіе въ немъ показывалось къ зачету. Листъ, подписанный вахтмистромъ, эскадроннымъ и дивизіоннымъ командирами, отдавался коммисару, а этотъ послѣдній, отпустивши подъ расписку пріемщика мясо, спиртъ, крупу, сало, лукъ, мерзлую капусту, хрѣнъ, уксусъ и сухари, а дла сбитня—корицу, медъ и перецъ, отрѣзывалъ половину графнаго листа и оставлялъ его у себя для контроля, который призводился иногда адъютантами на дневкѣ; довольствіе отряда такимъ образомъ было не сложно.

Я простился съ султаномъ до завтра.

Почтовое сообщеніе съ пограничною линіею не прерывалось. Киргизскіе почталіоны о двухъ-конь верхомъ, съ сумками подъ тулупомъ, пакеты возили исправно.

6-го января 1840 г. кор. ком. писалъ къ военному министру слѣдующее:

«Въ предыдущемъ донесеніи моемъ я между прочимъ имѣлъ честь довести до свѣдѣнія В. С., что кайсаки при отрядѣ служатъ вообще хорошо, но что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ бѣжали, уведя съ собою и верблюдовъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ, во время нахожденія здѣсь отряда, распространились между кайсаками слухи о близости хивинскаго войска въ преувеличенномъ числѣ, о присоединеніи къ нему войска Коканскаго и проч. Лазутчики непріятельскіе воспользовались кажется этимъ и старались поколебать умы страшными угрозами хивинскаго хана и несомнѣннымъ перевѣсомъ числительныхъ его силъ. Слѣдствіемъ сего было, что верблюдчики цѣлой колонны, человѣкъ болѣе 300, въ самую минуту выступленія ея, объявили положительно и единогласно, что болѣе не пойдутъ, а возвратятся съ верблюдами въ свои аулы.

Всякое увѣщеваніе было тщетно; я истощилъ всѣ словесныя убѣжденія, но не успѣвъ ни въ чемъ, и внушенія находившагося тутъ же султанъ-правителя Айчувакова также остались безъ всякихъ

послѣдствій. Толпа увеличивалась, шумные клики призывали товарищей, безпорядки возрастали съ минуты на минуту. Чтобы не быть покинутымъ въ пяти стахъ верстахъ отъ границы нашей безъ подъемныхъ средствъ, т. е. безъ всякихъ средствъ продолжать путь свой, я увидѣлъ себя въ необходимости дѣйствовать рѣшительно, не теряя ни одного мгновенія. Я велѣлъ окружить толпу, къ которой начали уже присоединаться киргизы другихъ колоннъ, и объявилъ, что всѣ будутъ разстрѣляны, если еще будутъ продолжать оказывать неповиновеніе. Нѣсколько человѣкъ самыхъ буйныхъ выступили впередъ и объявили, что они всѣ готовы на смерть, но что впередъ идти мѣшаетъ имъ вѣра, что въ такіе морозы караваны никогда не ходятъ. Тогда я велѣлъ тутъ же разстрѣлять одного изъ начинщиковъ; толпа оставалась все въ томъ же возмутительномъ расположеніи, духъ неповиновенія не укрощался, и только послѣ втораго разстрѣляннаго киргиза, послѣ вторичныхъ моихъ увѣреній, что всѣ неповинующіеся будутъ разстрѣляны, бунтующіеся смирились, просили помилованія, и обѣщали, что впередъ будутъ исполнять съ покорностію всѣ мои приказанія.

«Крайность вынудила меня прибѣгнуть къ подобной строгости, но я надѣюсь, что этого примѣра будетъ достаточно для обузданія безразсудныхъ, кои могли быть приведены къ послушанію однимъ только страхомъ, тѣмъ же самымъ чувствомъ, которое побудило ихъ къ неповиновенію.»

При этомъ-же рапортѣ въ Петербургъ было послано расшифрованное письмо о слѣдующемъ:

«Переходъ отъ Эмбинскаго укрѣпленія до Усть-Урта — 260 верстъ будетъ для отряда тяжелъ. Глубокіе снѣга затрудняютъ ходъ, изнуряютъ верблюдовъ отъ безкормицы; колонна, выступившая тому 4 дня, прошла только 20 верстъ; отъ этого потеря времени, провіанта и верблюдовъ; опасаюсь, что вынужденъ буду бросить понтоны, лодки, всѣ повозки. Получено извѣстіе изъ Оренбурга, что двухтысячной запасъ провіанта, который, по моему распоря-

женію, долженъ быть въ Новоалександровскѣ, туда не прибылъ. На этотъ провіантъ разсчитывалъ я, для возвратнаго пути, и даже въ случаѣ крайности, т. е. при сильной потерѣ верблюдовъ, на Усть-Уртѣ, предполагая воротить на Новоалександровскъ, а потомъ на Хиву.

«Обстоятельства, которыхъ никакіе расчеты предвидѣть не могли, оказываются противными успѣху экспедиціи, но мы идемъ впередъ съ полнымъ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить волю Государя Императора».

Въ заключеніе главы, не могу не упомянуть объ эпизодѣ, относительно возмущенія киргизовъ.

При вечерней визитаціи, кто-то спросилъ доктора Р.:

— Нѣтъ ли какого нибудь средства прекращать возмущенія?

— Есть, отвѣчалъ докторъ. Предъ допросомъ, переводчикамъ надо дать по стакану oleum rhicini.

ГЛАВА XV.

На аванпостахъ. — Рядовой казакъ Сопинъ. — Импровизированная имъ баня. — Повѣрка постовъ ночью г.-а. Перовскимъ. — Его награда Сопину. — Ужинъ съ музыкой. — Новости о дѣйствіяхъ отряда. — Замерзшіе.

Едва мы добрели до ночлега, какъ я получилъ приглашеніе ефрейтора: «пожалуйте, сударь, на аванпосты». Осмотрѣвши по заведенному порядку — не мокры ли у команды рукавицы, есть ли на полкахъ пистолетовъ порохъ, я повернулъ взводъ по три, повелъ за двѣ версты отъ отряда и разставилъ казаковъ попарно, смотрѣть зорко съ кургановъ, хотя зги Божьей не было видно.

За ефрейтора со мною въ караулѣ находился разжалованный изъ ротмистровъ херсонскаго поселенія рядовой Сопинъ. За что онъ былъ разжалованъ и когда? — не знаю; но онъ рѣзко отличался отъ другихъ несчастныхъ. Ростъ онъ имѣлъ выше средняго, всегда щегольски опрятный, не по годамъ былъ строенъ, ловокъ и расторопенъ; но, вѣроятно отъ долгой жизни въ казармахъ, онъ невольно усвоилъ рѣзкія угловатыя манеры, какія часто встрѣчаются въ унтеръ-офицерахъ изъ кантонистовъ. Съ самаго начала здѣсь совершенно новыхъ обязанностей солдата, онъ замѣтно отдѣлился отъ массы своею смѣтливостію и дѣлалъ все съ оттѣнкомъ: *это намъ ни почемъ*. Въ его открытой фигурѣ проглядывалъ сарказмъ, прикрытый веселостію. Солдаты его уважали, даже и тѣ, которымъ извѣстно было, что онъ разжалованъ. Онъ и жилъ съ ними во взводѣ, выражался жестко и весьма

остро, безъ всякой, впрочемъ, претензіи на остроту. Внѣ службы я съ нимъ не сталкивался: онъ держалъ себя болѣе покорно, нежели фамиліарно; во время же ея онъ какъ-то очень обязательно умѣлъ принять не то роль слуги, не то роль товарища. Напримѣръ, когда ужъ выбьешься изъ силъ, онъ подсадитъ на сѣдло, привяжетъ на всякій случай къ нему чайникъ, сниметъ вьюки (на аванпосты сѣно и овесъ не брался). При повѣркѣ вами людей, онъ безпристрастно найдетъ слабыхъ, напомнитъ держать глухой рядъ кому слѣдуетъ, и всегда имѣлъ возможность, если желалъ, не попасть въ разсчетъ пары. Извѣстно, что и не въ такомъ походѣ и не съ такою внимательною предупредительностію человѣку всегда найдется и у маленькаго начальника должность по особымъ порученіямъ; по этимъ-то причинамъ онъ часто выбирался въ ефрейторы.

Водка вливала въ него тоску, какъ онъ самъ выражался, и потому онъ пилъ въ крайнихъ только случаяхъ; пьянъ же не бывалъ, хотя теперь, да и часто въ другое время имѣлъ двѣ порціи — мою и свою въ распоряженіи.

При командировкѣ на этотъ разъ было приказано нарубить камышу въ верховьяхъ рѣки Кобели-Темиръ и позволялось разложить огонь на главномъ посту, что разумѣется было исполнено весьма охотно, нимало не помышляя, что здѣсь кочуетъ самое зловредное племя киргизовъ — чиклинцы.

Время перевалилось за полночь. Объѣзжая въ третій, кажется, разъ съ приказаніемъ: «шевели, братцы, ногами, оттирай снѣгомъ щеки и носы», на которыхъ уже давно у всѣхъ были язвы, я кувыркался въ сугробахъ съ своею лошадью и уже подъѣзжалъ къ своему мѣсту, прискакивая рысцой, гдѣ позволялъ неглубокій по холмамъ снѣгъ. Какъ вдругъ влѣво отъ себя вижу—три всадника спокойно приближаются къ цѣпи. Мои сторожевые казаки уже сидятъ оба верхомъ съ крайней пары и оба цѣлятся. Разговора не слыхать. Сказавъ себѣ: «это кто нибудь повѣряетъ насъ», я остановился; но когда всадники побѣжали рысью, гдѣ позволяла

мѣстность, я, оправившись, тоже толкнулъ моего Сайгака по направленію къ своему посту, и увидалъ Перовскаго. Не допуская подобравшаго коня шаговъ пять, я остановился, отрапортовалъ и повернулъ за генераломъ.

Помощникъ же мой, Сопинъ, въ это время соблазнился устроить себѣ импровизированную баню, и мы, поднявшись на холмъ, увидѣли какъ онъ, сбросивши съ себя все, съ подвязанной саблей и перекинутымъ черезъ плечо панталеромъ, безъ ружья и лядунки [1]), въ сапогахъ и въ шапкѣ, съ необыкновенною быстротою вертясь передъ пламенемъ, жгутомъ крутилъ свою рубашку, изъ которой съ трескомъ сыпались насѣкомыя цѣлыми сотнями. Лошадь его, привязанная поводомъ къ ея передней ногѣ, внимательно выбирала вкусныя мѣста изъ связки камыша и жевала ихъ, не обращаи вниманія на своего хозяина. Я обмеръ и смотрѣлъ на генерала. Онъ навелъ лорнетъ и, сказавши Суворовскую фразу: «хоть голъ, да правъ», бросилъ ему два червонца. Съ меня точно гора спала.

— Ивановъ, какъ его фамилія? спросилъ меня корпусный командиръ.

— Это изъ разжалованныхъ, рядовой Сопинъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ я, — одинъ изъ исправнѣйшихъ и всегда усердныхъ солдатъ.

Гости повернули назадъ.

Въ ожиданіи генералъ-марша, бившаго на дневкѣ съ разсвѣтомъ, я все-таки не могъ успокоиться, думая, какъ примется выходка Сопина въ отношеніи ко мнѣ. Ефрейторъ мой, замѣтивши это, возражалъ такъ:

— Не разстрѣляютъ же насъ, сударь. Потомъ, набивая чайникъ снѣгомъ для заварки чаю, онъ продолжалъ какъ бы про себя: Если что... такъ теперь ужъ чать давно бы сдѣлалъ распоряженіе....

---

[1]) Куда вставляютъ боевые патроны.

Чтобы измѣнить нѣсколько нашъ разговоръ, я спросилъ его:

— А что ты, Сопинъ, чувствовалъ, когда разстрѣливали солдата?

— Да что, отвѣчалъ онъ съ лукавымъ простодушіемъ, оставивъ чайникъ и какъ бы припоминая, я думалъ, что когда присутствуетъ при казни особа конфирмовавшая, то будетъ такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, т. е. простятъ виновнаго.

Послѣ этого я еще разъ объѣхалъ по цѣпи; казаки на пикетахъ уже знали о продѣлкѣ Сопина, но молчали. Одинъ только, какъ бы завидуя, что на главномъ посту огонь, замѣтилъ:

— Сопинъ-то вѣрно теперь ужъ голову паритъ, вишь какъ припалъ къ огню. Онъ вѣдь старый, на все дока, продолжалъ тотъ же казакъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да сколько лѣтъ онъ въ этомъ полку? спросилъ я.

— А право не знаю, слышалъ только, что онъ уже въ третій разъ разжалованъ.

— А за что, не знаешь?

— Да говорятъ, гдѣ-то въ армейскомъ корпусѣ, во время смотра орелъ леталъ; ну хорошо, музыка играетъ, а птица за начальникомъ такъ и вьется. Начальство и давай шапки снимать, да кланяться. Главный-то остановился, да и спрашиваетъ: «что это, братцы, значитъ»? А Сопина и дернуло отколоть какую-то утку... Ну этотъ отвѣтъ не понравился и испортилъ ему службу.

Чрезъ полчаса по приходѣ въ эскадронъ, когда мнѣ хотѣлось свернуться ежомъ на отдыхъ, меня отправили въ штабъ, по требованію Ціа—го.

Судя по приказанію моего ротмистра Л., по его холодности къ моему разсказу о происшедшемъ на аванпостахъ, я думалъ, что добра на этотъ день ожидать нечего. Двое товарищей осѣнили меня крестомъ, сказавши: «Ступай-ка, братъ, съ Богомъ по морозцу».

Я хотя и не сознавалъ за собой умышленной вины, а все не могу не признаться, что настоящій мой къ нему визитъ былъ да-

леко не по душѣ, тѣмъ болѣе, что приказаніе меня застало, когда я искалъ успокоенія. И сердце, встрепенувшись, какъ у подстрѣленой птички, било дробь, право, триста разъ въ минуту. Добѣгаю, у насъ всѣ бѣгали, а не ходили. Смотрю, подлѣ его кибитки стоитъ Перовскій. Въ то же мгновеніе подбѣжалъ, какъ утка переваливаясь, съ шашкой черезъ плечо и запыхавшись, Ц—скій. Но я прежде уже былъ встрѣченъ вопросомъ: «Что тебѣ надо»? и отвѣчалъ, что меня прислали по требованію ген. Ціал—го.

— Вѣдь ты былъ на аванпостахъ?

— Я былъ, ваше высокопревосходительство.

— Что же ты хочешь, ступай и спи.

Я повернулся и, какъ бѣшенный, опрометью бросился бѣжать домой, благословляя моего Бога, что не слыхалъ ни слова отъ г. Ціа—го. Въ джуламейкѣ я торопливо завернулся въ свой воротникъ и затянулъ пѣсню хры . . . Говорили, что я бредилъ во снѣ, — не знаю.

Я проспалъ до двухъ часовъ. Кто-то потащилъ меня за ногу съ крикомъ: «вставай! у Сопина въ первомъ взводѣ балъ, Ку—скій (солдатъ, отлично знающій музыку) досталъ балалайку и на одной струнѣ будетъ играть не хуже Фильда; айда скорѣй». Я вскочилъ, поправилъ висѣвшія на ремнѣ у шеи рукавицы и протеръ глаза. Разбойникъ желудокъ мой уже чуялъ о предстоящемъ удовольствіи и торопилъ меня на ужинъ.

Вѣтеръ гулялъ на морозѣ 40° и рвалъ съ сугробовъ снѣгъ. Два взвода сѣдлали лошадей ѣхать за камышемъ — и не близко. Насъ обыкновенно посылали, когда въ окрестностяхъ отряда все вырубитъ пѣхота и киргизы. Пятьдесятъ верблюдовъ при двухъ вожакахъ, вытянувшись въ нитку, терпѣливо ждали. По этому случаю двѣ джуламейки теперь были пусты. Въ одной изъ нихъ устроенъ былъ намъ балъ: все выметено до чиста, кругомъ она обложена сѣдлами, прикрытыми рогожами; посреди въ двухъ кучкахъ пылали синимъ огонькомъ большіе угли.

Когда я взошелъ, Ку-скій подвязывалъ струну на свой инстру-

ментъ, воткнувши его между колѣнъ. Около двадцати человѣкъ въ двѣ шеренги сидѣли, склавши подъ себя ноги; нѣкоторые изъ казеннаго котелка черпали спиртъ; иные, выпивши крышку съ словомъ: «поздравляю съ наградой», вливали обратно въ него цѣлую бутылку, съ собою принесенную. Здѣсь было тепло. Изъ сосѣдней кибитки былъ принесенъ большой котелъ съ кащицею и другой съ заварухой;* ихъ смѣнилъ котелокъ съ капустой, обжаренной въ свѣчномъ салѣ съ сосисками, уцѣлѣвшими изъ оренбургскихъ нашихъ запасовъ.

На взглядъ всего было много; но когда братія вооружилась ложками, привязанными всегда къ правой кисти, то ничего не осталось.

Поблагодаривъ хозяина, я спросилъ его:

— Ну, что, Сопинъ, какъ ты?

— Слава Богу—ничего! Откушайте-ка, сударь, сбитню; и онъ налилъ изъ чайника; хоть жидкость была и теплая, но я, попробовавъ, обжогъ въ горлѣ и заткнулъ ротъ рукавицей. Въ чаркѣ былъ голый спиртъ, сваренный съ ромомъ и медомъ.

Я сходилъ въ свою кибитку, досталъ изъ кармана кожаной сѣдельной подушки тетрадку и, записавъ на просторѣ чортъ знаетъ сколько общихъ мѣстъ о морозѣ да о пьянствѣ, возвратился къ гостямъ, которые хоромъ пѣли:

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Гдѣбъ намъ, воронъ, пообѣдать.
Какъ бы намъ о томъ провѣдать.

Потомъ:

«Нѣту дѣвки, нѣту красной»... и другія подобныя. Далѣе началась музыка. Тепло и музыка убаюкали меня и, не смотря на небольшой говоръ, я здѣсь опять заснулъ. Мнѣ снилось, что я смотрюсь съ прехорошенькой дѣвочкой въ одно зеркало, которое

* Отъ тренія сухарей въ коробахъ дѣлаются крошки; эти крохи, сваренныя съ свѣчнымъ саломъ, назывались заваруха.

держала отвратительная старуха съ большими зубами. Увидя себя не хуже этой дѣвочки, я отъ души радовался, что у меня пропали всѣ болячки со лба и носу, такъ меня безпокоившія прежде, и даже отъ удовольствія проснулся. Но почувствовавши на носу боль и что на мнѣ мечутъ банкъ, и услыхавши приглашеніе товарищей не шевелиться, я снова закрылъ глаза; однако сновидѣніе уже не возвращалось, а потому, не желая болѣе служить мебелью, я вскочилъ. Передъ чаемъ мы занялись разговорами и воспоминаніями о Россіи. Отъ Оренбурга мы отошли еще только 500 верстъ. Теперь на просторѣ и въ теплѣ мы высчитывали среднюю температуру, какъ наши натуралисты, не догадываясь, что вьюга или буранъ и при 25°, сильнѣе 40° въ тихое время, пощипывали этихъ натуралистовъ; что они намъ не отвѣчали часто—сколько показываетъ реомюръ, и что каждый день у нихъ то 25, то 35°; а иногда—то ли поскупятся цифрами, то ли боятся разинуть ротъ, чтобы языкъ не отморозить и скажутъ, какъ дворовая собака гамкнетъ,—20 и только; или вмѣсто отвѣта, бросятъ вверхъ воды, а оттуда летятъ водяныя сосульки.

Гостей собралось довольно. Тутъ были и штабные. Отъ нихъ тутъ мы узнали о многомъ.

Послѣ этой дневки силы нѣсколько укрѣпились. Ночью было темно. Въ два часа по обыкновенію били барабаны и горнисты пищали сборъ; адскій зеѳиръ, какъ въ бурю снопъ, валилъ человѣка.

— Что вы тутъ еще ждете, талагаи? кричалъ Ц....кій, защищая отъ вѣтра длиннымъ рукавомъ коротенькой шинели на лисьемъ мѣху свои фразы, вьющіяся въ воздухѣ. Подать мнѣ вахмистра повторялъ онъ, скрипя зубами.

Въ то самое время мы только что успѣли свернуть верхъ своей джуламейки, поборовши вѣтеръ съ ловкостію матросовъ. Когда боковая защита кибитки была отнята, Ц—му представилась картина: внутри, за красной рѣшеткой, лежали скорчившись два трупа въ казачьихъ шинеляхъ съ растегнутою грудью и разинутыми

ртами. Двухъ другихъ мяли четыре мощныхъ карабинера. Вахмистръ съ Кноблехомъ всѣми возможными средствами старались помочь двумъ другимъ полуживымъ страдальцамъ. На зовъ Ц—го вахмистръ бросился къ нему и, доложивъ ему о случившемся, добавилъ, что люди эти были отправлены въ числѣ другихъ за топливомъ (камышемъ) себѣ и для больныхъ, и что двое замерзли и двое отходятъ, только надо еще имъ подать помощь.

Не желая далѣе слушать, генералъ скомандовалъ: «авангардъ впередъ»! и обротясь къ ординарцу приказалъ ему доложить кор. ком., что отрядъ готовъ, а самъ толкнулъ свою лошадь рысью.

Чрезъ нѣсколько минутъ послышались голоса: «убирайте огонь, паркъ идетъ». Припарки покончили, больныхъ сдали въ койки, а *готовыхъ* зарыли и потянулись въ нитку.

— Ну что, весело у васъ вчера было? спросилъ Н—цкій у У., ѣхавшаго съ нами рядомъ.

— Ничего онъ проигралъ, а Габе везло, точно кто ему подсказывалъ. Я примазался было, да сглупилъ—скоро отсталъ.

— Ну! что слышалъ тамъ.

— Да ничего новаго.

Заговорившись, мы немного отстали.

— Да, продолжалъ онъ, перемѣнивъ разговоръ, вчера пѣли и ѣли, потомъ пили... и врали... а подъ конецъ упились и спали, а главное-то я и забылъ: Сопинъ у кого-то досталъ въ лазаретѣ полкаравая хлѣба; ну, что это за вкусъ! такъ и съѣлъ бы теперь кусочекъ. Молодецъ! Вчера принималъ сухари, такъ и на умершихъ получилъ; какъ это успѣлъ онъ надуть нашихъ крысъ?... И все роздалъ киргизамъ да солдатамъ: «на-те», говоритъ.

— И отъ чего эта пѣхота ѣстъ больше всѣхъ командъ?... спросилъ Н—скій.

— Ну, не знаю, братъ, это по части натуралистовъ. Я полагаю, что они живутъ брюхомъ, а не головой!

Мы подходили къ мазаркамъ.

ГЛАВА XVI.

Глазная болѣзнь.—Лазаретъ на верблюдахъ.—Выписка изъ лазарета.—Краденный уголь.—Припека.—Мой докладъ г.-а. Перовскому о разбивкѣ тюка съ мнимотекущими дѣлами подъ №№ 5 и 15-мъ.

Вѣтеръ страшный; морозъ то 35°, то 40°. Какъ-то злобно хрустѣлъ снѣгъ подъ сапогомъ, ноги вязли по колѣно. Слѣва сабля, справа лошадь ни на минуту не давали задуматься, чтобы забыть ослабѣвшія силы. Иногда утромъ почти тихо; къ полдню дунетъ рѣзкій вѣтерокъ, и потомъ опять буранъ. Лучи солнца, хотя и прямо упирались въ насъ, однако такъ были слабы, что не согрѣвали, а кололи только зрачки и портили зрѣніе. Глазная болѣзнь показалась еще въ началѣ декабря и быстро развилась отъ того, что, смотрѣвши прямо передъ собою, мы встрѣчали пронизывающій насквозь голову лучъ солнца, а по снѣгу передъ нами мелькали тысячи разныхъ свѣтленькихъ кружковъ въ радужныхъ оболочкахъ. Завтра тоже; а послѣ завтра нѣтъ возможности открыть глазъ безъ боли, похожей на то, какъ бы сотни иголъ насыпались въ зрачки. Впослѣдствіи въ колонны были розданы подвязки, выкроенныя изъ ситъ чернаго волоса; съ помощію ихъ немногіе еще избавлялись боли, но сѣтки терялись въ безпрерывныхъ суетахъ и отъ непривычки—вооружаться этимъ инструментомъ, какъ терялись и похищались ложки и рукавицы, пока ихъ не привязали и не пришили къ рукавамъ. Эта почти общая болѣзнь доставила мнѣ столько горести, что я не могу умолчать о ней.

Дозв. ценз. СПб 25 Іюля 1873

ПОРЯДОКЪ ПОДЪЕМА ОТРЯДА.

Тип и Лит. А. Траншеля, Стремянная 12.

Процессъ вьючки больныхъ совершался очень просто: къ обоимъ бокамъ положеннаго на снѣгъ верблюда ставилось по одной койкѣ, длиною въ два аршина; неплотно соединяющую ихъ, въ обоихъ концахъ койки, веревку (клячъ) перекидывали черезъ сѣдло на горбахъ верблюда; потомъ другую веревку въ видѣ подпруги, зацѣпивъ ею грядку койки, пропускали подъ брюхо животнаго, и такимъ образомъ укрѣпляли. Сюда ложились согнувшись немощныя жертвы. Но раздается чухъ... верблюдъ вскочилъ, и вамъ съ товарищемъ открывается рядъ новыхъ болѣзней и безпокойствъ. Если больному посчастливилось не выскочить изъ койки отъ толчка и достало силъ удержаться, когда верблюдъ всталъ, то онъ, хотя ему неловко и страшно холодно, лежитъ, лежитъ и ждетъ: вотъ сейчасъ и верблюдъ ляжетъ; а если ужъ тронулась колонна съ мѣста, то верблюдъ не одинъ десятокъ разъ споткнется, бухнется со всѣхъ своихъ длиннѣйшихъ ногъ и вышвырнетъ одного или обоихъ разомъ больныхъ. Привязанные сзади верблюды, разумѣется, всѣ то же остановятся и, пока киргизъ-погонщикъ или другой кто это увидитъ, и часто, не могши поднять виновника безпорядка, отвязываетъ его и оставляетъ съ больными аріергарду, а заднихъ прицѣпитъ къ переднимъ, многіе изъ этой нитки въ 60 и болѣе штукъ верблюдовъ съ койками уже легли; ихъ тоже нужно поднимать: они изнурены и обезсилены, и многихъ надо бросить. Тутъ еще, тамъ тоже; а здѣсь койка разхлябалась, сломалась; больной изъ нея выпалъ, лежитъ и стонетъ отъ ушиба; а обломки ея отъ ослабившихся подпругъ перевернулись на другую сторону и пришибли на смерть лежащаго съ другаго бока товарища! Нѣтъ... не знаю на сколько-то минутъ его Богъ сохранилъ; впрочемъ все равно: онъ скоро замерзнетъ, онъ въ обморокѣ. «Ему ножкой только глазъ вышибло», утѣшаетъ васъ солдатъ, посланный на помощь. И всѣ эти старые и плюсъ новые больные доставались на долю котораго нибудь изъ нашихъ эскадроновъ, шедшаго въ аріергардѣ и подбиравшаго остатки.

Все здѣсь сказанное, конечно, относится къ больнымъ со смыс-

ломъ; не упоминаю о горячечныхъ и вообще о трудныхъ съ цингой, или сифилисомъ, или язвой: эти жертвы вьючатся также. Они разсчитались уже съ бѣлымъ свѣтомъ. Грустно за потерявшихъ разсудокъ, но въ памяти быть въ койкѣ на верблюдѣ—не приведи Богъ ни кому! Вамъ, напримѣръ, встрѣтилась естественная нужда... къ кому вы обратитесь, чтобъ васъ достали изъ койки? къ киргизу, погонщику нитки, которая занимаетъ въ глубину отряда по крайней мѣрѣ сто сажень. Но увы! у васъ нѣтъ ни голоса, ни силъ, да наконецъ онъ и слышать не хочетъ, или не можетъ, или не понимаетъ васъ. И такъ при благополучномъ путешествіи этого часа или двухъ и болѣе вы должны терпѣть, качаться, не смѣя повернуться, чтобъ не безпокоить ребра верблюда, и дожидаться, пока онъ упадетъ самъ Да! избави Господи, страдать пять лѣтъ въ покойной постели, но не допусти и пяти дней пролежать въ койкѣ подъ оглушительными стонами верблюдовъ.

Я ослѣпъ. Испугъ лишиться зрѣнія въ семнадцать лѣтъ, испугъ, что надо оставить свою артель и быть помѣщеннымъ въ походномъ лазаретѣ, во мнѣ произвелъ сильное лихорадочное состояніе. И я дѣйствительно туда отправился и качался на верблюжьей койкѣ два перехода, вмѣстѣ съ моимъ ротмистромъ Л., тоже обратившимся въ амура. За нѣсколько дней передъ симъ мой начальникъ былъ на меня сердитъ за то, что я ослушался вахмистра, давно мѣтившаго перемѣнить мою лошадь и дать мнѣ послѣ умершаго подъ предлогомъ сбереженія; но на самомъ-то дѣлѣ ему хотѣлось самому завладѣть ею, что и оказалось на дѣлѣ, когда я заболѣлъ. Итакъ съ нимъ еще было лучше, мнѣ хотѣлось съ нимъ объясниться, а въ эскадронѣ не было на то никакой возможности.

Насъ проводили товарищи, покрыли двумя шинелями послѣ умершихъ. При насъ былъ Силочка; ему было приказано говорить обо всемъ. И онъ намъ, какъ слѣпымъ, разсказывалъ все, что только видѣлъ.

— Вотъ, говоритъ, проѣхалъ баринъ въ вывороченной вверхъ

шерстью шубѣ. Это — у котораго лопухъ выросъ на головѣ. Да это тѣ господа, что къ намъ-то ходятъ, никакъ кого-то ищутъ. Дай, достану фляжку, узнаютъ.

— Вотъ нашъ батька сидитъ какимъ кренделемъ.

— Эй! здѣсь лежитъ ротмистръ? раздался громкій голосъ.

— Здѣсь, ваше бла—діе.

То былъ братъ больнаго. Потолковавши съ нами, онъ прислалъ намъ шубу и войлокъ. Мой сосѣдъ жаловался, что щиплетъ у него пальцы; моя подошва тоже жаловалась, да уже поздно: ее прихватило. Къ вечеру его положили въ лодку, тамъ открылась вакансія послѣ труднаго. Меня переложили на другаго верблюда, гдѣ то же было порожнее мѣсто. Войлокъ, мнѣ оставленный, пропалъ; Силочки уже не было. Сколько я падалъ съ верблюдомъ и съ верблюда—не помню; но только во мнѣ накипѣло отъ прежнихъ и настоящихъ ощущеній, что, когда я разъ упалъ полусонный, меня рвало желчью. Кто-то изъ проѣхавшихъ мимо (тогда мнѣ не чѣмъ было разсматривать) вѣрно слышалъ какъ я бранилъ себя и всѣхъ, назвалъ меня бѣшеннымъ и велѣлъ убрать въ лодку. Здѣсь хоть было потеплѣе и покойнѣе. Я заснулъ. Проснувшись, слышу вопросъ, съ участіемъ ко мнѣ обращенный:

— А васъ и обокрали?..

Узнавши знакомый голосъ Л., лежавшаго со мною вмѣстѣ, я и отъ радости, что со своими, и отъ боли забывшись, открылъ глаза, потомъ закричалъ и заплакалъ. Ротмистръ велѣлъ подать снѣгу. Чувствуя во рту горечь, я выполоскалъ его, проглотилъ нѣсколько кусочковъ снѣгу и захлебнулъ спиртомъ. Мы объяснились. Я разсказалъ, какъ, несправедливо преслѣдуемый вахмистромъ, юнкеръ К. отстоялъ двѣ смѣны часовъ.

Мы удивлялись натурѣ вахмистра, припоминая его рекомендацію у Д—го на вечерѣ, и говорили, что только испорченный характеръ польской націи можетъ быть такъ двуличенъ.

На другой день Л. стало лучше. Онъ былъ дома, навѣстилъ меня. Я навѣдался о здоровьи своего коня. Л. взялъ меня въ ки-

битку и предложилъ ѣхать верхомъ, держась за веревочку, если не будетъ легче. Я охотно согласился. Возвратившись къ своимъ, я узналъ, что вахмистру крѣпко досталось за то, что онъ ѣхалъ на моей лошади станцію. «Доѣхалъ же его ротмистръ», смѣялись товарищи, утѣшая меня. Въ эту дневку вахмистръ ухаживалъ за мной, какъ матушка за дочкой, и даже очень просто вылечилъ меня. Онъ зажогъ полкрышки рому и оставшейся жидкостью мнѣ далъ примачивать глаза. Къ вечеру я былъ здоровъ.

Возвращеніе зрѣнія столько родило во мнѣ вѣры, что я молился вслухъ, благодаря Бога. Теперь на перекоръ моимъ товарищамъ, которые просили Бога поскорѣе прибрать вахмистра грѣться на угляхъ, своего врага я считалъ посланникомъ неба и въ свою очередь смотрѣлъ ему въ глаза. Онъ воспользовался этимъ. Какъ только совершенно все успокоилось въ колоннѣ, онъ предложилъ мнѣ прогулку, завязалъ мои глаза такъ, чтобъ только видѣть ноги, взялъ подъ руку и повелъ съ собой навѣстить больныхъ. Часовые, видя меня съ повязкой на глазахъ, пропускали.

Поровнявшись съ однимъ вьюкомъ, мимо котораго мы проходили, онъ сказалъ: «здѣсь присядьте, будто за дѣломъ, и привяжите конецъ этой веревки къ коробу крѣпче и скорѣе. Я повиновался безъ разсужденій. Повязка на глазахъ мнѣ живо напоминала недавнее страданіе и заговоръ нашего колдуна, какъ называли его въ шутку товарищи, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ, что вахмистръ знаетъ *слово.*

Чтобъ отвлечь отъ меня вниманіе часовыхъ, онъ постарался обратить его на себя и отдѣлился. Замѣтивъ его, часовой взвелъ курокъ, приложился почти въ упоръ и допрашивалъ по обыкновенію:

— Стой! лицо въ поле! говори, кто идетъ? не то убью! Что отзывъ?

Получивши удовлетворительный и смѣлый отвѣтъ, часовой протянулъ: «ми-мо»!

Между тѣмъ я кончилъ свое дѣло, не понимая къ чему это и

присоединился къ вахмистру. Онъ опять взялъ меня подъ руку. Обогнувши лазаретъ, мы возвратились къ товарищамъ, глодавшимъ сухари и бранившимъ провіантскихъ чиновниковъ, что сухари были *съ припекой.* Кто ими питался только въ походѣ, тѣ всѣ сознаются, что это бываетъ вчастую у нашего солдата; а потому я пожалуй разскажу теперь о ея происхожденіи гастроному-читателю.

Чиновники при заготовленіи сухарей раздаютъ муку домохозяевамъ, а эти хлѣбъ, часто недопеченный, крошатъ и бросаютъ сушить въ невыметенную хорошо печь; зола припекается къ сухарямъ и прибавляетъ имъ вѣсу. И удобно и выгодно.... меньше муки съ одной стороны, меньше топлива съ другой. Но намъ, при малѣйшей оплошности, обходилась дорого эта экономія и стоила ползуба; поэтому-то мои товарищи, не желая знать — происходитъ ли это отъ скорости, небрежности или другихъ причинъ, были очень зубасты на композицію камня провіантской породы.

На этотъ разъ, при входѣ въ джуламейку, суета, ажитація, какой-то сдержанный смѣхъ хотя и приводили меня въ смущеніе, однако я поторопился скорѣй занять получше мѣсто для спанья; но подстрекаемое любопытство не давало покоя. За дверями послышалось «идетъ, идетъ»! Какъ вытерпѣть? И я вышелъ и обратился въ ту сторону, куда смотрѣли вышедшіе изъ джуламейки; между рядами вьюковъ дѣйствительно что-то мелькало, какъ будто кто бѣжалъ очень скоро. Часовые обычнымъ порядкомъ подавали сигналъ—«слушай», а одинъ изъ нихъ, уралецъ, крестился, поставивъ ружье. Чрезъ нѣсколько минутъ мнимый дезертиръ приблизился къ намъ:—это былъ коробъ съ углями, къ которому я привязалъ веревку. Тутъ-то я понялъ, какимъ орудіемъ служилъ для вахмистра. Тотчасъ коробъ былъ разбитъ, угли спрятаны, лубки разрѣзаны на куски и сожжены; натаяли снѣгу, напились, сварили кашу, разбудили всѣхъ своихъ и, съ помощію этой мародерской добычи, были сыты и довольны, даже забыли, что болѣе

недѣли не видали искры огня, потому что не получали дровъ. Средство это рекомендую, какъ необходимое....

На другой день два уральца считали короба и дѣлали на нихъ кресты, чтобы не похитилъ опять *дѣдко*.

Эти охоты за углями или старанія, какъ онѣ назывались, продолжаться не могли, а потому мы очень скоро опять дули въ кулакъ, пока намъ не выдали для топлива часть каната; мы жгли все, не исключая и своего бѣлья.

Было около двухъ часовъ. Въ аріергардѣ людей было не много, ибо изъ комплекта на лицо ихъ ужъ состояла половина, а сейчасъ на конѣ только 16 человѣкъ, и тѣ едва тащились изволокомъ въ гору, съ безпрестанной остановкой по той причинѣ, что верблюды падали, ихъ поднимали мы, перевьючивали и отправляли десятками опять въ колонну, порой десятками же, и бросали среди степей. Отойдя сто шаговъ, они опять ложились, опять начиналась работа. Въ одной группѣ верблюда безпощадно бьютъ, а онъ жалобно стонетъ; въ другой — истощивъ всѣ средства, казаки съ какимъ-то остервененіемъ его тыкаютъ въ ребра пиками; тутъ поютъ на разладицу хоромъ ему въ уши пѣсню:

Подними, подними, верблюдъ, ногу!...
А я скажу: славу Богу...
Подними, подними и другую,
И я тебя поцалую...

и многія другія. Тамъ насыпаютъ ему овесъ и даютъ лепешки изъ муки, разведенныя въ своей уринѣ. А здѣсь ужъ ничего не дѣлаютъ, никакихъ не принимаютъ и средствъ. Это заставило меня спросить ихъ:

— Что вы, братцы, не поднимаете верблюда?

— Да ужъ не знаемъ, сударь, что и дѣлать съ нимъ; развѣ свои ноги вставить, — и не шевелится, только хлопаетъ глазами, да стонетъ.

Опять слѣзаю, кажется въ двадцатый разъ, болѣе, чтобъ поощрить людей словами.

— А ну-ка, вытащите ногу. Здѣсь васъ шестьдесятъ богатырей (ихъ было шестеро)—сладимъ чай? Вытащили ногу. Но увы! Замерзающая сукровица, изъ его природныхъ башмаковъ, показывала, что давно подошвы подпоролись. Какъ быть? Посмотрѣвши въ колонну, я видѣлъ, что средина ея давно скрылась изъ глазъ; терять времени нельзя—до ночлега далеко, не дай Господи буранъ и ночь! а мнѣ еще надо служить. Запасныхъ верблюдовъ не ведутъ, а этого бѣднягу слѣдуетъ оставить, — онъ съ честью палъ на отмороженные свои ходули, чтобъ голодному замерзнуть.

Повѣривши разсудкомъ свою рѣшимость, я приказалъ при себѣ разобрать вьюки, чтобъ, раздѣливши на руки поровну людямъ, доставить кладу скорѣй въ отрядъ, ибо на ярлыкѣ коробовъ, хорошо закупоренныхъ и обшитыхъ войлокомъ, ясно виднѣлась надпись: *«стопы текущихъ дѣлъ подъ №№ 5, 15»*. Подъѣхалъ ротмистръ Л. и добавилъ на мое распоряженіе, что больше и дѣлать нечего, только пусть перевяжутъ веревками, чтобъ не отморозить рукъ, и уѣхалъ къ другой кучкѣ.

Но каково было наше удивленіе, когда вмѣсто бумагъ мы нашли колбасы, бульонъ, сардинки, макароны, маринованые грибки, кофе, сахаръ, дробь всѣхъ сортовъ, булочки, вино и только двѣ дести бѣлой бумаги. Это дѣло-казусъ! Весело и страшно стало. Я послалъ объ этомъ доложить и получилъ приказъ какъ нибудь везти, а не бросать. Подъѣхали и офицеры, похохотали прежде всего, потомъ кое-какъ положили на сѣдла и поѣхали. Разумѣется, съ голодухи выпили кое-что и закусили кое-чѣмъ за здоровье хозяина, солдаты тоже. Обернувшись, я увидалъ, что одинъ изъ нихъ, покраснѣе другихъ, покрытый точно гусинымъ саломъ, облизывается, поправляя пику за плечомъ, чтобъ не уронить и новую тягу свою; спрашиваю:

— Что ты ѣшь, не гусиное ли сало?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ казакъ, деревянное, говорятъ. Держать неловко больно, скользитъ, такъ я и убавилъ.

— То-то же! Чтобъ было цѣло, я тебя повѣрю. Въ самомъ-то

дѣлѣ я запрещалъ ему ѣсть, чтобы не сдѣлалась какая болѣзнь; а только скажи голодному, что онъ объѣстся,—не повѣритъ.

Смеркалось; хотя мы торопились, но далеко отстали. Ко мнѣ подъѣхалъ Сопинъ.

— А что, сударь, вы надъ этимъ добромъ вѣдь хозяинъ теперь, куда дѣнете товаръ-то?

— Не знаю, кому это принадлежитъ. Не отыщется и до завтра, пожалуй. А мнѣ на аванпосты очередь сегодня.

— Да не раздать ли остатки-то больнымъ?.. и кончено.

Хотѣлъ ему отвѣтить: «ты, демонъ, научишь»; да какъ-то не хватило духу осудить его доброе внушеніе.

— Можно. Да какъ это сдѣлать? сказалъ я.

— Конечно и сдать бы можно, кабы не было обману написаннаго на ярлыкѣ. А теперь надо угостить больныхъ.

— Ужо увидимъ, какъ устроить.

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда мы доѣхали до караула, изготовленнаго на аванпосты; я велѣлъ принять Сопину остальныхъ людей съ вещами и отвести въ эскадронъ, а самъ направилъ команду, уже снабженную имъ закуской, по окраинѣ песчаныхъ холмовъ.

Ночь была парадная... тиха, морозна и темна. Около моей цѣпи вскорѣ показалась пѣхота. Она искала подъ снѣгомъ корешковъ для топлива. Изъ штаба ѣздили патрули безпрестанно. Какая-то непонятная тоска шептала, что меня слѣдятъ. Я удвоилъ бдѣніе. Корешки были, а огня разводить не позволено. Ну! такъ и быть!.. не надо. На всякій случай, я обратился съ просьбою къ солдатамъ, занимающимся ботаникой, чтобы они крикнули «ахъ». когда кто отдѣлится верхомъ изъ отряда, и съ помощію этого сигнала всегда встрѣчалъ патрули ружьемъ почти въ упоръ.

Съ зарею, когда снялась цѣпь, подъѣхалъ адъютантъ К-скій и приказалъ мнѣ слѣдовать за собой. Въ то же время въ моей командѣ какъ-то замѣшался лишній человѣкъ. Онъ сказалъ мнѣ: «намъ бѣда,—короба ищутъ». Я молчалъ. Не куривши ночью трубки, чтобъ

не замѣтилъ непріятель искры, теперь я набилъ ее и зажегъ у К-скаго. Хотя лошади тонули въ снѣгу, мы ѣхали широкимъ шагомъ: онѣ торопились, вѣроятно, покушать.

— Что за таинственность такая, все думалъ я; К-скій молчитъ, точно языкъ проглотилъ. Ужъ не его ли тѣ дѣла-то были? Чай всю ночь не спалъ, бѣдняжка!.. Спрошу кстати съ участіемъ:

— Вы ночью у насъ были?

— Что [illegible]о! (вѣрно его были макароны).

— Помнится—вы ночью на аванностахъ были.

— Да, я дежурный былъ, отвѣчалъ онъ зѣвая.

— А! смѣниться надо,—понятны мнѣ твои страданья, подумалъ я.

Мы въѣхали въ колонну, я спросилъ опять:

— Людей прикажете послать домой?

— Домой, а вы за мной, къ Перовскому.

Бойко, какъ-то отчаянно соскочивши съ лошади, когда мы остановились у дверей большой бѣлой кибитки съ краснымъ флагомъ, я наскоро обтеръ иней съ глазъ моей лошади, отдалъ ее казаку и взошолъ въ кибитку. Въ ней было не только тепло, но жарко, какъ у всѣхъ въ штабѣ. Подлѣ дверей калилась желѣзная печка, какъ-то задорно трещали дрова. У стола была кроватка складная, на ней сидѣлъ т.-а. Перовскій.

По входѣ въ кибитку, я отрапортовалъ о состояніи цѣпи. Генералъ кивнулъ головой; въ чертахъ лица его сосредоточивалась проницательность:—взгляните внимательно на портретъ работы Брюлова—и вы согласитесь со мною.

Угрюмо, грозно, что къ нему очень шло, спросилъ онъ меня:

— Гдѣ короба съ дѣлами?

— Дѣлъ, ваше в. пре-во, не было, а съѣстные припасы, я велѣлъ раздать больнымъ.

Онъ еще болѣе сдвинулъ брови, еще болѣе раздвинулъ ноздри сухаго правильнаго носа, завернулъ усъ, перекинулъ ногу и повторилъ съ разстановкой:

— Какіе съѣстные припасы?

Видя, что ему доложено что-нибудь не такъ и сообразивши, что въ другой разъ не представится случая хорошенько объяснить о нашемъ бытѣ въ аріергардѣ, я, не отвѣчая прямо на вопросъ, сказалъ ему:

— Вчера было брошено 120 верблюдовъ, совершенно изнуренныхъ и не могшихъ идти далѣе. Съ нихъ 110 вьюковъ было переложено на другихъ и отправлено въ колонну. Послѣдніе десять верблюдовъ упали, когда уже не было болѣе запасныхъ верблюдовъ и не на кого было перевьючить кладу. Вслѣдствіе этого покинуто въ степи шестьнадцать четверт. провіанта (восемь вьюковъ). На девятомъ вьюкѣ я прочиталъ ярлыкъ: «текущія дѣла» и просилъ разрѣшенія эскадроннаго начальника, тутъ же находившагося,— какъ поступить съ вьюкомъ. Онъ приказалъ мнѣ вскрыть вьюки и везти на сѣдлахъ бумаги; но вмѣсто нихъ оказались тамъ: столовое вино, варенье, колбасы, сухари и проч., а на днѣ деревянное масло. Зная по себѣ, какъ люди измучены и голодны, и расчитавши, что если имъ отыскивать хозяина этихъ лакомствъ, то пришлось бы не спать всю ночь, я приказалъ казаку Сопину раздать все это больнымъ, а самъ занялъ аванпосты. Бумаги же было только двѣ дести, и то не писанной.

Въ продолженіе моего разсказа лицо его то хмурилось, то прояснялось, и глаза были полны вниманія. Съ послѣднимъ словомъ онъ позвалъ Габбе, своего адъютанта, и приказалъ ему пойдти со мною и отобрать у больныхъ деревянное масло. Дорогой адъютантъ хохоталъ отъ души надъ мнимыми дѣлами. Мы взяли Сопина и многое отыскали еще цѣлымъ, но вмѣсто масла оказался швейцарскій сыръ. Когда возвратились опять къ генералу, то я добавилъ, что мнѣ сказалъ объ этомъ казакъ, и что я не интересовался разузнать, что именно у него скользитъ въ рукахъ.

Всѣ эти припасы опять было велѣно отдать больнымъ. Они насъ благодарили такъ, какъ ни кто и никогда, за эту нечаянную милость, цинготные въ особенности. Тогда въ отрядѣ больныхъ было болѣе 600 человѣкъ.

Когда Габбе несъ эти припасы колоннаго начальника, послѣдній вышелъ отъ корп. ком., видимо недовольный; усы его шевелились, кажется, противъ желанія; глаза вертѣлись вокругъ вѣкъ и гармонировали шипѣвшей фразѣ:

—Ну, надѣлали же вы тревоги намъ! и подбоченясь сказалъ къ Д—му скороговоркой:

— А какая славная, братъ, мадера у него везлась, да этакой никогда не подавали и въ нашу штабную кибитку генерала, и прибавилъ тише: вѣрно разсчитывалъ выпить ее одинъ—Ц-ій, вѣдь этотъ вьюкъ-то его былъ, только ужъ молчитъ.

Д—скій, до этого свирѣпый, теперь хохоталъ, точно его щекотали безъ отдыху, приговаривая: «Вотъ ужъ не въ коня-то кормъ,— ему досталось (указалъ на меня)—онъ и толку въ ней не знаетъ... ха! ха! ха!... ступайте!»...

Какъ я ни обезсилѣлъ отъ всѣхъ мытарствъ и изнуренія, плетясь въ свою джуламейку, но все еще не оставляла меня мысль и невольно раждались вопросы: Отъ чего это изъ такого огромнаго штаба мы видѣли около себя только двухъ человѣкъ—Габбе и Краббе?.. Отъ чего это только у этихъ чудно-милыхъ, всегда веселыхъ товарищей солдатской жизни, въ такомъ суровомъ походѣ..... въ глазахъ мелькаетъ осмысленная доброта?

И дѣйствительно, своей готовностью пособить ближнему—кто бы онъ ни былъ, жертвуя своими силами, своей изящной, вѣжливо-находчивой манерой, они отличались отъ всѣхъ другихъ. Прежде мы о нихъ только слышали; но здѣсь, встрѣтивши въ нихъ столько чистой правды и симпатіи, мы всѣ, отъ офицера до солдата, посреди всѣхъ лишеній, невольно забывали свою усталость, когда они завертывали и подымали кошомку (войлокъ) у входа нашей дырявой джуламейки съ фразой: «дайте отдохнуть.»

Я возвратился домой; тамъ собралось много народу; замѣтивши, что я хочу ложиться, одинъ изъ офицеровъ сиплымъ голосомъ спросилъ и засмѣялся:

— Ну что?

— Ничего, отвѣчаю. Видѣлъ, что есть еще люди, есть и Богъ; я перекрестился и легъ. Мнѣ начали надоѣдать разспросами. Одинъ комически:

— Не хочешь ли, братъ, тру.... бочки?... а?.. Второй голосъ:

— Поди-ка! за ночь какая перемѣна—гордится....

Третій шепотомъ:

— Не хочешь ли яицъ въ смятку?

На жалобу мою, что смертельно клонитъ сонъ, не обращали и вниманія; а напротивъ—начали ворчать.

Въ это время вошелъ вахмистръ съ озабоченнымъ лицомъ; подкладывая корешки, вырытые изъ-подъ снѣга нашими казаками, махнулъ на меня рукавицей и спросилъ:

— Спитъ?

— Нѣтъ, отвѣчали ему, молчитъ, точно послѣ исповѣди.

Дѣлать было нечего; я всталъ и удовлетворилъ короткимъ разсказомъ ихъ любопытство, и тогда они заключили, что самъ Карлъ Карловичъ не могъ бы выдумать лучше. Кто, по ихъ мнѣнію, былъ Каралъ Карл.? я не спрашивалъ, да и они бы не отвѣтили. Наконецъ сжалившись, уложили меня спать

ГЛАВА XVII.

Столбнякъ.—Смерть Силочки.—Рыба вмѣсто дровъ.—Ахбулакское укрѣпленіе.—Приказъ по отряду 1-го февраля 1840 года.

Въ эти переходы отъ Эмбы до Ахбулакскаго укрѣпленія, кромѣ лошади и боевой аммуниціи, съ десяти-дневнымъ продовольствіемъ на каждаго человѣка и его лошадь, мы не выпускали изъ рукъ мотыги и лопаты; нельзя было сдѣлать и двухъ шаговъ безъ этихъ орудій. Изнурившись до одурѣнія, въ двѣнадцать и четырнадцать часовъ похода проходили пять — шесть и много семь верстъ. Сухари съ припекой обдирали ротъ. Баранины для кашицы, даже и меду для сбитня было достаточно; но не только ею питаться, и смотрѣть-то на это мерзлое мясо—было отвратительно, а доварить не на чемъ. Начальники заходили въ кибитки и разговаривали ласково съ нами. Верблюды истощились совершенно, сколько отъ безкормцы и тяжелыхъ ношъ, столько же и отъ неумѣнья солдатъ и казаковъ, непріученныхъ заранѣе обращаться съ ними. Кто не согласится, что необходимость насъ заставляетъ изучать верховую лошадь и управленіе ею. Дѣльные кавалеристы—послѣдователи Бабинскаго, Гериньера и Ланскаго—сравниваютъ очень удачно это занятіе съ музыкой. Если надо приложить умѣнье работать и на волахъ, то тѣмъ болѣе нужно бы было предварительно ознакомиться съ этими животными, назначенными бороться въ глубокомъ снѣгу, въ жесточайшей стужѣ, съ вѣтромъ и буранами.

Вставши отъ сладкаго сна въ два часа ночи, какъ это было всегда, не смотря ни на какую погоду, мы — одни начинали вьючить верблюдовъ, другіе сѣдлать лошадей, или докармливать ихъ, если есть чѣмъ; третьи разбирали кибитки, искали чѣмъ-нибудь привязать необходимое — словомъ, адъ съ пѣснями первой ночи во все продолженіе похода кипѣлъ во всемъ своемъ разгарѣ. Повторяю, что все это начиналось, когда барабанщики кончатъ стучать въ свои мѣдныя кадушки, и несчастный трубачъ оборванными губами еще не вытянетъ послѣдней ноты на своемъ перемятомъ инструментѣ; тогда мы, лежавшіе въ снѣгу, обнесенные имъ и переплетенные руками или ногами съ товарищами, чтобъ разбудить другъ друга, вскакивали всѣ разомъ. Но теперь къ суетливой этой картинѣ прибавилось два трупа внутри нашей джуламейки — и лица многихъ подернулись грустью.

Почти все окончено и уже ждали, что огласится отрядъ сигналомъ — *сборъ*. Изъ задней шеренги кто-то вскричалъ: «всталъ!»... а за нимъ десятокъ голосовъ: «проснулся, проснулся, слава Богу!»

Вахмистръ, размахивая распростертыми руками, не шагалъ, а летѣлъ со всегдашней фразой:

— Али пôдо, какъ вы это прôспали, уже трубачъ дâвно страмиться пересталъ.

Сказавши въ отвѣтъ: — «У меня слабость и головная боль», больной опять упалъ на сѣдло головой, другой еще не просыпался.

Мнѣ съ Кноб. велѣли остаться, чтобы помѣстить больныхъ офицера и казака въ лазаретъ; между тѣмъ эскадрону скомандовали: «садись». Мы остались одни и условились упросить смотрителя госпиталя положить офицера въ лодки, а теперь дать ему дозу воды съ гофманскими каплями (у Кноб. онѣ вседа были въ запасѣ), а потомъ за этими же каплями — спирту, и не пугать, что съ нимъ былъ столбнякъ, т. е. безпробудный сонъ два дня, какъ и съ Силочкой, лежавшимъ подлѣ него. Къ послѣднему тоже подходилъ Кноб. Но всякій разъ вздыхалъ, дѣлая гримасу и выставляя нижнюю губу, говорилъ про себя: «сомнителенъ». Наконецъ, вспомнив-

ши, что живые должны подумать о живыхъ, онъ налилъ на сухарь спирту и далъ съѣсть его офицеру; а самъ, выпивши нѣсколько глотковъ спирту, началъ разспрашивать его, не видалъ ли онъ чего во снѣ?

— Спасибо тебѣ, что захворалъ, и главное, что проснулся, началъ онъ,—мы отдохнемъ немного въ ожиданіи адмирала Бодиско съ флотомъ такелажа —(и опять выпилъ). Набивая снова свою трубку, онъ обратился ко мнѣ: Ну—ка! вырубай огня. А мы пройдемся.—Потомъ, живо вскочивши, не слушая меня, онъ поднялъ больнаго и велѣлъ ему держаться за шею и сѣдло лошади, а самъ повелъ ее. Сдѣлавши нѣсколько вольтовъ по чистому мѣсту, гдѣ стояла кибитка,—«вотъ и будетъ», сказалъ онъ, затыкая поводъ уздечки своей лошади за портупею, взялъ трубку у меня и, утирая рукавицей свой сухой длинный нѣмецкій носъ, продолжалъ: «Вотъ и самоваръ поданъ, и польское прошлись, такъ по этой причинѣ?»... и обратился ко мнѣ за отвѣтомъ.

— Не хочешь ли еще выпить? сказалъ я уже сердито.

Офицеръ засмѣялся.

— А вѣдь хорошо.... что ты... проснулся.... братишко положимъ вакансіи бы не открылъ—молода!... но... однако... только молодость-то и разбудила тебя, а то бы на ночлегѣ и марширъ нахаузъ; помнишь, какъ мы третьяго дня спрятали. Этотъ еще физикъ прочиталъ имъ три раза Троицу и Отче нашъ, даромъ одинъ былъ татаринъ. Впрочемъ, его положили на верхъ немного, чтобъ скорѣе волки съѣли. А я саблей поставилъ крестъ; знаешь, какой вышелъ памятникъ—и дешево, и прочно, значитъ...

Вотъ и лодка. Мы подняли офицера, усадили на лошадь коекакъ и довезли едва-едва, да едва-едва сѣлъ и Кн. Онъ былъ отличный по эскадрону ѣздокъ, училъ всегда къ веснѣ, т. е. по окончаніи всего манежнаго курса волтижерству, разумѣется, переломивши одинъ разъ ногу себѣ, а въ другой разъ — среднiй палецъ на правой рукѣ, и потому онъ у него всегда былъ какъ-то вверху, когда онъ задумывался и вертѣлъ свой усъ, бывши неблаго-

получнымъ, какъ изъ деликатности называлъ его пьянаго вахмистръ.

Когда мы уложили своихъ больныхъ, одного въ лодку между двоихъ безногихъ, а другаго въ койку, къ намъ подъѣхалъ Вас. Ал.; при немъ былъ Ці—скій. Значитъ и онъ занимается разговоромъ съ нашимъ 100°-то морозомъ, говорили мы, перемигнувшись между собою: ибо, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи около него ѣхали Даль, Ма—въ, или Ар—въ. Мы навѣстили своихъ, едва отыскавши ихъ въ 700 кажется койкахъ (потому что изъ другихъ колоннъ тоже присылались къ намъ).

Когда мы возвратились къ эскадрону, на насъ всѣ заворчали, хотя всякій изъ нихъ навѣрное сдѣлалъ бы тоже, чтобъ хотя одинъ день не быть въ авангардѣ. Выслушавши все и не желая продолженія, я передалъ приказаніе, чтобы прислать шесть человѣкъ съ лопатами. И все утихло. На меня взглянули съ вопросомъ: А что Силочка? я отвѣчалъ: «спитъ».

Въ лазаретѣ мы выпросили углей, распустили на большой сковородѣ мерзлой, прежде жареной съ перцемъ, капусты. Потомъ я опять поѣхалъ къ нашему Силочкѣ. Тамъ уже было человѣкъ пятьдесятъ нашихъ и всѣ офицеры. Фельдшеръ, не смотря на грустныя лица окружающихъ, не принималъ ни какого участія. Спицынъ уже умеръ. Здѣсь была дневка; мы сыскали ямку. Грунтъ былъ, къ счастію, песчаный, и, вырывши могилу, похоронили его съ молитвой. Мнѣ было жаль его.

Отсутствіе общей нашей няньки — Силы Спицына — очень замѣтно было въ артели. Тутъ даже припомнили имъ спитые изъ овчиннаго тулупа большіе чулки, которые онъ давалъ надѣвать нуждающимся ежедневно по очереди. Потомъ самъ сушилъ ихъ, когда разводился огонь, хотя бы его доставало только распустить снѣгъ для воды. Экономію въ топливѣ онъ всегда сопровождалъ бранью, что не придумали и кизяку-то припасти въ такую стужу. Изобрѣтенное имъ слово *постараться*, т. е. гдѣ нибудь и какъ нибудь, хотя бы украсть топливо, наводило теперь на душу грусть и тоску. Онъ сдѣлалъ большое знакомство съ деньщиками и дво-

ровыми въ походѣ. Бывало схватитъ чайникъ, набьетъ снѣгомъ и бѣжитъ разогрѣть около ихъ печки, приговаривая: «у нихъ топится даромъ, а мы за это платимъ здоровьемъ, а иногда и жизнью; право, всѣ наши теперешніе грѣхи у нихъ на душѣ».

Въ тотъ же день вмѣсто него взятъ былъ къ намъ Тобольской губерніи и уѣзда разбитной казакъ Щукинъ. Это былъ презимистый вершковъ шести малый. Отвратительно изрытое оспой и черное, какъ у мулата, лицо его покрыто было ужасными болячками. Онъ вездѣ участвовалъ въ разговорахъ, не забывая своего дѣла. Говорилъ даже съ собой скороговоркой, когда ему запрещали мѣшаться; но никогда не сердился. Слова «не умѣю» онъ не зналъ. Но все таки не могъ замѣнить намъ Силочки: такъ мы съ тѣмъ сроднились.

Такъ проходилъ день, за нимъ другой. Отвратительные, гг., дни, когда вставши боялись ночи, и ночью содрогались мысли отморозить на ночлегѣ что нибудь. Завтра тоже. Изъ этихъ дней усталости и дрожи составлялись безконечныя недѣли. Мы только другъ друга спрашивали: Что жъ это за жизнь? Долго ли она продлится? но отвѣта не было. Колонные начальники, тоже не видя того покоя, въ которомъ они выросли, и принужденные часто сталкиваться съ безпорядками, утрачивали силу владѣть собою. Они часто начали перемѣняться, отыскивая другъ въ другѣ какія нибудь неудачныя распоряженія, докладывали иногда съ преувеличенною важностію о всемъ корпусному командиру, и тѣмъ раздражали послѣдняго. Начались интриги и ложились всею тяжестью на маленькихъ людей, какъ бы для того, чтобъ доказать пословицу: «когда паны дерутся—у хлопцевъ чупы болятъ». Бывши на ординарцахъ у его п—ства и пріѣхавъ усталый, я тотчасъ былъ посланъ на его лошади съ приказаніемъ, и догналъ В. Ив. Даля, смотрѣвшаго въ подзорную трубу.

На вопросъ мой: Что вы смотрите?

Даль отвѣчалъ: — Да любуюсь нашимъ моремъ и думаю, о пословицѣ: Зачѣмъ никто изъ насъ не былъ здѣсь прежде;

зачѣмъ не спросясь броду, сунулись въ эту воду. Подъѣхалъ Чихачевъ. Вл. Ив. продолжалъ: «Я вспомнилъ сказку: Если прямо пойдешь, дороги не найдешь. Направо повернешь—въ море упадешь, а налѣво свернешь—къ Царевичу попадешь. Кому нибудь и будетъ это суждено, да не намъ».

На переходѣ отъ Эмбы день былъ тихъ и флюгеръ у пики не колыхался. 45° морозъ ковалъ поры всего тѣла. Впереди немного отъ нашего пути вправо показался, клубясь въ синевѣ неба, столбъ. То былъ горячій ключъ, и паръ этого подземнаго кипятилища, рисуясь предъ нами болѣе сутокъ, пока дорога была ровная, соблазнительно манилъ къ себѣ наше воображеніе и дразнилъ прихотливыя желанія солдатъ. Здѣсь только и было разговоровъ у всѣхъ о теплѣ. Нашъ Щукинъ говорилъ, что тамъ баню топятъ. А Сопинъ его просилъ—горячей воды ему оставить, чтобы свиней ошпарить.

Ночью, когда все улеглось, охотники звали меня туда справиться, нѣтъ ли хотя тамъ апельсиновъ? Но я предпочелъ этому теплу, намозолившему глаза, ужинъ. Вода была очень вредна и двое изъ любопытныхъ умерли поносомъ.

Пѣхота и уральцы справляли, какъ тогда называли,—багренье сухопутнаго рыболовства; этотъ праздникъ устроился неожиданно.

Дни за два передъ этой ночью, когда валилъ большими хлопьями снѣгъ, два уральца и два пѣхотинца пошли постараться, какъ выражался покойникъ Силочка, т. е. что нибудь найти сжечь. Всѣ спали. Вездѣ было тихо. Только у кибитки корп. ком. что-то рубили. Они туда. Дорогой предварительно сговорились—одному спросить кибитку моряка Б., чтобъ отвлечь топоръ отъ дѣла. Когда дровосѣкъ отошелъ, двое другихъ накрыли рубленную плаху шинелью, схватили ее на плеча и ушли. Проходя цѣпью, на окликъ часовыхъ, они отвѣчали: «несемъ тѣло»! (хоронить было приказано ночью). Но каково же было удивленіе похитителей, когда они, возвратясь домой, открыли вмѣсто полѣна большаго осетра. Сперва они испугались и не знали что дѣлать. Нести

назадъ было страшно, по этому, разрубивши на части, спрятали въ снѣгъ а сегодня сварили уху и кой-кого пригласили на ужинъ.

Но вотъ урочище Чучкакуль (свиное озеро). Еще переходъ — и колонны наши достигли Ахбулакскаго укрѣпленія. Оно также, какъ и оставшееся позади насъ Оты-Якши, на р. Эмбѣ, было устроено изъ земли, на предметъ склада запаснаго провіанта. Земляныя работы эти производились большею частію башкирцами, отправленными сюда прошлой весной на 30,000 троекъ ихъ собственныхъ лошадей. Мы были еще въ Оренбургѣ, когда они возвращались осенью изъ степи. Бросивши изнуренныхъ лошадей, или зарѣзавши ихъ, чтобъ не умереть самимъ голодомъ, большая часть изъ нихъ дошла до Илека или Урала пѣшкомъ въ госпитали, не имѣя ни силъ, ни средствъ слѣдовать далѣе въ свои кантоны. Мы не вникали тогда много въ ихъ положеніе, будучи заняты своимъ дѣломъ. И потому пусть память о нихъ, какъ о крестоносцахъ XII вѣка, покоится до позднѣйшаго историка.

Расположась на отдыхъ на Ахбулакѣ, мы услышали жалобы вожакъ, что по случаю приближенія весны верблюдамъ приходитъ время естественнаго удовлетворенія; а такъ какъ не было ни надлежащаго числа матокъ, ни хорошаго корма, то очень часто ихъ ярость доходила до бѣшенства и оканчивалась опять таки смертію. Они были такъ свирѣпы, что бросались кусать людей.

Недостатокъ верблюдовъ поднять необходимый запасъ провіанта былъ весьма ощутителенъ, а потому мы принуждены были здѣсь развѣять по воздуху сотни четвертей муки, и сухари вмѣстѣ съ артиллерійскими снарядами топить въ проруби. Для не менѣе затруднительнаго обратнаго пути оставалась одна только надежда на продовольствіе, сложенное на Эмбѣ. Здѣсь мы узнали, что корнетъ Аитовъ, командированный за сборомъ верблюдовъ съ киргизъ, былъ захваченъ ордынцами Адаевскаго рода, связанъ по рукамъ и ногамъ и отведенъ къ хану въ Хиву.

Здѣсь получены были донесенія: первое, что суда, отправленныя прошлою осенью съ провіантомъ изъ Гурьева-городка въ

Ново-Александровское укрѣпленіе, по Каспійскому морю, чтобы обезпечить существованіе отряда въ Хивѣ, всѣ были разсѣяны, частію разбиты бурею, а частію *замерзли*, и провіантъ этотъ сдѣлался добычею хищниковъ, отъ чего отрядъ былъ лишенъ двухмѣсячнаго запаса. 2) На циркулярное предписаніе корп. ком. о числѣ и состояніи здоровья верблюдовъ, 31-го января получены были смѣлыя и правдивыя донесенія отъ колонныхъ начальниковъ о малочисленности и негодности верблюдовъ.

Коровъ всѣхъ перерѣзали (для ростбифа), доить было некого: сливокъ къ чаю не подавали даже корп. ком.; телята отъ мороза передохли; вожаки просили милостыни по кибиткамъ. Вино изъ погребовъ Леве и Депре, запасенное въ штабѣ, замерзло, да и то уже израсходовалось.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, начальство убѣдилось, что безусловная гибель остатковъ отряда въ снѣжныхъ степяхъ, при такомъ мучительномъ морозѣ, окончательно безполезна, и что продолженіе пути при очевидной невозможности безразсудно!... а потому 1-го февраля по отряду былъ отданъ приказъ сбираться въ обратный путь.

Вотъ содержаніе приказа за № 492:

«Товарищи! скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ, съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить Царскую волю. Почти три мѣсяца сряду боролись мы съ неимовѣрными трудностями, одолѣвая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокую зиму отъ бурановъ и непроходимыхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, заваливщихъ путь нашъ и всѣ кормы. Намъ не было даже отрады встрѣтить непріятеля, если не упоминать о стычкѣ, показавшей всеничтожество его. Не взирая на всѣ перенесенные труды, люди свѣжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно только намъ измѣнило: значительная часть верблюдовъ уже погибла, остающіеся обезсилѣли, и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ

ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ побѣды, но должно возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній Государя Императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе.

«Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго, при всѣхъ переносимыхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій Государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всемъ.»

Подписалъ: «Ген.-ад. Перовскій».

Каждая смѣна аванпостной службы на Ахбулакѣ приходилась черезъ шесть часовъ. Но чтобы промерзнуть до костей иногда достаточно было и трехъ. А если хочешь согрѣться, такъ топчи допотопныя ракуши на высокомъ бугрѣ. Въ окрестностяхъ здѣшнихъ былъ и камышъ. Денно и нощно топился чернѣвшійся сонный отрядъ. Скука страшная. И вотъ, какъ бы для развлеченія, ваши глаза ищутъ непріятеля. Ночью одинъ другъ-конь подъ вами дѣлитъ душу, понуривъ голову, да сверху луна привѣтливо смотритъ и щедро для всѣхъ—пріятелей и враговъ— разливаетъ свой свѣтъ. Тутъ-же безпрестанно представляется игра безчисленныхъ алмазовъ, яркимъ сіяніемъ пронизывающихъ синеву около Большой Медвѣдицы. Но за всѣмъ этимъ видимое гармоническое единство тишины съ роскошнымъ освѣщеніемъ заражаетъ васъ грустью. Однако надобно сообщить что нибудь и объ укрѣпленіи нашемъ.

Оно имѣло тотъ же страшный траурный и холодный видъ, какъ и укрѣпленіе ур. Оты-Якши на Эмбѣ. Оба эти укрѣпленія, хотя совершенно намъ безполезныя, всегда очень упорно могли-бы выдержать какую угодно аттаку, оборонясь перекрестнымъ огнемъ и здоровымъ гарнизономъ. А Ахбулакское было еще усилено редюитомъ, съ барбета котораго всегда были готовы плюнуть картечью въ лицо хивинцевъ. Но гарнизона мы уже не застали —люди, бывшіе въ составѣ его, болѣе походили на тѣни, они

сдѣлались жертвою климата и горько-соленой воды родниковъ. Израненные охотники изъ роты П. Ерофѣева, герои, защищавшіеся противъ 4,000 хивинцевъ, имѣли кое-какой видъ.

Они къ намъ заходили нерѣдко угоститься; на пяти человѣкахъ виднѣлись прицѣпленные Георгіевскіе кресты. Одинъ изъ этихъ кавалеровъ былъ на костыляхъ, а прочіе быстро очищали вакансіи для будущихъ охотниковъ идти на вылазку или на штурмъ.

Взводъ смѣнился со службы; солдаты привязывали къ коновязы. А я, заглянувъ въ нашу джуламейку и не видя въ ней никого спросилъ линейнаго часоваго:

— Что это значитъ что никого не видать? Да здѣсь мнѣ кажется пахнетъ дымомъ?

— Какже-съ, сегодня намъ безъ зачета на весь эскадронъ выдавали три сажени морскаго каната для кашицы. Маіоръ Дав— скій посланъ разсмотрѣть въѣзды на Усть-Уртъ, а остальныхъ погнали въ крѣпость съ лопатами, расчищать отъ снѣга лазареты. Слышно, туда ѣдетъ сегодня «самъ», инспекторскій смотръ дѣлать.

Отыскавши въ рукавахъ чьего-то полушубка, тщательно завернутые въ него, котелокъ съ теплой кашицею и чайникъ, я совершенно убѣдился въ пріятномъ для меня разсказѣ часоваго. И только что запилъ послѣднимъ глоткомъ чая уже подмороженыя щи, мечтая что буду отдыхать на просторѣ, какъ услыхалъ:

— На плечо ходи, братецъ.

Выскочивши изъ джуламы, я увидѣлъ г.-л. Толмачева верхомъ.

— Здраствуйте, Ива—въ, что это у васъ лошади дома и въ коновязяхъ? поздоровавшись спросилъ заботливо генералъ.

— Онѣ только что смѣнились съ аванпостовъ. До отгона на тебеневку я приказалъ покрыть и облегчить ихъ, ваше превосходительство.

— Вотъ какое обстоятельство, мой любезнѣйшій, сейчасъ я здѣсь слышалъ, что кор. ком. ѣдетъ въ крѣпость. Пожалуйста по-

Дозв. ценз. СПб 25 Іюл 1873.

ШТАБЪ И СЛѢДОВАНІЕ ПѢХОТЫ НА ВЕРБЛЮДАХЪ.

Тип. и Лит. А. Траншеля Стремянная 12.

ѣзжайте сами, предупредите полков. Гекке. Они тами ничего не знаютъ.

Пока я поправилъ сѣдло и садился, его п-во, смотря въ трубку, продожалъ:

— Вонъ свита уже готова. Василій Алексѣичъ отдаетъ приказанія . . . Габбе куда-то ѣдетъ, прощается съ г. Краббе, а тамъ вѣрно пѣхотою пріучаются новые верблюды. Вы поѣзжайте мимо, взявши влѣво отъ нихъ, черезъ аулъ султана, иначе вы будете позади ихъ, и не успѣете.

Я побѣжалъ на рысяхъ; благополучно выбираясь отъ нихъ, оглядывался не садятся ли, и, оглядываясь назадъ, не замѣтилъ, какъ моя лошадь пошатнувшись сбилась съ тропы, провалилась, а подъ снѣгомъ вѣроятно была яма. Она упала, но вскочивши потащила лѣвую переднюю ногу. Испугъ мой потерять коня былъ безъ границъ.

Дотащивши ее-кое-какъ до кибитки султана, я взялъ тамъ чью-то привязанную безъ сѣдла лошадь, и, исполнивши приказаніе, возвратился къ моему хромому другу. Кругомъ ея стояло нѣсколько киргизъ. Султанъ подалъ мнѣ руку и, съ участіемъ покачавъ головою, сказалъ:

— Ну! не тужи, не горюй, а разскажешь послѣ, какъ эта бѣда тебя постигла. Когда мнѣ сказали, что кто-то угналъ лошадь, такъ я было приказалъ на этой и догнать мѣнялу, а вышедъ изъ кибитки, я узналъ больнаго *Сайгака* и послалъ за коноваломъ. Я обѣщался подарить ему лошадь, если онъ твою вылечитъ. И онъ берется. Мой совѣтъ, рѣшайся. А вашъ коновалъ будетъ ее валять и мучить ее дерганьемъ, я уже видалъ это. — Схвативъ поводъ, я передалъ его коновалу въ знакъ согласія.

Мы пошли за киргизомъ; коновалъ, отведя лошадь, на длинномъ арканѣ пустилъ ее въ глубокій снѣгъ. Киргизы съ крикомъ погнали ее нагайками, и, послѣ страшныхъ усилій, лошадь, выбившись на безснѣжное мѣсто, встряхнулась, фыркнула и осмотрѣла всѣхъ. Ощупывавшій вывихнутое плечо коновалъ засмѣялся отъ удо-

вольствія и утвердительно вскричалъ: «*Шулай* (ладно), нога на мѣстѣ». Скомандовалъ, чтобъ ее повалили; а самъ закурилъ трубку изъ простаго табаку, набравъ дыму, вставилъ чубукъ въ проходъ и, выпустивши дымъ изо рта, крѣпко его зажалъ рукою. Чрезъ $^1/_4$ часа лошадь была распутана. Она очень вспотѣла; послѣ киргизскаго слабительнаго изъ табачнаго дыму ее слабило, тогда ее укрыли и поставили къ сѣну. На другой день моя лошадь ходила въ табунѣ.

Леченіе этой страшно-упорной болѣзни, каково *сплекъ* (плечевой вывихъ) и простое слабительное, какъ методъ совершенно незнакомый ветеринарамъ, не худо принять къ свѣдѣнію. Лѣтомъ эту болезнь они лѣчатъ, заставляя лошадь переплыть небольшое пространство.

Внутри нашего укрѣпленія былъ сложенъ огромнѣйшій бутъ желѣза, оставшагося отъ сожженныхъ башкирскихъ телѣгъ. Онъ со всѣхъ сторонъ былъ занесенъ снѣгомъ. Кой-гдѣ торчали шины. Масса эта представляла траурный мавзолей ушедшимъ и умершимъ труженникамъ. Построекъ небыло никакихъ, кромѣ самыхъ низенькихъ землянокъ въ родѣ норъ.

Очищать снѣгъ было не кому, а потому въ нихъ можно было попасть только ползкомъ. Теперь эти землянки, называемыя казармами, были натисканы чающими движенія больными всякаго рода. Они лежали въ потьмахъ, почти одинъ на другомъ. Ихъ стонъ, воздухъ, которымъ они дышали, и нечистота до неблагопристойности,—и вспоминать—были поразительны; многіе ходить уже не могли сами, а служить имъ было, до прихода нашего буквально не кому. Отвыкшій отъ всякой нѣжности, мой носъ такъ былъ пораженъ, что я спросилъ и выпилъ полкрышки спирту по совѣту другихъ, и убѣдился въ его пользѣ въ крайнихъ случаяхъ. Совсѣмъ другое было въ кухняхъ, которыми завладѣлъ уже нашъ единственный маркитантъ З. Тамъ большія печи были исправны. Тепло пахло хлѣбомъ.

На вопросъ нашъ хозяину съ лицомъ цвѣта, вареннаго рака:

«Нельзя ли купить одинъ каравай?» онъ отвѣчалъ: Пожалуйтесъ.. только одинъ ломоть, теперь больше нельзя-съ... это только больнымъ-съ.

Мы заглянули въ одну печь; она была усѣяна булками въ кулачокъ младенца. Отнявши заслонку, киргизъ сказалъ намъ:

— Эту пся бояръ ашаитъ.

— Это собственно для штаба-съ, добавилъ прикащикъ.

— А много ли вы печете для больныхъ? спросили мы.

— Да... чтобы всѣ сыты были, и наши-съ довольны... отвѣчалъ онъ нехотя.

— То есть трудные, прибавилъ одинъ изъ здѣшняго Ахбулакскаго гарнизона, съ Георгіевскимъ крестомъ на шинели, которую онъ разстегнулъ. Я думаю день ото дня имъ готовится все менѣе и менѣе. Впрочемъ остатки этихъ булочекъ продавались и намъ фронтовымъ. И были люди, которые платили по цѣлковому за такую булочку, а по червонцу за бутылку кабацкаго рома, но другихъ предметовъ по этой части не было у З. Многіе говорили, что онъ не можетъ брать дешевле: не разсчитывая получить съ мертвыхъ, отпускаетъ по запискамъ подъ жалованье, котораго мы во весь походъ не получали, полагая на копѣйку сто копѣекъ барыша съ живыхъ. Однако, по окончаніи похода, эти взысканія были такъ скоры и строги съ живыхъ и мертвыхъ, что мы не успѣли сшить и рубашки, какъ денежки наши отправили на удовлетвореніе З. или Д.

— Это для того, говорилъ нашъ казначей, чтобъ подольше помнили походъ и покороче узнали натуру З. или Д.

ГЛАВА XVIII.

Обратный путь.

Побросавши, что было не въ силу везти, или предавъ огню, что горѣло, мы отправились назадъ. Молча шелъ отрядъ, и скорѣй пугался онъ радости своего возвращенія, нежели душевно предавался этому чувству. Жаль было своихъ силъ и трудовъ, безплодно потерянныхъ; жаль было товарищей, преждевременно погибшихъ здѣсь. И многаго еще было жаль.

Мы оставили голые холмы изъ мергеля съ отпечаткой раковинъ, которые семьями столпились насъ встрѣтить и проводить кругомъ долины, гдѣ расположенъ былъ отрядъ на Ахбулакѣ. Верхушки этихъ холмовъ рисовались мозаикой изъ сѣрой вакки съ кварцемъ, свѣтлѣвшимся въ кристаллахъ. Иные были завалены огромными глыбами разныхъ формъ мергеля, нагроможденными одна на другую; а ниже съ которой нибудь незанесенной снѣгомъ стороны блестѣла дресва. Мнѣ болѣе всего здѣсь памятна была охота за кабанами въ камышахъ, гдѣ паслись подъ нашимъ же присмотромъ верблюды. Я любилъ слѣдить за этимъ дикимъ звѣремъ на волѣ. Какъ-то жарко становится, какъ встрѣтишь его пулей, не допуская до себя.

Чтобы избѣгнуть солончаковъ, разсѣянныхъ здѣсь въ чрезвычайномъ множествѣ, мы потянулись нашимъ мертво-церемоннымъ маршемъ мимо вышеозначенныхъ сопокъ, на сѣверо-востокъ къ Эмбинскому укрѣпленію. Далѣе на пути нашемъ холмы, ли-

шенные всякой растительности, вѣнчались красноватою глиной. Оставивши утомительные переходы чрезъ холмистыя возвышенности, прилежащія къ г. Ала-тау и поднявшись на нее очень узкимъ ущельемъ, мы спустились въ долину Пакира.

На половинѣ пути отъ Ахбулака до Эмбы, мы находили случайно у родника Пакиръ-окаменѣлости порядочной величины, покрытыя мѣднаго вкуса зеленью, и предположили, что здѣсь находятся мѣдныя руды: это намъ подсказывало и сосѣднее названіе горъ Пакиръ-Тау (мѣдныя горы). Здѣсь мы дѣлали отъ пятнадцати до двадцати верстъ и уже безъ дневокъ. Кормы для скота нашего были бы сносны, если бы не были завалены снѣгомъ, покрытымъ жесткой черепицей, которую лошади не могли уже пробивать оборванными до щетки ногами, что и затрудняло тебеневку [1]).

16 февраля, торопливо перейдя рѣки Эмбу и Темиръ, чтобы не захватилъ насъ разливъ ихъ, мы остановились на берегу послѣдней, въ сорока верстахъ отъ Эмбинскаго укрѣпленія. По 24-е число работали мы, то пересыпая кули съ провіантомъ, то переставляя его бунты, чтобъ не подмочилъ ихъ разливъ и не лишилъ продовольствія отрядъ, который долженъ былъ здѣсь остаться подъ командою генералъ-маіора Тол—ва, до пригона верблюдовъ. Весною кибитки для оставшихся больныхъ ухитили камышемъ.

Здѣсь природа видимо богаче!.. Постоянно каждый день мы запасались топливомъ и снабжали тальникомъ и камышомъ не только свой дивизіонъ, лазаретныя и штабныя кибитки, но еще много оставили его въ запасѣ для остающагося отряда.

Мы часто задавали себѣ вопросы: отъ чего мы не остановились здѣсь, шедши въ передній путь? Кой-гдѣ и кой-какой былъ здѣсь и кормъ. Вода хорошая на вкусъ. И киргизы откровенно рѣшали наши вопросы: «Мы не знаемъ мѣстъ». Слѣдовательно не сдѣлана была тогда хорошая рекогносцировка.

---

[1]) Зимнее пастбище скота въ степи, гдѣ впереди обыкновенно идутъ лошади, потомъ верблюды и рогатый скотъ, а за нимъ бараны.

Отъ постоянно дурной пищи, отъ истощенія силъ и приближенія весны здѣсь сильно начала въ отрядѣ развиваться цинготная болѣзнь. На непостоянную погоду не жаловался никто уже, ибо аккуратно по утру навѣщалъ насъ отъ 20° до 25° морозъ, послѣ полудня теплѣе, а ночью постоянно отличный буранъ.

— Да намъ-то что? говорили товарищи, завтра будетъ то же, пожалуй дуй себѣ, лишь бы постоянная была перемѣна.

Корп. ком. отправился впередъ въ Оренбургъ, чтобы ѣхать оттуда въ Петербургъ. За два дня раньше его отправленія, мы выступили подъ командою полк. Гекке, для конвоированія транспорта больныхъ на нашу границу до форпоста Ильинскаго на Уралѣ, а оттуда должны были слѣдовать прямо въ г. Уфу. Оставивши отрядъ на Темирѣ до мая, мы, съ 24 февраля по 10-е марта, безъ дневокъ уже слѣдовали далѣе.

Пропуская многія сцены, я коротко опишу, на сколько представлялся мнѣ случай замѣтить самому, дорогу, по которой мы шли теперь по новому маршруту. Гекке былъ хотя и не генеральнаго штаба офицеръ, даже и не топографъ, но на киргизъ не надѣялся. Вѣрно онъ зналъ по опыту, что эти компасы водятъ насъ по своему сухому морю тамъ, гдѣ имъ хочется, а не тамъ, гдѣ надобно и гдѣ лучше.

Первую ночь мы ночевали на уроч. Судоходолѣ (Тагелѣ, рѣчкѣ впадающей въ Эмбу) за двѣнадцать верстъ, вторую — на Камышевомъ озерѣ за 15 верстъ; здѣсь, къ несчастію нашему, съ ранней осени, камыши около него были сожжены киргизами, а потому теперь урочище это носило названіе Куюкъ-куль (сгорѣвшій камышъ). Вода его имѣла очень гнилой запахъ и солоноватый вкусъ. Третью, сдѣлавши пятнадцать верстъ, ночевали у рѣчки Кульденекъ-Темиръ. Здѣсь, какъ и на правомъ берегу р. Эмбы, подошли пески Ахъ-Кумъ (бѣлые пески). Они состоятъ, подобно Большимъ Барсукамъ, изъ разной величины бугровъ отъ двухъ до трехъ сажень. Здѣсь растетъ обильно камышъ. Четвертую ночевали при урочищѣ безъ названія за 20 верстъ. Пятую, сдѣлавши

22 в., были на рѣкѣ Канъ-Агачъ (кровавое дерево). Эта незначительная рѣчушка получила свое названіе отъ ольхового дерева, растущаго по берегамъ ея; ибо сердцевина ольхи имѣетъ красноватый цвѣтъ. Здѣсь въ первый разъ могли дѣлать кресты для могилъ умершихъ, и солдаты очень были заняты этой работой. Шестую ночевали тоже на этой рѣчкѣ, сдѣлавши только пять верстъ, по случаю бурана. Седьмую у рѣки Таламбая за 16 верстъ; 8-ю и 9-ю по р. Исенбаю сдѣлали 35 верстъ. 20 верстъ прошли по р. Илеку, 60 верстъ въ три перехода по рѣкѣ Якши-Каргала. Здѣсь воды и топлива было такъ довольно, что мы могли раздѣться и перемѣнить истлѣвшее на тѣлѣ бѣлье, пропитанное дегтемъ. Наконецъ, въ два перехода сдѣлавши 85 верстъ, пришли въ форпостъ Ильинской 10 марта.

Отъ рѣки Якши-Каргала перейдя горы по берегу рѣкъ Бурти, Кій-Бурти до самаго форпостав право, ясно и рѣзко обрисовавъ крутые и высокіе обрывы, чернѣлись Губерлинскія горы, слившіяся гребнями и сопками съ горами къ рѣкамъ Бурти и Уралу. Здѣсь встрѣчались перелѣски изъ березы, ольхи, тальника и осокоря.

На всей дорогѣ этой съ р. Темира, а въ особенности отъ р. Исенбая такъ былъ глубокъ снѣгъ, что мы, пользуясь переночевкою киргизъ, здѣсь изрѣдка намъ попадавшихся, шли по одной ихъ тропѣ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ значительно осѣлъ снѣгъ и гдѣ онъ имѣлъ прочную кору, мы съѣзжали въ сторону, чтобъ навѣдать нашихъ больныхъ, за которыми ходили истинно какъ матери. Провожая многихъ на вѣчный покой, мы напутствовали ихъ молитвою «Отче нашъ» и прочитывали имъ три раза св. Троицу. Отсюда началось наше возрожденіе. Нашъ маленькій отрядъ возвращался къ жизни. Надежда—скоро постоянно видѣть избу, людей, баню, хорошо печеный хлѣбъ — уменьшала наши страданія отъ познобовъ и ранъ, которые мы несли съ собой. Мартовскіе, значительно длиннѣе прежнихъ, дни помогали намъ пройти большія разстоянія. Выступая съ разсвѣтомъ, хорошо выспавшись, мы

уже не изнурялись такъ въ теченіе дня работами. Возвратилось даже обоняніе. Наши авангардныя болячки—носы, въ коновязяхъ во время уборки и сѣдланія лошадей, уже слышали страшный нестерпимый запахъ отъ ссадинъ на ихъ гнившихъ спинахъ. И мы сочувствовали имъ, ухаживая за ними на отмороженныхъ нашихъ подошвахъ.

Около Урала насъ остановили. Встрѣтившіеся на лѣвомъ берегу его квартирьеры жаловались на безпорядокъ въ станицѣ и негостепріимство пріюта, но мы мало имъ вѣрили, пока не убѣдились лично. На противоположной сторонѣ насъ ожидало нѣсколько женщинъ въ мѣховыхъ салопахъ и мужчинъ въ шубахъ. А здѣсь молились на колѣняхъ, и нѣкоторые солдаты до того были рады, что цѣловали берегъ, другіе подсмѣивались надъ ними, говоря: «вишь, какъ походъ разнѣжилъ ихъ сердца-то».

Перейдя рѣку по льду съ походнымъ нашимъ лазаретомъ и трупами, ибо умиравшихъ за два дня везли, чтобы похоронить на родинѣ, мы были встрѣчены слезами горя и радости родныхъ и знакомыхъ, пріѣхавшихъ сюда заблаговременно. Многіе изъ нихъ не нашли своихъ. Мы не хотѣли огорчать ихъ и не сказывали, что тѣ, кого они ищутъ, похоронены въ степи. Это все были оренбургскіе жители, и нашъ отрядъ встрѣчать было не кому, даже и письма ни кто не ждалъ.

Форпостъ Ильинскій—это казацкая деревушка съ грубымъ и полупьянымъ населеніемъ; мы не нашли въ ней ожидаемаго гостепріимства.

На квартирѣ, гдѣ поставили насъ, троихъ офицеровъ и троихъ унтеръ-офицеровъ, хозяинъ, какой-то отставной эсаулъ, не хотѣлъ на ночь остановить и часовъ съ пронзительнымъ шипѣньемъ, дребезжащимъ боемъ и кукушкой. Но офицеръ, спавшій въ комнатѣ съ другимъ не много больнымъ, принужденъ былъ унять самъ кукушку. Во время боя 11-ти онъ проснулся, и то ли въ испугѣ, то ли въ злости,—пустилъ въ нее свой сапогъ съ крикомъ: «А зловѣщая птица! и ты вздумала съ хозяиномъ за одно не давать

намъ покоя.» Вообще мы долго не могли привыкнуть къ комнатѣ и спали обыкновенно въ сѣняхъ, не смотря на 12° мороза иногда.

Первымъ удовольствіемъ для насъ были баня и чистое бѣлье. Шапокъ долго не могли мы снимать отъ невыносимой боли черепной кожи. Потомъ и совсѣмъ скоро лишились волосъ. Мой конь, выдергавши свои заднія оборванныя черепицей снѣга ноги, получилъ неизлечимый шпатъ. Я хотѣлъ было поклониться его копытамъ; да, благодарность за его службу меня заставила ихъ обнять; къ лучшему или къ худшему для меня, а дѣло свое сдѣлалъ мой ретивый конь. При въѣздѣ въ деревушку онъ фыркалъ, озирался и на все окружающее смотрѣлъ, навостривъ уши, съ удивленіемъ, даже не шелъ въ ворота.

Прогулка по морозу окончена!...

Хотя блѣденъ, но вѣренъ ея очеркъ. Всему этому люду, полному здоровья, силъ и свѣтлыхъ думъ на свое темное будущее, отправляясь въ походъ и, на минуту не западало въ голову, сгоравшую въ пылу надеждъ, настрадавшись до нельзя во время борьбы съ природой и ограничившись только осмотрѣніемъ Ахбулака,—возвратиться, ничего не сдѣлавши, или остаться на вѣки безслѣдно въ степи.

Былые въ походахъ и бѣдахъ старики совѣтовали намъ не оглядываться на прошедшее, даже не разсказывать объ этомъ бѣдственномъ походѣ. Но намъ нечего стыдиться и не зачѣмъ молчать, вспомянувъ.

«Дѣла давно минувшихъ дней...

Отдохнувши два дня, мы получили маршрутъ идти прямо въ расположеніе своихъ кантониръ-квартиръ. Нашему эскадрону опять привелось возвратиться въ старый пріютъ, въ Стерлитамакскій уѣздъ въ с. Ивановское, добрѣйшаго и образованнаго помѣщика А. Н. Кравкова, гдѣ мы были встрѣчены какъ родные, Чтобы скорѣе прогнать вывезенныя болѣзни, доктора совѣтывали всѣмъ уцѣлѣвшимъ моимъ товарищамъ скорѣе ѣхать на сѣр-

ныя Серіевскія воды. Часто слушая разговоры по предмету сборовъ, я почувствовалъ потребность тоже полечить горло и познобы, разсѣяться и скорѣе забыть въ свѣтѣ не давно прошедшее Большинствомъ голосовъ мысль моя была принята, и получивши отъ казначея въ счетъ будущихъ благъ, мы всѣ очень скоро отправились за полученіемъ паспортовъ.

По пріѣздѣ въ г. Уфу, первою заботою многихъ было получить и распечатать письма; но мнѣ никто этого удовольствія не доставлялъ. Кое-какъ экипировавшись, мы интересовались взглянуть на жизнь Аксиньи Адамовны. По письму Н. Я. Д—го въ московскій опекунскій совѣтъ, она получила изъ банка двадцать тысячъ и вышла за мужъ за порядочнаго человѣка.

Отзвонили къ вечерни, какъ трое нашихъ дрожекъ остановились у ея хорошенькаго дома. Надъ флигелемъ во дворѣ въ три окна была надпись: «Привиллегированная акушерка и пріютъ для новорожденныхъ». У воротъ стояла прислуга. Изъ кружка этого намъ сказали, что барыня дома, изволитъ пить чай въ саду, куда мы и потянулись на встрѣчу цѣлой стаи индюшекъ, съ важностію расхаживающихъ по досчатой мостовой двора и ворчавшихъ на насъ съ озлобленіемъ, что не взяли ихъ въ садъ.

Проходя довольно большой липовой алеей, мы замѣтили въ клумбахъ много цвѣтовъ, готовыхъ развернуться — украсить зелень и наполнить воздухъ благоуханіемъ. Въ концѣ аллеи, на чайномъ столѣ, покрытомъ красною ярославскою скатертью, стоялъ самоваръ. На диванѣ, между двухъ большихъ вязовъ, образовавшихъ бесѣдку, сидѣла женщина. На ней была юбка и щегольски отдѣланная кофта. Сперва она смутилась, увидавши набранные нами кой у кого изъ портныхъ костюмы, и остолбенѣла отъ удивленія. Но всмотрѣвшись въ лица и не обращая вниманія на черныя заплаты, украшавшія ихъ, она бросилась по очередно обнимать каждаго изъ насъ, со всею сродною простотою чувства женщины. На вопросъ нашъ: счастливы ли вы, Аксинья Адамовна? она отвѣчала: [illegible]

— Спросите мужа, мы женщины, живемъ вашимъ счастіемъ. Да что объ этомъ—еще наговоримся. А вотъ, слава Богу, что онъ васъ помиловалъ!... Я вспоминала васъ недавно съ нимъ; она указала на Д—го! А теперь право, гг., я пьяна отъ радости. Въ аллеѣ показался хозяинъ. Она представила ему насъ.

Потомъ пригласила еще два обще-знакомыхъ семейства, и въ кругу ихъ были забыты всѣ неудачи похода. Мы поздравили ее съ достиженіемъ ея цѣли и, вполнѣ сочувствуя этому учрежденію, тутъ же сдѣлали подписку въ пользу ея странно-пріемнаго дома. Рѣшено было начать съ младшихъ. Я подписалъ свои наградные за походъ 5 руб. ас. Все, чѣмъ могъ располагать до присылки денегъ изъ дома. Другіе, имѣвшіе средства, какъ корнетъ О-нъ, подписали очень значительные куши. Хозяйка осталась очень довольна своими гостями. Видя, что это общество имѣло весьма смутное понятіе о нашемъ кровавомъ дѣлѣ, мы разсказали какъ Хивинскій отрядъ въ 3 т. человѣкъ окружилъ Ахъ-Булакское укрѣпленіе; какъ онъ съ разныхъ сторонъ пустилъ на насъ тучи стрѣлъ, которыя вѣтеръ мало допускалъ по назначенію; но тѣмъ не менѣе суматоха была страшная. Отогнавши табунъ нашихъ лошадей, хивинцы осмѣлились даже требовать выдачи имъ г. Перовскаго. Узнавши, что гарнизонъ довольно силенъ (въ укрѣпленіи подъ начальствомъ полков. Гекке было двѣ роты пѣхоты, 200 казаковъ и четыре 3-хъ фунтовыхъ орудія) и что позади ихъ идутъ еще русскіе отряды, они зажгли приготовленное сѣно, отступили и повернули на встрѣчу намъ. 18 числа того же мѣсяца въ сумеркахъ съ ужаснымъ крикомъ они напали на насъ и, пользуясь маленькимъ безпорядкомъ отряда при остановкѣ его на мѣстѣ, открыли славную перестрѣлку.

Въ отрядѣ подъ командою кап. Ерофѣева, пока доставали изъ коробовъ патроны, надо было отбиваться отъ нихъ штыками и пиками. Свалка продолжалась до поздней ночи. Хивинцы, увезя на сей разъ своихъ раненыхъ съ собою, отогнали много нашихъ верблюдовъ и поймали близь отряда деньщика, сбиравшаго травку

для варки на свою артель кашицы. Ночью, освирѣпѣвши, непрiятель сковалъ этого бѣднаго солдатика лошадинными кандалами, надѣлъ руки на колѣна, просунулъ палку подъ колѣна и живымъ сжегъ въ виду отряда.

На другой день хивинцы сдѣлали три атаки; одѣтые въ джибаги (стеганныя на мѣху шубки), наши дрались безъ устали какъ медвѣди, потерявъ изъ фронта 5 человѣкъ убитыми и 16-ть человѣкъ тяжело ранеными. Такъ какъ въ аптекѣ ничего не было, то другого лекарства, какъ Георгiевскiе кресты, новые больные ничего не получили. Лучшiй нашъ тогда хирургъ, разжалованный изъ студентовъ Мед. фак., рядовой Круневичъ [1]), ничего сдѣлать не могъ, кромѣ знаменитой его операцiи по отнятiю руки у плеча тогда раненаго прапорщика Назарова.

Послѣ нашей третьей вылазки изъ за тюковъ, хивинцы, не успѣвшiе подобрать тѣлъ своихъ убитыхъ товарищей, наскоро помолились и ушли.

— Ну, а вы что, конечно за ними не погнались?

— Куда же тамъ пойдешь гоняться по снѣгамъ. Это было бы безразсудно. Вы не забывайте, что вѣдь если бы они одинъ день продержали насъ на мѣстѣ, такъ намъ не чѣмъ было бы стрѣлять. Къ тому же нашихъ было едва ли 200 человѣкъ и за тѣмъ надо было быть и въ цѣпи и увязывать вновь прiобрѣтенныхъ горячечныхъ больныхъ. Вѣдь такое нападенiе хуже ночнаго пожара въ 30° мороза съ вѣтромъ.

— Слава Богу! подхватилъ Д—скiй, что они еще другой разъ не остановили ихъ!

— Нѣтъ, продолжалъ я. Тамъ было не до погони. Наши напились такъ (кто пилъ) араку. Оторвали отъ своихъ рубахъ бинты, перевязали раненыхъ, помолились, поднялись да и запѣли:

Ну, собаки, убирайтесь —
Да впередъ не попадайтесь.

---

[1]) Въ послѣдствiи былъ лейбъ-медикъ.

ГЛАВА XIX.

Послѣднее донесеніе о необходимости возвратиться отрядамъ въ Россію.— Резолюція Государя Императора.—Отвѣтъ Военнаго Министра.—Извѣстія объ отрядѣ напечатанныя въ г. Оренбургѣ, а 28 февраля въ Русскомъ Инвалидѣ

30 января 1840 года, Перовскій доносилъ Г-ну Военному Министру, что отрядъ хивинской экспедиціи, по пріемѣ и пересылкѣ продовольствіи и пригонкѣ верблюдовъ, долженъ былъ выступить эшелонами къ Ахбулаку. Между тѣмъ всѣ свѣдѣнія, полученныя чрезъ кайсаковъ и чрезъ рекогносцировки, согласовались въ томъ, что снѣга напереди еще глубоки и едва проходимы. Явленіе это здѣсь безпримѣрно, и потому никакъ не могло входить въ предварительныя соображенія; ордынцы каждую зиму уходятъ съ вершинъ Илека за Эмбу, на участокъ степи, на которомъ по верхной сторонѣ его, по низменности положенія и солонцоватой почвѣ, никогда большихъ снѣговъ не бываетъ. Отрядъ началъ выступать частями, по мѣрѣ изготовленія, 30-го декабря и встрѣтилъ на пути столь глубокіе снѣга, что послѣдняя колонна по нынѣшній день не прибыла еще въ Ахбулакъ, хотя весь переходъ съ Эмбы составляетъ не болѣе 160 верстъ, менѣе чѣмъ въ 15 дней ни одна часть не дошла до Ахбулака и при всемъ томъ потеря въ верблюдахъ была несоразмѣрно велика и видимо со дня на день возрастала. Конница должна была прокладывать напередъ по глубокому и окрѣплому снѣгу одиночныя тропинки, а мѣстами расчищали путь лопатами, верблюды слѣдовали толь-

ко съ трудомъ, безпрестанно оступались, падали и многіе уже болѣе не вставали. Лошади и верблюды подъ артиллеріею становились безпрестанно и орудія надлежало вытаскивать на рукахъ, тогда какъ и сами люди, утопая по колѣно въ снѣгу, едва были въ состояніи двигаться съ мѣста. Всѣ холмы занесены твердымъ, слежавшимъ и смерзшимъ въ одну толщу снѣгомъ; бураны останавливали ходъ отряда, прекращали по цѣлымъ днямъ всякое сообщеніе между частями его, а безпрерывные жестокіе морозы въ 30 и болѣе градусовъ отнимали у людей всякую возможность дѣйствовать, несмотря на ихъ тяжелую одежду,—бураны почти ежедневно заносили проложенныя передовымъ отрядомъ тропы и послѣдующіе снова должны были ломиться цѣликомъ.

Изъ Оре-га отрядъ выступилъ на 10,400 верблюдахъ[1]); съ Эмбы поднялся съ трудомъ на 8,900, а на Ахбулакѣ, т. е. на половинѣ цѣлаго пути, годныхъ для подъема вьюковъ верблюдовъ оказалось 5,188; на послѣднихъ 160 верстахъ пало болѣе 1,200; на 5 тысячахъ верблюдахъ едва только можно поднять полное мѣсячное продовольетвіе для отряда, считая также сухой фуражъ; между тѣмъ дойти до жилыхъ мѣстъ ханства въ одинъ мѣсяцъ не возможно, не говоря уже о томъ, что нельзя было бы рѣшиться вступить туда безъ всякого запаснаго продовольствія и особенно еще раннею весною, когда дороги не проходимы. Если же занять всѣхъ верблюдовъ однимъ только продовольствіемъ для людей, то уже верблюды и лошади неминуемо погибнутъ.

При такихъ горестныхъ обстоятельствахъ, слишкомъ вѣроятно, что большая часть верблюдовъ не дойдутъ вовсе до мѣста, и слѣдовательно отрядъ останется на пути въ самомъ безпомощномъ положеніи. Но предположивъ даже несбыточное, т. е., что отрядъ вступитъ съ полнымъ или почти съ полнымъ числомъ верблюдовъ въ предѣлы ханства: что тогда этимъ будетъ выиграно? Вся конница наша придетъ или вовсе пѣшая, или въ такомъ положеніи, что никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать про-

[1]) Во время слѣдованія отряда верблюдовъ подводили киргизы охотнѣе.

тивъ непріятеля, потому что пойдетъ безъ фуража по безкормнымъ мѣстамъ; а какъ отрядъ не будетъ имѣть средствъ существовать болѣе чѣмъ нѣсколько дней, то и не возможно было бы пользоваться правомъ и выгодами побѣдителей; нельзя принудить жителей къ подвозу продовольствія, къ доставкѣ необходимаго скота, лошадей и верблюдовъ,—и если положеніе это сколько нибудь продлится, то отряду предстоитъ одна только конечная безславная гибель.— Разсудивъ, что, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, лучше быть побѣжденнымъ стихіями, чѣмъ потерять отрядъ, ненанеся даже никакого вреда непріятелю; что жертвуя отрядомъ, пользы ожидать отъ этого не должно никакой, я съ горестнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ вынужденъ рѣшиться къ отступленію.

Ваше сіятельство, смѣю надѣяться, войдете въ положеніе мое, крайне отчаянное; я вижу ясно передъ собою всѣ послѣдствія этого, на сей разъ неудачнаго предпріятія; подвергаю себя безропотно неудоволствію Государя Императора, если въ чемъ либо буду обвиненъ, но я не нахожу средствъ преодолѣть враждебныхъ отношеній стихіи, я не вижу возможности продолжать путь и нахожу одно только спасеніе для ввѣреннаго мнѣ отряда—возвратный путь, покамѣсть еще возможно. Смѣю утрудить ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою, дозволить мнѣ войти въ нѣкоторыя подробности и сравнить первоначальное предположеніе о хивинской экспедиціи съ тѣмъ, что сбылось на самомъ дѣлѣ.

Хивинская экспедиція предпологалась выступить изъ Оренбурга 15-го ноября на 12 тысячъ верблюдахъ, придти на Эмбинское укрѣпленіе въ 25 дней, простоять тамъ не болѣе недѣли, поднять продовольствіе для людей и лошадей на четыре мѣсяца, пополнить вновь израсходованное количество его въ укрѣпленіи на Ахбулакѣ и дойти въ 30—35 дней до Хивы.

Все это основывалось на расчетѣ, что отрядъ долженъ пройти разстояніе до Эмбы прежде, чѣмъ глубокіе снѣга поздней зимы могутъ затруднить путь, а разстояніе отъ Эмбы до Усть-Урта, гдѣ

глубокихъ снѣговъ никогда не бываетъ, въ концѣ декабря, а потомъ подняться на самый Усть-Уртъ въ началѣ января, т. е. въ то самое время, когда тамъ выпадаетъ снѣгъ, замѣняющій на этомъ пространствѣ воду, наконецъ спуститься въ низменности на югъ отъ Усть-Урта, прежде тамошней весны, въ продолженіи которой Хивинское ханство отъ грязей, илистой и глинистой почвы своей бываетъ непроходимо.—Кромѣ четырехмѣсячнаго продовольствія, взятого съ собою, двухмѣсячное продовольствіе для цѣлаго отряда отправлено было моремъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ нужды, можно было подвести его въ Хиву, или даже отправить этимъ путемъ часть отряда.

Наконецъ, предполагалось вступить въ Хиву по крайней мѣрѣ съ 2,500 человѣкъ пѣхоты, почему и назначено было въ походъ 2,750 человѣкъ, полагая 250 человѣкъ на убыль.

Вмѣсто предполагаемаго, на дѣлѣ оказалось слѣдующее:

1) Верблюдовъ набрано было къ сроку 10,400, остальные же, ожидаемые съ нижней линіи р Урала прямо на Эмбу, не прибыли, потому что хивинцы успѣли подослать гонцовъ своихъ и острасткою заставить кайсаковъ отказаться отъ своего обѣщанія.

2) По затрудненіямъ, встрѣченнымъ на пути отъ Биштамака до Эмбы и по жестокимъ морозамъ, отрядъ пришелъ въ укрѣпленіе 19-го декабря, т. е. опоздалъ осьмью днями.

3) Пересыпка продовольствія, устройство вьюковъ, основаніе госпиталя, перевозка больныхъ, изъ Ахбулака, при постоянно жестокихъ морозахъ и буранахъ, крайне затруднявшія всякую работу на открытомъ воздухѣ, до того задержали отрядъ, что онъ выступилъ по частямъ только между 31 декабря и 16 января.

4) Недостатокъ верблюдовъ отъ значительной убыли ихъ позволилъ поднять съ Эмбы продовольствіе вмѣсто четырехъ, не болѣе какъ всего на два мѣсяца, и то съ обращеніемъ подъ него части верблюдовъ, предназначенныхъ подъ сухой фуражъ; посему лошади отъ Эмбы должны были довольствоваться уменьшенною дачею.

5) Буря и ледъ на Каспійскомъ морѣ разогнали всѣ суда, шедшія съ продовольствіемъ въ Ново-Александровскъ, и чрезъ это отрядъ лишился своего двухмѣсячнаго запаса.

6) Разстояніе отъ Эмбы до Ахбулака, 160 верстъ (и вѣроятно даже менѣе), пройдено было съ величайшими затрудненіями, о коихъ упоминается выше.

7) Въ слѣдствіе этого, на пути отъ Эмбы до Ахбулака, верблюды падали и умирали ежедневно въ каждой колоннѣ десятками, и вообще большею частію не въ состояніи были поднять обыкновенныхъ вьюковъ своихъ.

8) По тщательномъ осмотрѣ на Ахбулакѣ верблюдовъ, оказалось, что со времени выступленія съ Эмбы пало ихъ до 1,200; что теперь на мѣстѣ теряли мы ихъ ежедневно не менѣе сотни; что на лицо состоитъ 5,188 годныхъ, прочіе же по совершенной слабости вовсе не надежны; что наконецъ и годные могутъ быть названы такими, только сравнительно съ прочими, а дѣйствительно благонадежныхъ на весь предстоящій путь нѣтъ.

9) Отъ необыкновенно суровой зимы и по совершенной непривычкѣ пѣхоты здѣшней къ военнымъ трудамъ, больныхъ и слабыхъ уже на первой половинѣ пути оказалось непомѣрно много; изъ 2,750 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, осталось нынѣ въ строю 1,856 человѣкъ; изъ числа выбывшихъ, умерло 236 человѣкъ, больныхъ 528, оставлено на Эмбѣ въ помощь гарнизону 127. Главная убыль больными и умершими произошла собственно въ гарнизонахъ обоихъ укрѣпленій.

Принявъ, за всѣмъ тѣмъ, благопріятнѣйшій изъ всѣхъ случаевъ, т. е. что отрядъ пройдетъ вторую половину пути гораздо скорѣе первой, въ 40—50 дней; что лошади выдержатъ походъ этотъ, состоя на одномъ гарнцѣ овса и не получая сѣна; что такъ называемые годные верблюды наши будутъ всѣ обращены подъ провіантъ, дойдутъ благополучно, то и тогда изъ сихъ данныхъ представляется слѣдующее заключеніе:

Отрядъ выступитъ изъ Ахбулака съ продовольствіемъ на 2

мѣсяца, а вступитъ чрезъ 40—50 дней въ Хивинское ханство, въ непріятельскую и бѣдную хлѣбомъ землю, съ продовольствіемъ на нѣсколько дней, съ крайне изнуренными лошадьми, имѣя вѣроятно не болѣе 1,200 человѣкъ пѣхоты подъ ружьемъ, притомъ весною, въ разливы и распутицу, не будучи въ состояніи получить какую либо постороннюю помощь. Если же верблюды, по обыкновенному порядку вещей, будутъ худѣть все болѣе и болѣе до новаго подножнаго корму, и слѣдовательно не дойдутъ съ ношами своими до мѣста назначенія, тогда отрядъ останется на Усть-Уртѣ среди безводной и безкормной пустыни, не будучи въ состояніи идти впередъ, ни же назадъ. Къ этому остается только присовокупить, что хотя о непріятелѣ нѣтъ никакихъ слуховъ; но что если отрядъ продолжитъ еще далѣе путь свой на Усть-Уртъ, встрѣтитъ непріятеля, то возвращеніе, хотя вынужденное единственно обстоятельствами, не можетъ уже болѣе имѣть мѣста, потому что будетъ походить на отступленіе предъ хивинцами.

Окончательно, не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ и того, что обратный путь нашъ будетъ и теперь уже не менѣе затруднителенъ, какъ и передній; одно только четырехмѣсячное продовольствіе, сложенное на Эмбѣ, обезпечитъ по крайней мѣрѣ съ этой стороны существованіе отряда; но совершенной недостатокъ дровъ и кормовъ, глубокіе снѣга и постоянно жестокая стужа безъ сомнѣнія окажутъ вредное вліяніе свое на здоровье людей и на скотъ, а по недостатку и слабости верблюдовъ большая часть отряда останется въ укрѣп. на Эмбѣ до весны.

На этомъ донесеніи въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ изволилъ собственноручно положить слѣдующую резолюцію:

«Жаль... очень жаль,—но покориться волѣ Божіей должно, и безропотно.

«Теперь нужно принять мѣры и безотлагательно для возобновленія экспедиціи при первой возможности.

«Для сего нужно: 1) войско, 2) продовольственные и прочіе за-

пасы, 3) перевозочные способы. Для перваго нынѣ же изъ 9-хъ и 12-хъ мушкатерскихъ и егерскихъ ротъ 6-го корпуса сформировать 6 сводныхъ бат., подъ названіемъ сводныхъ пѣхотныхъ и сводныхъ егерскихъ баталіоновъ 16, 17 и 18 дивизій съ полнымъ числомъ офицеровъ подъ командою надежнаго шт.-оф. и по сборѣ ихъ отправить въ Оренбургъ. Ежели нужно артиллерію, то взять можно одну легкую роту 18-й бригады, укомплектовавъ чинами и лошадьми. Для надзора, за симъ, подъ строгою отвѣтственностію г. Нейдгарта, послать п. ф. а. Назимова, а сводную сію 6 баталіонную бригаду поручить свиты моей г.-м. к. Голицыну.

«Второй предметъ продовольствіе; на сіе другаго ничего сказать не могу, кромѣ того, чтобы, не трогая запасы въ Астрахани, поручить г. Ровасовскому заготовить четырехмѣсячное продовольствіе всякаго разбора по прежнему примѣру въ Оренбургѣ.

«Наконецъ способы подвоза; это рѣшится вопросомъ, какъ возобновить экспедицію: зимой ли, лѣтомъ, сухимъ ли путемъ или моремъ. Кажется опытъ доказалъ, что зимой сіе не возможно или гадательно; первая неудача непріятна, но она извинится можетъ неизвѣстностію; повтореніе сего же было бы непростительно; можно стало идти лѣтомъ или осенью, или наконецъ моремъ. Послѣднее, казалось бы мнѣ, по опыту Бековича удачнѣе, но ничего опредѣлить нельзя, доколѣ не узнаю мыслей г.-а. Перовскаго. Моремъ Петръ I ходилъ съ цѣлымъ корпусомъ за 120 лѣтъ. Способовъ всѣхъ теперь на лицо нѣтъ; но ихъ устроить должно и можно. Въ такомъ случаѣ я бы велѣлъ изъ Оренбурга продовольствовать и верблюдовъ нанимать; а людей изъ Астрахани моремъ, — но куда?»

Для предупрежденія разнорѣчивыхъ толковъ объ отрядѣ войскъ Хивинской экспедиціи, при укрѣпленіи на Ахбулакѣ января 30, было напечатано, что: «19 декабря отрядъ стоялъ при укрѣпленіи нашемъ на Оты-Якши, занимаясь необходимыми приготовленіями для дальнѣйшаго пути. Пересыпка за-

готовленнаго въ укрѣпленіи продовольствія, приспособленіе и пригонка новыхъ вьюковъ, учрежденіе госпиталя и доставка больныхъ изъ Ахбулака на Эмбу, требовали много времени.

«30 декабря выступила первая часть отряда, а 17 января послѣдняя; отрядъ боролся на пути съ необыкновенными трудностями и препятствіями. Снѣгъ былъ такъ глубокъ и покрытъ такою толстою, мерзлою корою, что даже конница [1]) едва въ состояніи была прокладывать для верблюдовъ по цѣлику нѣсколько тропинокъ; передовыя лошади смѣнялись черезъ каждыя двѣ-три версты; ослабѣвшіе верблюды спотыкались, вязли и падали безпрестанно; бураны немедленно заметали тропы, и слѣдующія части отряда должны были снова пролагать себѣ дорогу.

«Кормы на всемъ пространствѣ занесены невиданными здѣсь снѣгами, и, по причинѣ сильныхъ, постоянныхъ морозовъ, снѣгъ до того окрѣпъ, что даже не можетъ быть срытъ деревянною лопатой. Отрядъ употребилъ для перехода до Ахбулака, около 160 верстъ, цѣлый мѣсяцъ, и еще послѣдняя часть войскъ и верблюдовъ не прибыла по сегодняшній день.

«Состояніе здоровья людей при отрядѣ удовлетворительно, и вообще на походѣ больныхъ гораздо менѣе, чѣмъ на стоянкахъ. Лошади, доселѣ постоянно поддерживаемыя сухимъ фуражемъ, въ хорошемъ тѣлѣ, но верблюды видимо отощали и убыль въ нихъ велика».

Извѣстія эти были перепечатаны 28 февраля 1840 года въ Русскомъ Инвалидѣ, а В. М. отвѣчалъ г.-а Перовскому, что: Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе ваше, отъ 30 января изъ Акбъ-Булака [2]), изъявилъ крайнее свое соболѣзнованіе о тѣхъ чрезвычайныхъ и неожиданныхъ трудностяхъ, съ которыми вы и отрядъ вамъ ввѣренный должны были бороться въ продолженіе послѣдняго мѣсяца похода вашего въ безпріютной Киргизской степи.

---

[1]) Наши два эскадрона.

[2]) См. Русскую старину за февраль 1873 года, стр. 249-ая.

«Труды и лишенія, претерпѣнныя отрядомъ, дѣйствительно превосходятъ все, что ожидать было можно, и Его Величество, при всемъ искреннемъ сожалѣніи о неудачѣ вашего предпріятія, покоряясь безропотно опредѣленію Всевышняго, совершенно убѣжденъ въ необходимости, въ которую вы были поставлены, предпринять обратный на линію путь. Вполнѣ оцѣняя чувства, побудившія васъ къ этой рѣшимости, Государь Императоръ благодаритъ васъ за оную, видя въ ней сохраненіе отряда, который, въ противномъ случаѣ, нашелъ бы, по всей вѣроятности, безславную погибель въ безнадежной борьбѣ съ природными препятствіями.

«Между тѣмъ Государь Императоръ, имѣя въ виду то невыгодное впечатлѣніе, которое неминуемо должно быть произведено неудачею настоящей противъ Хивы экспедиціи, изволитъ признавать необходимымъ возобновить ее сколько можно безотлагательно, дабы съ одной стороны показать непоколебимую твердость правительства въ достиженія единожды предположенной цѣли, а съ другой явить доказательство неослабной его силы и могущества.

«Но если неудача перваго предпріятія, въ странѣ совершенно неизвѣстной, можетъ быть извинена, и дѣйствительно въ общемъ мнѣніи извиняется недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній мѣстности, въ особенности же встрѣчею зимы и снѣговъ, какихъ въ томъ краю доселѣ не бывало, то всякая неудача предпріятія послѣдующаго доказала бы или недостаточность соображенія, или физическую невозможность исполнить самое дѣло, чего никакъ нельзя допустить.

«Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, соизволяя, чтобы вы занялись безотлагательно составленіемъ предначертанія о новой экспедиціи въ Хиву, вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы, для несомнѣннаго обезпеченія успѣха, воспользуетесь всѣми опытами, которые пріобрѣли въ продолженіе настоящаго похода.

«Съ своей стороны Государь Императоръ, полагать изволитъ

что походомъ симъ дознана совершенная невозможность достигнуть до Хивы зимнимъ временемъ, а потому, по мнѣнію Его Величества, ничего не оставалось бы инаго, какъ предпринять новый походъ лѣтомъ или осенью, изъ Оренбурга, нынѣшнимъ путемъ, или изъ Астрахани моремъ къ Новоалександровску, либо въ другое, на восточномъ берегу Каспійскаго моря мѣсто, къ Хивѣ ближайшее.

«Походъ князя Бековича-Черкасскаго служитъ доказательствомъ возможности этого дѣла. Но какъ сила составляемаго отряда вполнѣ должна соотвѣтствовать цѣли экспедиціи, и нѣтъ возможность соединить достаточно способовъ для перевозки моремъ всего отряда, то по необходимости должно будетъ ограничиться перевозкою на судахъ одной пѣхоты съ артиллеріею, въ одинъ и даже въ два рейса, направивъ степью, къ мѣсту высадки ея кавалерію съ верблюжьимъ транспортомъ. Вмѣстѣ съ этимъ транспортомъ должны быть отправлены и лошади артиллерійскія, употребивъ ихъ на это время для поднятія какой либо части тяжестей отряда.

«Выступленіе въ степь этого сухопутнаго отдѣленія экспедиціи весьма бы выгодно было распорядить изъ Сарайчика или Гурьева съ тѣмъ, чтобы она слѣдовала по направленію морскаго берега, дабы прибыть въ одно время съ пѣхотою къ мѣсту высадки; но если непроходимость Эмбенскихъ болотъ будетъ признана непреодолимымъ для подобнаго движенія препятствіемъ, то, конечно, не оставалось бы ничего инаго, какъ отправить кавалерію съ верблюжымъ транспортомъ такимъ образомъ, чтобы она перешла Эмбу въ верховьяхъ или въ срединѣ ея теченія.

«Впрочемъ, не дѣлая никакихъ рѣшительныхъ на предметъ сей предположеній въ ожиданіи соображеній вашихъ, Государь Императоръ изволилъ обратиться нынѣ же къ способамъ снаряженія будущей экспедиціи:

«Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ самый составъ отряда. Корпусъ Оренбургскій, ослабленный весьма значительно отдѣленіемъ

$3^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты для нынѣшней экспедиціи и оказывающейся сверхъ того, по неопытности солдатъ и офицеровъ, недовольно способнымъ къ перенесенію трудностей дальняго похода, не представляетъ надежнаго основанія къ будущему снаряженію, Посему Государь Императоръ признать изволилъ за благо, назначить нынѣ же 24 роты изъ полковъ 6-ти пѣхотнаго корпуса. Роты эти безотлагательно будутъ сформированы въ составѣ 6-ти сводныхъ баталіоновъ и направлены изъ Москвы въ Саратовскую губернію, съ тѣмъ, чтобы оттуда уже получить дальнѣйшее направленіе, или на Оренбургскую линію, или въ Астрахань, смотря по тому, сухимъ ли путемъ или моремъ экспедиція будетъ предпринята. Вмѣстѣ съ сими баталіонами будетъ отправлена въ Саратовскую губернію одна легкая артиллерійская батарея въ восьми-орудійномъ составѣ мирнаго времени.

«Батарея эта назначается съ орудіями и съ двумя на каждое зарядными ящиками, на случай, если бы вы признали полезнымъ имѣть при отрядѣ нѣсколько орудій болѣе значительнаго калибра, нежели состоящія при ономъ нынѣ.

«Сверхъ того, для вящшаго усиленія артиллеріи отряда, Государь Императоръ полагать изволитъ имѣть при ономъ, вмѣсто дивизіона, цѣлую конно-артиллерійскую батарею казачей артиллеріи.

«О составѣ 6-ти сводныхъ баталіоновъ и артиллерійской батареи, въ составъ отряда назначаемыхъ, о времени ихъ выступленія и порядкѣ слѣдованія вы, вмѣстѣ съ симъ, получите подробное мое увѣдомленіе.

«По неизвѣстности времени, въ которое экспедиція можетъ быть предпринята, ни мѣста, изъ коего она выступитъ, все, что относительно матеріальнаго ея снаряженія на первый случай сдѣлать можно, заключается въ благовременномъ приготовленіи запаса сухарей. Запасъ этотъ Государь Императоръ полагаетъ ограничить четырехмѣсячною пропорціею, взявъ нужную для приготовленія онаго муку изъ неприкосновенныхъ запасовъ Орен-

бургскаго корпуса. Сухари эти, когда порядокъ слѣдованія экспедиціи будетъ опредѣленъ, могутъ быть свезены въ общій складъ вмѣстѣ съ потребнымъ количествомъ крупы изъ тѣхъ же запасовъ.

«Генералъ-маіору Рокасовскому вмѣстѣ съ симъ дано предписаніе распорядиться этимъ дѣломъ, принявъ въ расчетъ примѣрно на 10 т. человѣкъ, полагая въ отрядѣ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, артиллерію по назначенію и то же число казаковъ и прислуги, какое состоитъ при настоящей экспедиціи.

«Сверхъ этого провіанта, для обезпеченія потребностей отряда можетъ быть предоставлено 1,500 четвертей сухарей, перепекаемыхъ, по извѣстному вамъ распоряженію, изъ астраханскихъ запасовъ, каковое распоряженіе остается и нынѣ въ своей силѣ.

«Къ заготовленію овса, по неизвѣстности на какой именно пунктъ онъ потребуется, до времени не можетъ быть приступлено. Заготовленіе прочихъ припасовъ, какъ-то: спирта, соли, перца, хрѣна и т. д., по незначительности нужныхъ количествъ, въ свое время, вѣроятно, никакихъ затрудненій не встрѣтитъ.

«Хотя огнестрѣльные припасы и снаряды хивинскаго отряда остались неизрасходованными, но если бы часть ихъ подверглась порчѣ во время пути, или оставлена была въ степи по недостатку способовъ къ перевозкѣ, то пополненіе ихъ не можетъ встрѣтить препятствій ни во времени, ни въ способахъ.

«Къ собранію самыхъ положительныхъ свѣдѣній о перевозочныхъ способахъ, имѣющихся въ Астрахани и въ устьяхъ Волги, сдѣлано распоряженіе, и о послѣдствіяхъ этого изысканія вы будете увѣдомлены.»

Въ это же время отъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора владѣльцу Хивы было послано увѣдомленіе такого содержанія:

«Съ прибывшимъ въ недавнее время въ Россію капитаномъ Абботомъ, посѣщавшимъ также Хиву, получено здѣсь новое письмо отъ владѣльца хивинскаго. Письмо это, равно какъ и прежде полученное мною, были представлены на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора.

«Хотя, во исполненіе повелѣній Его Императорскаго Величества, правительство хивинское неоднократно было извѣщаемо мною во всей подробности о справедливыхъ требованіяхъ Россіи, хотя требованій сіи были, сверхъ того, объясняемы пріѣзжавшимъ на Оренбургскую линію хивинскимъ посланцамъ, хотя тоже самое было подтверждено и въ письмѣ господина министра внутреннихъ дѣлъ къ самому хивинскому владѣльцу, не менѣе того требованія сіи донынѣ не приведены еще въ исполненіе.

«А какъ въ письмахъ, вновь полученныхъ, замѣчается нѣкоторое сомнѣніе въ точномъ разумѣніи настоящихъ требованій Россіи, то Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ еще разъ подтвердить владѣльцу хивинскому:

«Во первыхъ, что присылка въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ, насильственно удерживаемыхъ хивинцами въ неволѣ, должна предшествовать всякимъ переговорамъ и возобновленію всякихъ сношеній. Доселѣ въ два раза прислано только 100 человѣкъ: каждый разъ владѣтель хивинскій увѣрялъ, что болѣе въ Хивѣ русскихъ плѣнныхъ нѣтъ. Между тѣмъ онъ въ послѣднемъ письмѣ самъ сознается, что собрано тамъ вновь нѣкоторое число плѣнныхъ. Отъ него зависитъ ускорить высылкою въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ, задерживаемыхъ въ хивинскихъ владѣніяхъ, и тогда Государь Императоръ предастъ минувшее великодушному забвенію и дозволитъ приступить къ переговорамъ о будущихъ сношеніяхъ Россіи съ Хивою.

«Во вторыхъ, вмѣстѣ съ возвращеніемъ всѣхъ находящихся въ Хивѣ русскихъ невольниковъ, ханство Хивинское должно прекратить навсегда враждебныя свои противъ Россіи дѣйствія; не притѣснять и не возмущать кайсаковъ, болѣе уже ста лѣтъ признающихъ надъ собою владычество Россіи; не вмѣшиваться вовсе въ ихъ дѣла и не оказывать покровительства измѣнникамъ кайсакамъ; не задерживать насильственно и не грабить караваны, идущіе какъ изъ Бухары въ Россію, такъ и обратно; строго наблюдать, чтобы хивинцы не покупали и не держали у себя русскихъ

въ неволѣ; и наконецъ предоставить русскимъ торговцамъ въ Хивѣ ту же свободу и ту же личную безопасность, какими въ Россіи пользуются подданные всѣхъ азіатскихъ областей, находящихся съ нами въ мирныхъ и торговыхъ сношеніяхъ.

«Таковы суть главныя и справедливыя требованія Россійскаго правительства. Исполненіе перваго изъ нихъ, то есть немедленная присылка въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, будетъ служить первымъ шагомъ къ примиренію. Въ удостовѣреніе же точнаго соблюденія прочихъ условій хивинцы должны будутъ прислать въ Россію двухъ или трехъ заложниковъ изъ почетнѣйшаго сословія тамошнихъ жителей.

«Когда все сіе будетъ выполнено, тогда только будутъ прекращены приготовленія къ военнымъ противу Хивы дѣйствіямъ, отпустятся задержанные въ Россіи купцы хивинскіе съ ихъ товарами, и торговыя сношенія возобновятся на прежнемъ основаніи.

«И такъ, владѣльцу хивинском открывается еще возможность къ примиренію, но для сего онъ долженъ дѣйствовать искренно и не теряя времени въ безполезныхъ для него ухищреніяхъ. Если онъ вполнѣ постигнетъ собственныя свои выгоды, то онъ поспѣшитъ исполнить сіи требованія наши; если же онъ станетъ попрежнему упорствовать въ необдуманной враждѣ противъ Россіи, то послѣдствія сего упорства докажутъ ему, что всякое неблагонамѣренное дѣйствіе получаетъ, рано или поздно, заслуженное наказаніе.

«Сіе объявленіе дѣлается мною вновь хивинскому правительству, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, въ отвѣтъ на оба вышепомянутыя письма, въ коихъ владѣлецъ хивинскій изъявляетъ желаніе объ установленіи мирныхъ сношеній».

А 27 іюля 1840 года, за № 109, изъ лагеря подъ Краснымъ селомъ, Его Императорское Величество изволилъ выразить намъ свое благоволеніе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

«Господину Корпусному Командиру, Генералъ-Адъютанту

Перовскому. Получивъ донесеніе ваше о возвращеніи въ Оренбургъ остальной части отряда, предпринимавшаго, подъ начальствомъ вашимъ, поискъ въ Хиву и возобновивъ при этомъ случаѣ въ памяти своей всѣ подробности похода, совершившагося среди жестокой зимы въ степи, безпріютной и безкормной,—Я не могу не изъявить вамъ искренней признательности, за твердость духа и благоразумныя распоряженія, коими вы сохранили въ отрядѣ должный порядокъ и сберегли по возможности здоровье людей.

«Цѣль сего похода не была достигнута по причинамъ случайнымъ, ни отъ какихъ соображеній не зависящимъ. Не менѣе того, онъ будетъ памятникомъ непоколебимаго могущества, которое явили сподвижники ваши въ борьбѣ съ препятствіями, самою природою противупоставленными, и послужитъ новымъ доказательствомъ доблестей, отличающихъ Русское войско.

«Поручаю вамъ объявить генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ походѣ, совершенное Мое благоволеніе за примѣрное усердіе, съ коимъ всѣ и каждый изъ нихъ исполнили свои обязанности.

«Изъявите имъ съ тѣмъ вмѣстѣ несомнѣнную надежду Мою видѣть въ нихъ ту же достохвальную ревность въ случаѣ возобновленія поиска въ Хиву.

«Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

ГЛАВА XX.

Мой взглядъ объ избраніи времени года для похода изъ Россіи въ Середнюю Азію.— Особенности степнаго похода.—О болѣе удобномъ времени дня, для выхода отряда съ ночлега.—Что предпринимать при зимнихъ и лѣтнихъ буранахъ и при нападеніи на отрядъ непріятеля.—Постройка каре изъ верблюдовъ.—Указаніе способовъ и инструментовъ для заготовлении водопоя, топлива и фуража, консервовъ и проч.—Храненіе этихъ последнихъ внутри степныхъ укрѣпленій.

Совѣтъ отъѣзжающимъ въ степь по службѣ.—Удобство примѣненія ранцевъ, проэктированныхъ Принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, при летучихъ отрядахъ; о вьюкахъ и сѣдлахъ.

Вынесенный изъ этого похода опытъ, сообща съ примѣрами степныхъ кампаній Египетской, Алжирской, Абисинской и другихъ, внушаетъ мнѣ желаніе поговорить съ тѣми, кого эти строки интересуютъ, и указать на все полезное въ самыхъ короткихъ словахъ. Мнѣ кажется, что съ подобныхъ указаній можно было бы выработать инструкцію въ главныхъ ея началахъ, и тѣмъ если не положить конецъ, то предупредить нерѣдко встрѣчаемыя недоразумѣнія.

Вамъ извѣстно, что со временъ Петра I мы начали избирать пути и время года для удобнаго по возможности достиженія нашими отрядами разныхъ пунктовъ въ Центральной Азіи. Мы знаемъ также, что всѣ наши стремленія эти были и есть для умиротворенія вѣками закоснѣлаго невѣжества полудикихъ ея обитателей, а не для пріобрѣтенія ея богатствъ, не для завоеваній. Мыслимо ли намъ расширять предѣлы нашей имперіи. При-

томъ война въ степи дѣло второстепенное, еслибъ самое достоинство ея къ тому не вынуждало.

Тутъ вся суть дѣла есть походъ, борьба съ природою.

Но приэтомъ нужно имѣть въ виду то различіе, что бываетъ или: а) походъ отряда, обезпеченнаго всѣмъ нужнымъ въ дорогѣ, б) походъ военнаго каравана, идущаго степью съ всегдашнею осторожностію быть готовымъ отразить нападеніе голодныхъ хищниковъ; или наоборотъ, г) походъ безъ дорогъ, а часто и безъ хорошей топографической карты: невѣрная карта всегда и вездѣ сущая бѣда для путешествія, но въ степи въ особенности, и д) походъ безъ пристанища для людей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ корма и воды.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы запастись всѣмъ этимъ необходимымъ для здоровья человѣка и животнаго заблаговременно. Предупреждаю, что при отсутствіи промышленности въ степи, маркитантовъ нѣтъ, да еслибы таковые и нашлись, то они не могли бы удовлетворить и части нашихъ потребностей или роскоши, вошедшей въ привычку. Многаго отъ казны просить нельзя, да и не дадутъ того, что не полагается. Слѣдовательно, прежде всего надобно запастись скромностію въ своихъ потребностяхъ и свыкнуться съ мыслію довольствоваться въ степномъ походѣ самымъ необходимымъ.

Мѣстности, пройденныя уже и изслѣдованныя нашими отрядами, направленными съ разныхъ сторонъ въ г. Хиву, вмѣстѣ съ указаніями бывалыхъ хивинскихъ караванъ-башей, краспорѣчивѣе и вѣрнѣе всѣхъ прежнихъ писателей объ этомъ, подскажутъ когда и гдѣ идти надо. Надѣюсь, они убѣдятъ, что среди зимы и среди лѣта не надо пускаться въ безкормныя и безводныя степи. Выбирать надо для похода осень или весну.

Исключая конечно экстренныя командировки, тогда не надобно упускать изъ виду, что лѣтомъ слѣдуетъ подниматься съ мѣста не позже 3-хъ часовъ утра и не ранѣе 2-хъ часовъ. При выходѣ съ ночлега въ 4-ре часа по полудни, надо стараться быть на мѣстѣ въ 10-ть часовъ вечера.

И вообще надо начальнику отряда сообразоваться съ разстояніемъ перехода, съ подножнымъ кормомъ и временемъ для очистки колодцевъ.

Лѣтомъ (если бы представилась крайняя надобность для похода), когда жаръ равняется 40° по Реомюру, слѣдуетъ бить подъемъ въ 7-мъ часовъ и идти ночью.

Наконецъ въ бураны какъ зимою, такъ и лѣтомъ, отряду слѣдуетъ тотчасъ останавливаться. Вьюки безъ суеты укладываются въ каре, точно также, какъ при встрѣчѣ нападенія. Въ такіе бураны лѣтомъ морды животныхъ вытираются мокрыми суконками (освѣжаются); а зимою подъ верблюдами расчищается снѣгъ и кладется подстилка; лошадей же слѣдуетъ тщательно покрывать и стреножить. Постройка каре въ степномъ отрядѣ всякому извѣстна: передніе верблюды изъ нитокъ сдваиваются, смыкаются и въ тѣ же минуты укладываются одинъ подлѣ другаго головами внутрь каре, въ углахъ фасовъ ставятся орудія или картечницы; потомъ, одна половина верблюдовъ примыкаетъ вправо, исключая крайнихъ нитокъ, другая влѣво, а задніе, пропустивъ лазаретъ и вангенбургъ въ средину, замыкаютъ каре. Пока люди не привыкли къ своему дѣлу, неутомимая заботливость начальника должна быть безгранична.

Въ степяхъ ничтожныя рѣчки, часто и очень вѣрно получаютъ названіе «сухихъ рѣчекъ», и вода добывается изъ колодцевъ; но какъ на добываніе воды, изъ вновь вырываемыхъ отрядомъ колодцевъ, теряется иногда и безъ пользы не мало времени, то я нахожу, что каждый такой отрядъ не лишнимъ было-бы снабжать буравомъ [1]), который очень легко и скоро углубляется; затѣмъ насосомъ [2]), съ помощію котораго не скоро мутится вода и, вообще, устраняется безпорядокъ при водопояхъ; а наконецъ раздать продолговатыя парусинныя корыта и ведра, которыми во время пути можно было бы покрывать заготовленный и возимый въ тюкахъ пресован-

---

¹) ²) ³) Бурава, насосы и прессы можно получить въ С.-Петербургѣ въ Сельско-Хозяйственномъ Музеѣ, на Дворцовой площади.

ный фуражъ. На водопоѣ такія корыта, подвѣшенныя на приколахъ, могли бы служить колодою. За тѣмъ упомяну, что во время пути, за недостаткомъ воды, для утоленія жажды лѣтомъ, я испыталъ благодѣтельное средство держать во рту пули, или пуговицу, или сахаръ для отдѣленія слюны.

Но вообще въ степи, гдѣ позволяетъ топливо, слѣдуетъ маломальски больнымъ пить чай съ лимонною кислотою, а за неимѣніемъ угля добыть кипятокъ, пропускать воду чрезъ бѣлый суконный карманъ.

Вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ кочующихъ киргизовъ и кочующихъ торговыхъ каравановъ, мы весьма часто бываемъ лишены топлива (камыша и кореньевъ), а равно и подножнаго корма.

Поэтому мѣстами мы должны для верблюдовъ и лошадей возить фуражъ съ собою.

При нашемъ даже ничтожномъ водвореніи поселеній въ степи, полезно было бы заготовлять топливо и прессованное сѣно.

Какъ переселенцы, въ замѣнъ уплаты своихъ подушныхъ сборовъ, такъ служивые люди, привыкшіе къ этому труду съ дѣтства, приготовляя камышъ и сѣянную около укрѣпленія траву, въ прессованныхъ тюкахъ, доставили бы этимъ большое подспорье отрядамъ успѣхъ которыхъ часто зависитъ отъ продовольствія животныхъ.

Вѣдь нельзя сказать a priori, чтобы въ степяхъ ничего не росло; а что не растетъ, то можно посѣять, чтобы выросло. И въ Каракумахъ на голыхъ пескахъ растетъ *Джи*. Она изъ вида тонкаго Американскаго тростника. Ее можно у меня видѣть. Для сбереженія этихъ необходимыхъ продуктовъ въ тюкахъ, полезно бы было вырыть внутри укрѣпленія погреба, или ямы, наподобіе того, какъ то дѣлается у малороссіянъ для храненія зерноваго хлѣба. Они не требуютъ строительныхъ матеріаловъ для построекъ, исключая западни, не стѣсняютъ пространства внутри укрѣпленія, удобны какъ для наблюденія за цѣлостію топлива и фуража, такъ и безопасны отъ пожара.

Независимо отъ этого, для продовольствія въ походахъ лошадей и верблюдовъ, совѣтую воспользоваться испытанными мною консервами, въ настоящее время посланными на всемірную Вѣнскую выставку [1]). Заготовленіе моихъ консервовъ въ степномъ краю не дорого, удобно для перевозки, и безъ утраты они могутъ дойти до цѣли своего назначенія.

Хотя въ нашей армейской кавалеріи, съ незапамятныхъ временъ, введено при полковомъ вьюкѣ имѣть на сѣдлѣ овесъ въ саквахъ, а сѣно въ киткахъ, т. е. скрученное хорошо веревкою и свернутое въ кругъ; но въ степномъ походѣ при усовершенствованіи въ наше время механики, при вьючныхъ животныхъ слѣдовало бы дѣлать прессованные тюки изъ 3-хъ частей сѣна и одной части не много недозрѣлаго овсянаго колоса, укладывая колосья съ соломою въ срединѣ тюка, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Вѣсу въ двухъ таковыхъ тюкахъ 15-ть пудовъ, что и составляетъ полный вьюкъ на хорошаго верблюда. Такіе готовые образцы тюковъ можно видѣть въ хозяйственномъ музеѣ, на Дворцовой площади. Я только полагалъ бы чугунные пресы для удобства ихъ перевозки не перевозить, а приспособить катить до мѣста.

Всѣ эти воспоминанія прошедшаго, съ могущими быть сдѣланными улучшеніями въ настоящемъ, навели меня на мысль сказать кое-что объ офицерскомъ хозяйствѣ и о вьюкахъ. Командированный изъ Россіи чиновникъ, въ походѣ не долженъ жить особнякомъ: для сокращенія излишнихъ хлопотъ и расходовъ ему надо войти въ долю артели, по примѣру моряковъ.

Собственно для себя ему надо взять 6-ть паръ бѣлья и дюжину получулокъ; вѣсъ ихъ 20 фунтовъ. Мундиръ съ шароварами вѣсомъ 6 ф. Пара сапогъ 3 фунта. Гребень, зеркало, карандашъ бумаги, англійскаго пластырю, бинтъ, немного чаю и сахару, сѣтки, тоже вѣсомъ 17 фунтовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы вьюкъ этотъ былъ 1 пудъ.

Съ переходомъ отряда въ степь, совѣтую запастись ру-

---

[1]) Въ Петербургѣ ихъ получить можно и заказывать у Казанск. Соб. на углу Невск. д. № 27—18, кв. № 108. Въ моей квартирѣ.

бахою, пропитанною дегтемъ, и надѣть ее на голое тѣло. Этимъ простымъ гигіеническимъ средствомъ гнушаться не слѣдуетъ. Много чрезъ два или три дня вы, надѣвши эту рубаху, къ ней привыкаете. Поры вашего тѣла, осмолившись, какъ бы застраховываются отъ разныхъ язвъ и тѣхъ животныхъ, которыя весьма безпокойны и въ обыкновенномъ походѣ, развивающіяся отъ нечистоты тѣла, или выдѣляющіяся изъ вашей крови. На дегтярную надѣвайте другую чистую рубаху, стеганные подштанники со штрипками на кочкурѣ, галстукъ, пришитый къ нагруднику, и сверхъ всего этого пальто съ башлыкомъ, лѣтомъ изъ парусиннаго полотна № 6-й, на столько длинное по росту, чтобы защищало ѣхавши верхомъ ваши колѣна. Идучи пѣшкомъ, полы можно застегнуть назадъ, чтобы онѣ не стѣсняли свободу шага. На голову фуражку, въ кобуръ револьверъ, шашку черезъ плечо — и болѣе вамъ ничего не надо.

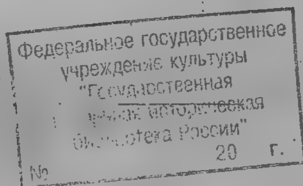
Если любите охоту, то возьмите Бердановскій карабинъ. Консервы и всякое другое продовольствіе укладывается въ короба на верблюжій вьюкъ съ артельными запасными продуктами. Въ степныхъ, обыкновенныхъ и летучихъ отрядахъ, для сохраненія здоровья офицеровъ и нижнихъ чиновъ, когда на двухъ изъ нихъ полагается вьючная лошадь, полезно было бы при сѣдланіи на потникъ, подъ лепчикъ (арчагъ), пригонять на ремняхъ легкій вьюкъ, состоящій изъ двухъ ранцевъ. Такіе ранцы, изобрѣтенные Его Высочествомъ Принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, я видѣлъ въ Петербургскомъ вещевомъ складѣ.

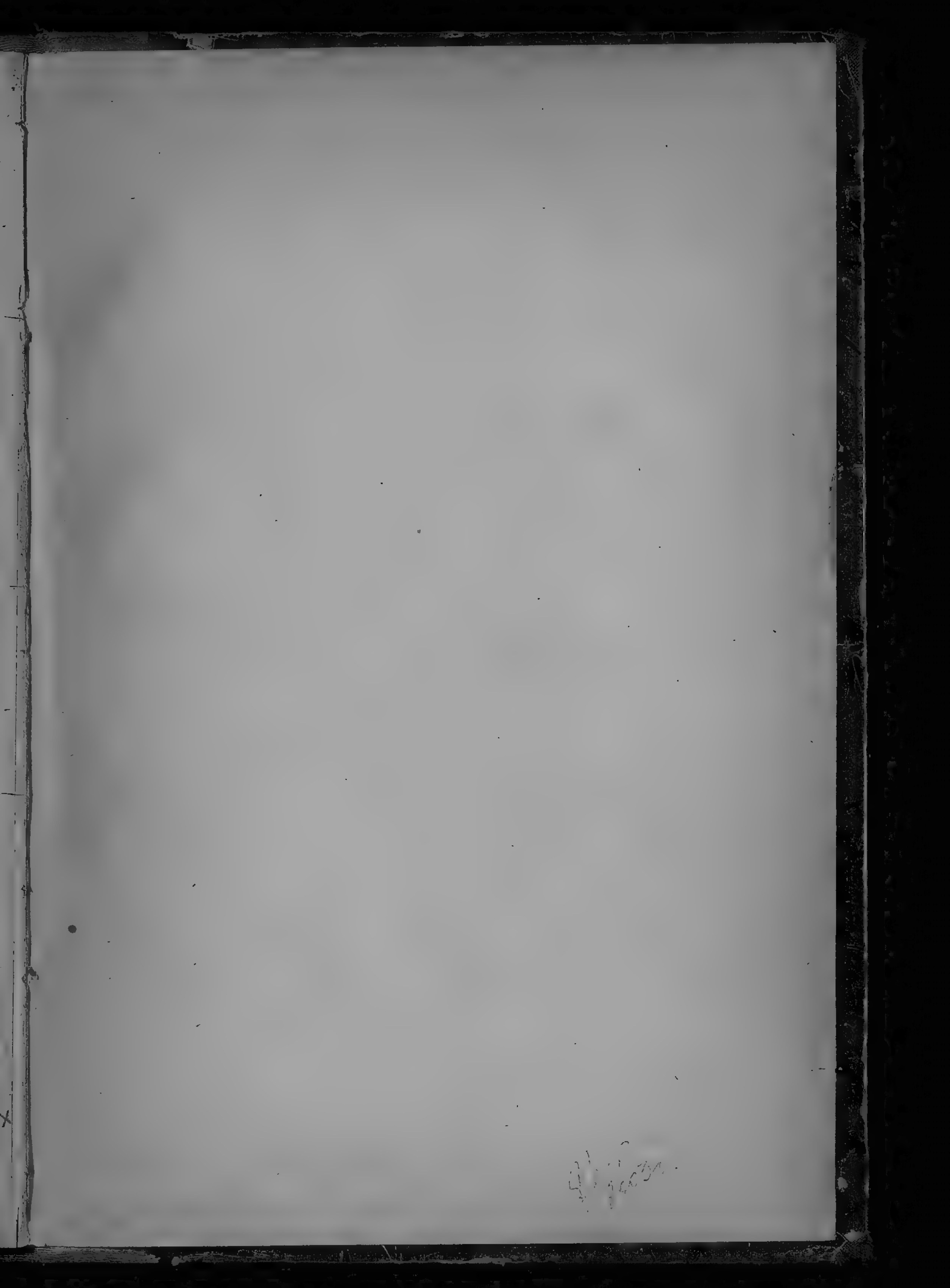
Въ такой вьюкъ солдату можно положить все полагаемое отъ казны, но кромѣ того, при этомъ ранцѣ, чрезвычайно практично приспособлены кровати, избавляющія солдата и офицера въ степи отъ вреда спать на голой землѣ, гдѣ нѣтъ подстилки.

Съ введеніемъ этого вьюка, въ степныхъ экспедиціяхъ не лишнее было бы, я нахожу, оторачивать овчиною края кровати, чтобы, во время сна, первые степные враги наши — скорпіоны-тарантулы и друг. ползуны, переваливаясь съ волоска на волосокъ, не успѣли до подъема отряда добраться до тѣла, и ужалить спящаго.

Хотя нельзя отрицать пользы, дѣлаемой въ степи коржуномъ (вьюкъ изъ широкаго шерстянаго ткани мѣшка, покроя кавалерійской саквы, но шнурами), но въ наше время представляется мною предлагаемый лучше и удобнѣе вьюкъ. Чрезъ приспособленіе удобныхъ вьюковъ, большая часть обоза уничтожается сама собою, а это бремя отряда, свалившееся съ плечъ начальника, въ походѣ не маловажно.

Послѣднее слово въ моемъ блѣдномъ разсказѣ предлагаю: не брать, по примѣру многихъ вашихъ предшественниковъ, служакъ въ степи, кавалерійское или какое нибудь другое сѣдло. Пріобрѣтенное на Уралѣ, казацкое или киргизское сѣдло, у котораго ленчикъ (арчагъ) приспособленъ къ строенію спины тамошнихъ лошадиныхъ породъ, съ потникомъ изъ хорошаго бѣлаго войлока, вамъ будетъ полезнѣе.

7500.–

2р

Н-11891/12

250 8Э

У5 00

Михайлов 1913 г

№ 232

